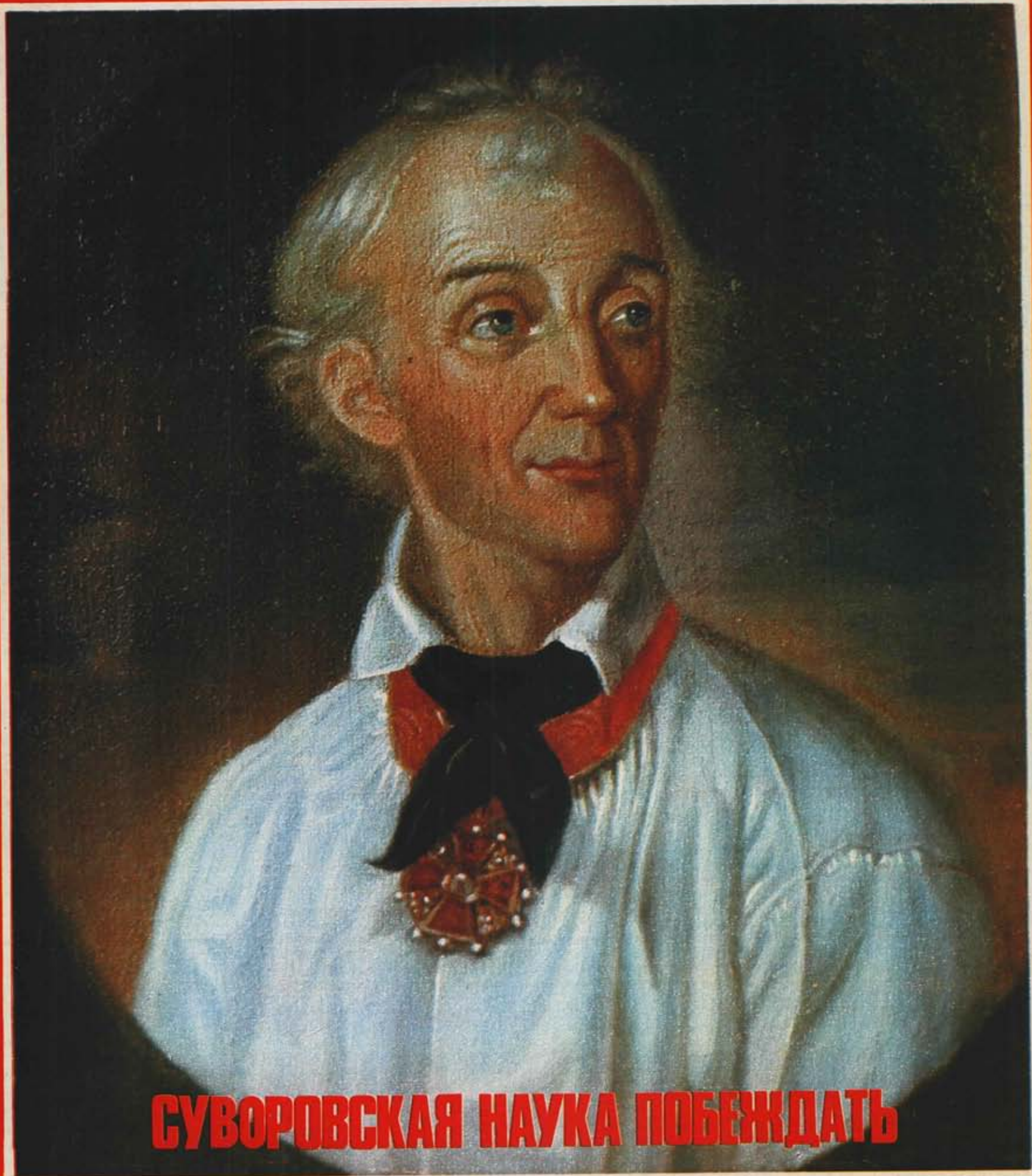

СМЕНА

№ 22 НОЯБРЬ 1980

СУВОРОВСКАЯ НАУКА ПОБЕЖДАТЬ

«...НАША СТРАНА ВСТУПАЕТ В 80-Е ГОДЫ, РАСПОЛАГАЯ МОЩНЫМ ЭКОНОМИЧЕСКИМ И НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИМ ПОТЕНЦИАЛОМ, ВЫСОКОКВАЛИФИЦИРОВАННЫМИ КАДРАМИ. МЫ УВЕРЕННО СМОТРИМ В БУДУЩЕЕ».

Л. И. БРЕЖНЕВ
 Из речи на Пленуме Центрального Комитета КПСС 21 октября 1980 года

Беседы об экономике

Алексей ЧЕРНЫЙ,
 первый секретарь
 Хабаровского
 крайкома КПСС

НАШИ БЛИЗКИИ ДАЛЬНИИ ВОСТОК

— Как это ни удивительно, Алексей Клементьевич, но многим читателям нашего журнала Хабаровский край кажется далеким, суровым и романтическим уголком нашей Родины, а его экономика ассоциируется прежде всего с лесом и рыбой. Когда-то такое представление соответствовало истинному положению вещей. Однако, несмотря на значительные структурные изменения, происшедшие в экономике края в последние годы, этот давний стереотип оказался живучим.

Поэтому, думаю, будет логично, если в самом начале нашей беседы Вы представите Хабаровский край, расскажете о его экономике и месте, которое он занимает в структуре народного хозяйства Дальнего Востока и всей страны.

— Отдаленный, суровый, романтичный — все эти в принципе верные определения все-таки в значительной степени условны и нуждаются в уточнении.

От Москвы до Хабаровска более восьми тысяч километров по железной дороге, и совсем недавно на такую поездку уходило десять суток. Ныне ИЛ-62 доставляет хабаровчан в столицу за восемь-восемь с половиной часов, так что с учетом лаясного времени они прибывают в Москву почти в тот же час, когда вылетают из дома.

Поэтому, если иметь в виду чисто пассажирско-транспортный аспект дела, то понятие «отдаленный» применительно к Хабаровску устарело: научно-технический прогресс «приблизил» его.

В то же время наш край остался регионом экстремальных климатических условий. Между его южной и северной границами более двух тысяч километров. Если для наглядности «приложить» его территорию к европейской части страны, то Хабаровский край размахнется от Ростова или Кишинева до середины Карелии. Даже там, на западе, в такую обширную территорию площадью 824 тысячи

квадратных километров вместились бы несколько природных зон. А у нас по мере продвижения с севера на юг климатические условия меняются более резко. Например, в южных районах края, в Еврейской автономной области, под Хабаровском к середине августа в открытом грунте вызревают помидоры, баклажаны, перец, а в Среднем Ургале и Чегдомыне (это примерно параллель Чернигова и Сум) — зона вечной мерзлоты. Нынешним жарким летом вода в Амуре под Хабаровском прогревалась до 25—26 градусов Цельсия, зато зимы у нас малоснежны, с крутыми, поистине сибирскими морозами.

Полна контрастов и наша природа. В тайге можно встретить лимонник, актиноидию, амурские виноград и бархат, маньчжурский орех, кедр, ель, пихту, а вершинами сопки покрывает тундра с зарослями кедрового стланика. Бок о бок живут представители южной и северной фауны. Короче, наш край не только суров, но и щедр и многообразен.

Ну, а относительно романтики все зависит от того, что под этим понимать. Если романтика — это только возможность увидеть нехоженые земли, то есть у нас и такие: в некоторых малонаселенных районах поныне сохранились уголки, где тропы, даже дороги пробиты не человеком — медведем. Но, по-моему, романтика заключается в другом: в возможности проложить в труднодоступном районе путь к полезным ископаемым, построить в неосвоенном месте новый город, поселок, рудник, завод, короче, оставить дело рук своих, необходимое людям.

— А что представляет собой Хабаровский край в экономическом отношении?

— Это один из наиболее развитых районов Дальнего Востока, и на его долю приходится примерно третья часть всей промышленной продукции этого обширного региона. Когда-то действительно рыба и лес были эконо-

мическим стержнем его народного хозяйства. Тогда маломощные прибрежные колхозы вылавливали около миллиона центнеров рыбы, с переработкой которой едва-едва управлялись мелкие заводы. Еще большего труда стоило доставлять эту продукцию потребителю. Тем не менее тогда она в значительной мере определяла экономическое лицо края. Сейчас мы даем стране несколько миллионов центнеров рыбной продукции. Ведем промысел в основном в открытом море мощными морозильными траулерами. Но даже при таком существенном росте нынче эта отрасль отнюдь не является у нас ведущей.

Первое место в экономике края держат машиностроение и металлообработка. На их долю приходится более 37 процентов промышленной продукции. На втором месте (примерно с пятнадцатью процентами) стоит лесная, деревообрабатывающая, целлюлозно-бумажная и гидролизная промышленность. И это несмотря на то, что Хабаровский край дает около половины всей заготавливаемой на Дальнем Востоке древесины. У нас значительно развита горная промышленность, строительная индустрия, легкая и пищевая отрасли.

— А если говорить не об отраслях, а о готовой продукции, то что производит край?

— Мы строим и ремонтируем морские и речные рыболовные и транспортные суда, самолеты, производим металлорежущие станки, дизели, литейное и энергетическое оборудование, электротехнические изделия, различные виды кабеля, сельскохозяйственные машины, стальные и алюминиевые конструкции, добываем оловянную и медную руду, золото и другие цветные металлы, варим и прокатываем сталь, выпускаем цемент, лекарства, пиломатериалы, картон, целлюлозу, фанеру, кормовые дрожжи — всего и не перечислишь.

— Чем обусловлена такая разносторонность промышленного производства?

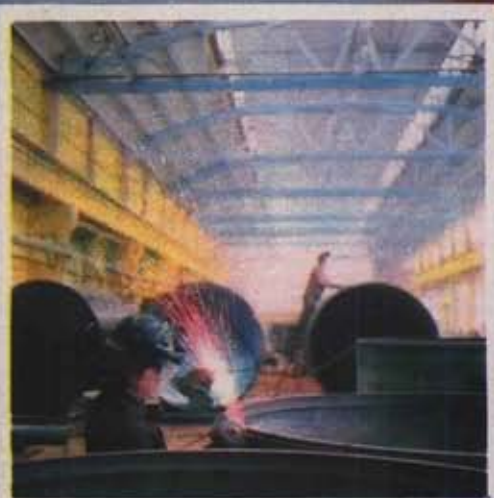
— Во-первых, возможностями, которые предоставляют богатые природные ресурсы.

Во-вторых, необходимостью: специфическими условиями, отдаленностью всего нашего региона от промышленно развитых областей страны. Может быть, это обстоятельство стоило бы поставить на первое место.

Научно-технический прогресс, если быть точным, сократил не расстояния, как мы для красного словца порой утверждаем, а только время, необходимое на преодоление этих расстояний. И многие тысячи километров, которые отделяют Дальний Восток от европейской части Союза, так и остались теми же тысячами. Москва стала ближе к Хабаровску по времени. А везти какой-то груз из конца в конец нашей великой страны по-прежнему далеко и дорого. И в связи с тем, что все более ускоренными темпами начинают вовлекаться в хозяйственный оборот природные ресурсы восточных районов, базировать их освоение только на привозном оборудовании, материалах, а переработку сырья — на производственных мощностях других промышленных районов не только экономически неэффективно, но и просто невозможно: ни один транспорт не справится со всевозрастающим потоком встречных перевозок «восток — запад».

Именно поэтому, учитывая наше особое положение, Дальний Восток — все входящие в него края и области — выступает как относительно автономный экономический район, ведущий на многоотраслевой основе глубокую переработку своих природных ресурсов и по возможности обеспечивающий себя всем необходимым.

Именно об этой нашей задаче говорил Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Леонид Иль-

**ЗА ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ
ХАБАРОВСКИЙ КРАЙ СТАЛ
КРАЕМ РАЗВИТОЙ ИНДУСТРИИ,
КРАЕМ ВЫСОКИХ УРОЖАЕВ,
КРАЕМ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ
КУЛЬТУРЫ.**

Фото Владимира ЧЕЙШВИЛИ

Беседу ведет
специальный корреспондент
«Смены»
Леонид ПЛЕШАКОВ

ич Брежнев во время его последних поездок на Дальний Восток.

— Иными словами, в Хабаровском крае и в будущем сохранится тенденция, которая проявилась в девятой и десятой пятилетках во всех районах Сибири и Дальнего Востока: более высокие темпы роста промышленного производства по сравнению с другими областями страны?

— Несомненно, этот процесс будет продолжаться.

— Тогда расскажите, пожалуйста, как и за счет каких отраслей будет наращиваться экономический потенциал края в ближайшие годы.

— Главными направлениями в промышленности, как и теперь, останутся машиностроение и металлообработка. Мы будем не только расширять уже сложившиеся традиционные для нас производства, но и создавать новые, что позволит более полно обеспечивать растущие потребности края и всего региона в машинах и оборудовании. Разумеется, придется построить ряд новых предприятий. Однако в наших условиях многое могут дать реконструкция и модернизация старых производств.

Возьмем, например, единственное пока на Дальнем Востоке предприятие черной металлургии — завод «Амурсталь», действующий в городе Комсомольске-на-Амуре. Даже при относи-

Наша обложка:
портрет А. В. СУВОРОВА
работы
неизвестного
художника
XVIII века

- 1** НАВСТРЕЧУ XXVI СЪЕЗДУ КПСС.
Алексей ЧЕРНЫЙ, первый секретарь Хабаровского крайкома КПСС.
«НАШ БЛИЗКИЙ ДАЛЬНИЙ ВОСТОК».
- 4** К 250-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ А. В. СУВОРОВА.
«ШПАГА, РАВНЫХ НЕ ИМЕЮЩАЯ».
- 8** Мария КОРЯКИНА. «ПЕРЕПУТЬЯ».
- 10** Стихи Михаила БЕЛЯЕВА.
- 11** К ЧИТАТЕЛЯМ И ДРУЗЬЯМ «СМЕНЫ»: ПОДАРИМ УРЕНГОЮ ДЕТСКУЮ БИБЛИОТЕКУ.
- 12** АВТОБИОГРАФИИ.
Александр ОПАРИН, академик.
«ПОСЕВ НАУЧНЫЙ — ДЛЯ ЖАТВЫ НАРОДНОЙ».
- 15** ЭКСЛИБРИС «СМЕНЫ».
- 16** НОЯБРЬСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ.
Обзор зарубежной печати.
- 18** ЧЕЛОВЕК СРЕДИ ЛЮДЕЙ.
Валерий ХРАПОВ. «КУЦЯ ДОБРОТА».
- 20** ЛИТЕРАТУРНЫЙ ГЛОБУС «СМЕНЫ».
Повесть Инизеро КРЕМАСКИ «ЧЕРНАЯ КОЖАНКА».
- 24** Анатолий КУРЧАТКИН.
«ВОДА, ИСЧЕЗАЮЩАЯ В ПУСТЫНЕ».
- 27** «КАМЫ» И МИШКИ НАХОДЯТ ХОЗЯЕВ.
- 28** К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ А. А. БЛОКА.
Владимир ЕНИШЕРЛОВ. «ЭТО ВСЕ — О РОССИИ».

Главный редактор А. А. ЛИХАНОВ

Редколлегия: В. С. ГЛЕБОВ, Б. Л. ДАНОШЕВСКИЙ, В. И. ДЕСЯТЕРИК, А. Ю. КОМАРОВ, А. П. КУЛЕШОВ, В. В. ЛУЦКИЙ (заместитель главного редактора), В. Г. ПОБЕДОНОСЦЕВ (ответственный секретарь), Р. И. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ, Е. И. РЯБЧИКОВ, В. А. САЮШЕВ, В. И. СЕВАСТЬЯНОВ, Г. С. ТЕРЗИБАШЬЯНЦ (главный художник), Б. А. ФАИН, Д. Н. ФИЛИППОВ, Г. Н. ЧЕБОТАРЕВ, О. Н. ШЕСТИНСКИЙ.

Художник Г. С. Терзибашьянц. Технический редактор Л. И. Курлыкова.

© Издательство «Правда». «Смена». 1980 г.

тельно небольшой мощности — всего миллион тонн металла в год — он «ухитряется» плавить сталь, которая не находит применения на Дальнем Востоке, и для дальнейшего передела ее приходится перевозить в западные районы страны, а оттуда к нам движется встречный поток металла, необходимого нашим машиностроительным и металлообрабатывающим заводам. Если же на «Амурстали» развить электросталеплавильное производство с выпуском высококачественных легированных марок металла, более приближенных по своим свойствам к нашим потребностям, можно будет в значительной мере избежать расходов, связанных с непроизводительными перевозками, и более полно удовлетворять запросы дальневосточной промышленности в металле за счет его производства на месте.

Или другой пример. Известно, что дальнейшее развитие экономики Дальнего Востока и Забайкалья связано со значительным увеличением объемов строительно-монтажных работ в период до 1990 года, что, в свою очередь, требует устойчивого обеспечения металлопрокатом.

Для удовлетворения этих растущих потребностей целесообразно создать на Дальнем Востоке производство сортовой арматурной стали. Оно не только позволит сократить перевозки металлопроката из районов Центра и Западной Сибири с высвобождением нескольких тысяч железнодорожных вагонов в год, но и разрешит полнее использовать местные ресурсы лома черных металлов, повысит эффективность расходования металлопроката в строительстве. Совместно с Министерством строительства в районах Дальнего Востока и Забайкалья Хабаровский крайком КПСС внес предложение о строительстве в одиннадцатой пятилетке на заводе «Амурсталь» нового металлургического блока по производству используемого в строительстве сортового проката мощностью 300—500 тысяч тонн в год.

Создание нового крупного центра черной металлургии на базе железорудных и угольных месторождений в зоне БАМа не противоречит, а только будет способствовать специализации «Амурстали», ибо с годами потребности нашего региона в высококачественном металле и металлопрокате будут возрастать еще быстрее.

У нас имеются хорошие перспективы дальнейшего развития горнорудной промышленности и цветной металлургии. Сейчас Хабаровский край является одним из крупнейших в стране добытчиков олова и единственным на Дальнем Востоке — меди. Есть у нас и другие цветные металлы. Геологические поиски и разведка последних лет показывают, что их добыча в крае может быть значительно увеличена. Однако мы считаем, что добыть руду и произвести из нее концентрат уже недостаточно — можно достигнуть большей эффективности, если создать на месте цветную металлургию, получать здесь чистый металл и даже пускать его в переработку. Некоторые предприятия этого профиля уже строятся. Другие, не сомневаюсь, будут запроектированы в ближайшее время.

Еще не до конца используются лесные ресурсы края. Подсчитано, что ежегодно у нас заготавливается всего 60 процентов от ежегодного объема прироста древесины. Значит, миллионы кубометров ценнейшего леса переставают, стареют, усыхают, что равносильно потерям продукции на десятки и сотни миллионов рублей. Правда, леса, не вовлеченные пока в хозяйственный оборот, находятся в северных и труднодоступных районах. С началом эксплуатации восточного участка БАМа мы сможем в известной мере разрешить эту задачу. Но чтобы справиться с нею полностью, нужно будет продолжать строить дороги, порты, создавать леспромхозы севернее

новой железнодорожной магистрали — в Аяно-Майском, Тугуро-Чумиканском районах, в районе имени Полины Осипенко.

В то же время для достижения наибольшей эффективности недостаточно простое наращивание лесозаготовок. Необходима глубокая механическая и химическая переработка древесины. В этом отношении кое-что уже делается. Действуют заводы древесностружечных и древесностружечных плит, целлюлозно-картонные и гидролизные предприятия, заводы по производству кормовых дрожжей и щепы для гидролиза. Но этого мало, требуется дальнейшее наращивание мощностей этих отраслей промышленности, что позволит не только более полно использовать деловую древесину, но и пустить в переработку так называемую дровяную древесину, ранее сжигающуюся на лесосеках или в лучшем случае шедшую на топливо.

Наша нефтехимия, начинавшаяся с сахалинского сырья, базируется ныне и на нефти Западной Сибири. Сейчас сахалинские газовики обнадеживают нас хорошими перспективами на разработку газовых месторождений. Если их прогнозы подтвердятся, наш край сможет в дальнейшем развивать азотно-туковую промышленность. Недавно в северных районах края открыты фосфориты. Если разведка докажет их промышленные запасы, в дополнение к азотным удобрениям можно будет наладить выпуск еще и фосфорных, столь необходимых дальневосточному сельскому хозяйству.

Так что будущее расширение промышленного производства в крае хабаровчане видят не только в создании новых предприятий и отраслей, но и в более рациональном и полном использовании уже имеющихся, в более глубокой переработке природных ресурсов, что позволит повысить эффективность народного хозяйства края.

— Я заметил, Алексей Клементьевич, что в своем рассказе Вы несколько раз упомянули БАМ. С завершением этой сверхдальней магистрали страна получит не только второй железнодорожный путь к Тихому океану, БАМ, как всякая крупная инфраструктурная стройка, окажет активное воздействие на ускоренное освоение прилегающих к ней районов, приведет к созданию ряда новых территориально-производственных комплексов и промышленных узлов, позволит народному хозяйству страны начать эксплуатацию природных ресурсов прилегающей зоны. В свое время нечто подобное произошло с Транссибирской железной дорогой — вдоль нее вырос целый индустриальный пояс. БАМ даст толчок к созданию второго. А как повлияет эта стройка на развитие края — ведь восточное крыло магистрали проходит по его территории?

— У Хабаровского края, как ни у какой другой области Восточной Сибири и Дальнего Востока, с БАМом связано не только будущее, но и настоящее и даже прошлое. Когда в тридцатые годы было принято решение о строительстве Вайкало-Амурской магистрали, наиболее активно искищательские, проектные и строительные работы начали вестись на вспомогательных участках ее восточного плеча: Известковая — Ургал, Волочаевка — Комсомольск-на-Амуре и Комсомольск-на-Амуре — Советская Гавань. В 1940 году первые поезда пришли из Хабаровска в город юности. Война заставила полностью свернуть работы на магистрали. Как известно, инженерно-технические кадры и производственная база были переброшены на фронт для строительства фортификационных сооружений и рокадных дорог.

Но БАМ был нужен стране, и, не-

смотря на колоссальные трудности, еще в ходе войны правительство сочло необходимым вернуться к его сооружению. В конце июля 1945 года было открыто сквозное движение поездов на ветке Комсомольск-на-Амуре — Советская Гавань. Вскоре железнодорожное полотно пролегло к Ургалу. Так что некоторые участки БАМа в нашем крае эксплуатируются уже двадцать пять — тридцать лет. Они помогали нам строить Комсомольск, Ургал, Советскую Гавань, помогали разрабатывать месторождения угля и олова, осваивать лесные ресурсы.

Принятое в 1974 году решение партии и правительства о строительстве БАМа — это качественно новый этап в строительстве второй Транссибирской железнодорожной магистрали. Конечно, и раньше существовала необходимость в создании такого пути. Но теперь без такой магистрали стало просто невозможным развитие и эффективное использование природных ресурсов восточных районов страны. Тем более что теперь страна имеет для этого необходимые материальные и технические ресурсы, достаточную научную и проектную базу.

О значении этой стройки говорит внимание, которое уделяют ей Центральный Комитет КПСС, правительство Советского Союза и лично Леонид Ильич Брежнев.

И мы, хабаровчане, гордимся тем, что на нашем восточном участке БАМа на два года раньше срока была завершена укладка путей, что мы сумели раньше других закладывать свою часть магистрали и начать рабочее движение на всем ее протяжении. Несомненно, большую роль тут сыграли опыт прежних лет. Хабаровские проектные организации сумели в определенной мере использовать результаты прежних изысканий, проявили высокую самоотверженность и сумели оперативно выдать строителям необходимую проектную документацию, а те без раскачки включились в работу.

Что даст эта магистраль краю? Ее завершение будет способствовать формированию Ургальского промышленного узла и благоприятно скажется на дальнейшем развитии Комсомольского (или, как его еще называют, Нижнеамурского) ТПК. Вдоль железной дороги вырастут новые поселки горняков, лесоразработчиков, машиностроителей.

Нам кажется, что в перспективе следовало бы подумать о возможности прокладки железной дороги от Комсомольска-на-Амуре до Николаевска-на-Амуре, об ответственных путях от БАМа на север края, что позволило бы значительно оживить эти районы, подойти к богатствам, имеющимся там.

— *Что говорить — перспективы Хабаровского края впечатляющие. Но мне кажется, осуществление этих грандиозных планов встретит немало проблем, решать которые нужно не завтра, а уже сегодня. Ведь для того, чтобы все намеченное было разведано, построено, сдано в эксплуатацию, выведено на проектную мощность, необходимо иметь соответствующую строительную индустрию, энергетику, наконец, рабочие кадры. Я понимаю, что какую-то часть продукции можно получить за счет повышения производительности труда, использования более совершенной техники и оборудования, перехода на более производительную технологию. И все-таки без привлечения рабочей силы из других районов страны не обойтись. Значит, нужно строить жилье, весь так называемый «соцкультбыт» в полном соответствии с современными представлениями о комфорте и удобствах, с учетом экстремальных климатических условий края. Наконец, нужно наладить устойчивое снабжение населения всем необходи-*

мым, продуктами питания в том числе. Все это очень не простые вопросы. Без их успешного решения трудно надеяться на закрепление кадров. Вы согласны, Алексей Клементьевич?

— Конечно, согласен. Жизнь постоянно ставит эти сложные вопросы перед крайними организациями, и нам уже сегодня приходится их решать. Уверен, немало их возникнет и завтра.

В первую очередь это проблемы, связанные со строительством.

Сейчас идет разработка и подготовка одинадцатого пятилетнего плана. После его обсуждения XXVI съездом КПСС и утверждения Верховным Советом СССР он станет законом, который нужно будет выполнять. Хотя сегодня еще нет окончательных данных по объему капитальных вложений и размещению в крае новых мощностей в предстоящем пятилетии, одно бесспорно: они значительно возрастут. Справиться с заданиями нам помогут и уже имеющиеся в крае строительные организации и те, что будут дополнительно созданы в ближайшие годы. С этой целью и образовано недавно союзное Министерство строительства в районах Дальнего Востока и Забайкалья. Так что в этом вопросе все достаточно ясно.

Известную сложность будет представлять обеспечение энергией. Пока что промышленность края базируется в основном на мощностях теплоэлектростанций Хабаровска, Комсомольска, Амура и некотором получении электроэнергии из Приморья и Амурской области. Наши электростанции работают на бурых райчихинских углях Амурской области. Однако это месторождение уже сильно истощено, и сегодня в полный рост встает вопрос об освоении новых месторождений угля, в том числе и собственных.

— *Вы имеете в виду Ургальский бассейн?*

— Нет. Ургальские угли слишком калорийны, и, чтобы перейти на них, пришлось бы капитально переоборудовать наши ныне действующие тепловые станции. Хотя, конечно, есть полная целесообразность наращивать более быстрыми темпами добычу и ургальских углей. В то же время сейчас под Комсомольском-на-Амуре открыто Лианское бурогольное месторождение, ускоренный ввод в эксплуатацию которого помог бы решить проблему обеспечения станций энергетическими углями. Сейчас закончено сооружение Зейской ГЭС и ведется строительство второй на Дальнем Востоке гидроэлектростанции на реке Бурее. Мы несколько запоздали с прокладкой линий электропередач от Зеи на восток. Добыча руд цветных металлов, их обогащение, а в будущем и глубокая переработка — энергоемкие производства. Бурно растет потребление электроэнергии и в других отраслях промышленности. Сейчас началась электрификация восточного участка Транссибирской магистрали, будет работать на электротяге и БАМ. Немало электроэнергии используется и на бытовые нужды. В последние четыре года, например, жители края приобрели 180 тысяч телевизоров, 130 тысяч холодильников, 128 тысяч стиральных машин, десятки тысяч другой электробытовой техники. И все это требует возрастающего количества электричества. Так что с годами потребность в электроэнергии увеличится многократно. Соответствующие энергетические мощности нужно создавать заранее, опережающими темпами. Это наша ближайшая задача.

— *Но, наверно, самый сложный вопрос — кадры?*

— Пожалуй. С трудовыми ресурсами сейчас повсеместно в стране име-

ются определенные проблемы, а на Дальнем Востоке на все это накладывают отпечаток и своя специфика. У нас практически нет резерва свободных рабочих рук, поэтому возможность миграции внутри края и региона чрезвычайно ограничена. Конечно, мы можем изыскать какое-то количество рабочих для наиболее важных объектов, но для этого придется снять их с других производств.

Когда мы призываем на строительство рудников, заводов, городов, поселков тысячи молодых энтузиастов из других областей страны, мы всегда имеем в виду (во всяком случае, надеюсь), что большинство из них в период строительства получают новые профессии, необходимые основному производству, и с пуском его станут рабочими этих предприятий, постоянными жителями новых населенных пунктов, станут дальневосточниками. Это один из главных путей формирования новых производственных коллективов, заселения вновь осваиваемых территорий.

— *Трудно дается это дело?*

— Известные сложности есть. Однако дело не стоит на месте.

За два прошедших пятилетия население края выросло на двести двадцать тысяч человек. При наших миллионах шестиста тысяч это немало. Частично увеличение произошло за счет естественного прироста, но много дал и приток из других областей страны, в основном за счет молодежи, которая ехала сюда работать на стройках, служить в армии, но полюбила новые места, осталась, создала семьи, превратилась в дальневосточников.

В этом плане наш край имеет давние традиции. В 1932 году у нас, на Амуре, началось строительство города юности — Комсомольска. Фактически это была первая ударная комсомольско-молодежная стройка. Начало тридцатых годов — время Днепрогэса, Магнитки, Горьковского автозавода, Кузбасса, Московского метрополитана. Но даже на таком блестящем фоне Комсомольск казался живой легендой. Подвиг его первооткрывателей стал олицетворением патриотизма, трудового героизма, примером для подражания грядущим поколениям. Их сыны в пятидесятые — шестидесятые годы строили Амурск и Солнечный, внуки в семидесятых пришли на трассу БАМа, комсомольцы восьмидесятых будут претворять в жизнь очередные планы партии.

— *За свои почти что пятьдесят лет — даже не верится: городу юности уже полвека! — Комсомольск-на-Амуре славно потрудился, вдохновляя участников многих наших строек, и не только дальневосточных. Подвиг его строителей был образцом для тех, кто после войны восстанавливал разрушенные врагом города и села, кто поднимал целину, возводил электростанции на Ангаре и Енисее, осваивал нефтегазовые месторождения Западной Сибири.*

Но пятьдесят лет, согласитесь, Алексей Клементьевич, — это слишком много, чтобы оставаться эталоном...

— Смотря в чем.

Первооткрыватели Комсомольска вручную валяли тайгу, вручную копали котлованы под фундаменты заводов, отсыпали железнодорожное полотно с помощью обыкновенной тачки мощностью в одну человеческую силу. К сожалению, тогда страна не имела возможности дать им необходимые машины и механизмы, не могла должным образом энерговооружить.

Первооткрыватели города юности жили в землянках, шалашах, терпели бытовые неурядицы, которые ныне трудно даже представить. Но в те времена не было иного выхода, кроме

одного: терпеть и создавать экономическую мощь страны.

Сейчас нам не нужно испытывать строителей на выживаемость, не нужно уповать лишь на крепость их мышц. Они обеспечены достаточным количеством высокопроизводительной техники, а условия жизни отвечают современным требованиям. Конечно, где-нибудь в глухой тайге нельзя в один день построить капитальные жилые дома, дворцы культуры. Но временные поселки с удобными общежитиями, центральным отоплением, водоснабжением, домами культуры (пусть деревянными, сборно-щитовыми, но вполне пригодными для культурного отдыха), яслями, детскими садами, школами, магазинами и всем прочим построить можно. И мы строим. У нас даже проводится соревнование среди молодых поселков зоны БАМа: у кого бытовые условия лучше.

Конечно, благоустройство временных поселков требует больших затрат, тем более что жить в них придется всего пять-шесть лет. Но все затраты окупятся; текучесть кадров, происходящая из-за бытовой неустойчивости, обходится дороже.

Так что в этом плане подражать зачинателям Комсомольска нет необходимости, а просто экономить на быте — теперь это всем ясно — невыгодно. Потери от текучести кадров и низкой производительности значительно превзойдут подобную экономию.

Но чем первооткрыватели города юности навсегда останутся примером — так это своим энтузиазмом, самоотверженностью, беспредельной преданностью делу партии и народа, непреклонной верой в светлое будущее. Мы стали теперь значительно богаче, сильнее, опытнее, грамотнее, но порою приходится убеждаться, что нам есть чему поучиться у наших предшественников. Тогда, в тридцатые годы, Комсомольск был задуман городом на пятьсот тысяч. Исходя из этого была выбрана строительная площадка и разработан план застройки. Три его главных завода расположились по периметру будущего города, а весь центр отдавался жилым кварталам и всему социально-культурному комплексу. Заводы сразу притянули к себе «свои» поселки. Вместо одного города получилось три разбросанных на большом расстоянии друг от друга городских района. Первые двадцать — тридцать лет это вызвало немало нареканий и пожеланий «посадить» в центре новые промышленные предприятия, которые заполнят пустоту. Но хватило выдержки этого все-таки избежать. И теперь мы видим, как разумен был тот, первоначальный план: город развивается, растет, застраивается центр города с соблюдением самых современных архитектурных требований, а отведенная пятьдесят лет назад площадка позволяет ему расти дальше.

К сожалению, иначе сложилась судьба соседнего Амурска, которому всего-то двадцать с небольшим лет. Первоначально его задумали как поселок при целлюлозно-картонном комбинате. Так и спроектировали. А когда предприятие и поселок еще не были до конца готовы, к ним «подсадили» еще один завод. Не успел он привыкнуть к новой роли, как ему еще добавили промышленности и жилого фонда, и поселок вырос в город. Готовые дороги и мощная теплоэлектростанция потянули сюда новые производства и так далее и так далее. Теперь Амурск, вытянувшись на многие километры вдоль реки, испытывает затруднения с городским транспортом. В его жилые кварталы вклинивается промышленность. А ведь все можно было предвидеть заранее.

Я рассказал об этом потому, что расположенный на великой реке удобный, красивый, хорошо спланированный город, не подверженный выбросам близлежащих предприятий, способствует закреплению кадров не

меньше, чем устроенный быт, хорошая работа и все прочее, чем жив человек.

— Видимо, при заселении зоны БАМа придется учитывать не только прежний опыт, но и прежние ошибки?

— Сейчас мы довольно ясно представляем стратегию и общий принцип такого заселения. Главным городом на нашем участке магистрали станет Ургал, центр угольной промышленности, машиностроения, железнодорожного транспорта. Он будет застроен многоэтажными кварталами, как и положено городу его ранга. Другие поселки магистрали — лесников, горняков, железнодорожников — будут иметь двух-трехэтажную или даже коттеджную застройку. Конечно, это приведет к некоторому удорожанию инженерных сетей — водоснабжения, канализации, электроснабжения из-за некоторой растянутости, но в конечном счете все это оправдывается. Люди будут жить в тайге, и они должны иметь возможность пользоваться преимуществами своего положения: иметь приусадебные участки, хозяйственные постройки для домашних животных, гаражи для автомобилей, мотоциклов, стоянки для лодок.

— В последние годы перед местными органами поставлена задача как можно более полно использовать собственные ресурсы для снабжения населения продуктами питания. Если предположить, что поток новоселов в Хабаровский край вскоре увеличится, то естественно будет ожидать и увеличения потребностей в сельскохозяйственной продукции...

— В этом нет сомнения. И в крае принимаются соответствующие меры.

Наши почвенные условия требуют значительных материальных затрат, чтобы получить плодородные земли. Поэтому размеры пашни у нас невелики. Сейчас мы располагаем примерно тремястами тысячами гектаров пашни. Конечно, есть возможность значительно прирастить этот клин за счет земель, отвоеванных у тайги и болот. Но для этого нужно провести дорогостоящую мелиорацию, удобрить их, чтобы надеяться на более или менее хороший урожай. К тому же весна и лето у нас засушливые, а к осени, в самую уборочную страду, начинаются дожди. Это, с одной стороны, требует орошения, с другой — дополнительных расходов на строительство осушительных систем. В общем, контрастные, взаимоисключающие друг друга условия значительно удорожают производство. Но мы и не собираемся конкурировать с нашим соседом, Амурской областью, где имеются отличные черноземы и около двух миллионов пахотных земель. Во внутривосточном дальневосточном разделении труда наша задача выглядит скромнее: обеспечить свое население в полной мере овощами, картофелем, свежим молоком, яйцами, диетическим мясом. Для этого наряду с дальнейшим развитием существующих сельских хозяйств и строительством новых совхозов на целинных землях вокруг промышленных центров края — Хабаровска, Комсомольска, Николаевска, Биробиджана, Советской Гавани — создаются сельскохозяйственные зоны, ведущие производство на промышленной основе. Такое приближение села к городу облегчает транспортировку продукции. Строительство крупных охлаждаемых хранилищ позволило уже сейчас сохранять свежими и поставлять в торговлю буквально от урожая до урожая картофеля, капусту, корнеплоды. Три новых тепличных совхоза круглую зиму обеспечивают население свежими огурцами. А мы строим под Биробиджаном еще один мощный тепличный комбинат и ведем проектирование та-

ких же комбинатов в Николаевске и Советской Гавани.

Недалеко от краевого центра построена Дальневосточная птицефабрика на 550 тысяч кур-несушек, дающая 130 миллионов яиц в год, и бройлерная фабрика «Хабаровская» с годовой производительностью 10,5 миллиона цыплят. Оба предприятия сданы в эксплуатацию на два с половиной года раньше установленных сроков. С опережением нормативных сроков были построены Некрасовский и Дземгинский свинокомбинаты, а также ряд молочных комплексов. В исключительной степени короткие сроки были построены два крупных (на 3 тысячи и 6 тысяч голов) комплекса по направлению выращивания племенных телок. Все эти объекты сооружались блоками, что позволило параллельно со строительством производить животноводческую продукцию.

Сейчас таким способом заканчивается сооружение мощного скотооткормочного комплекса «Дружба», в котором ежегодно будет откармливаться 10 тысяч бычков. Все эти меры ускоряют решение проблемы удовлетворения спроса населения в продуктах животноводства.

Немалым подспорьем в этом деле является развитие коллективного садоводства и огородничества, которые очень популярны и находят поддержку наших партийных и советских органов. Садовые участки — не только свежий картофель, овощи и ягоды прямо с грядки, это еще и хороший отдых после рабочей недели. Особенно если участок рядом с Амуром или другой рекой. Свой сад, что ни говори, тоже делает человека оседлым...

— Но все-таки отдаленность Хабаровского края, по-моему, частично смущает тех, кто в принципе хотел бы приехать сюда жить и работать. Тем более, у него столько прославленных конкурентов, которые лежат поближе: «Атомаш», Уренгой, КАТЭК, Саяно-Шушенская ГЭС...

— Наша отдаленность относительно. До Москвы, как я говорил, восемь — восемь с половиной часов лета. В Киев, Ленинград, Ташкент, Минеральные Воды можно попасть за девять часов, в Сочи и Симферополь — за одиннадцать. Надбавки к зарплате, которые получают дальневосточники, в принципе делают такие путешествия вполне доступными. Система «Орбита» позволяет нам принимать прямые телепередачи из Москвы. Хабаровчане читают свежие центральные газеты раньше москвичей. У нас регулярно гастролируют московские и ленинградские театры — есть где их принять.

В крае одиннадцать вузов и тридцать четыре техникума, короче, новоселы получают у нас не только работу, но и возможность учиться, отдыхать, повышать свой культурный уровень.

Однако сделано, конечно, не все. Хотел бы поделиться вот каким наблюдением. Вспомните предвоенное время — сколько тогда было кинофильмов, посвященных Дальнему Востоку: «Волочаевские дни», «Комсомольск», «На границе»...

— «Девушка с характером!» Ведь эта кинокомедия о движении гетагуровок призвала девчат ехать на Дальний Восток. Даже «Трактористы», фильм об украинских хлеборобах, не остался в стороне: песня «Три танкиста», которую исполняет там Николай Крючков, все о том же Амуре, над которым тучи ходят...муро.

— А «Катюша», которая не стареет вот уже сорок лет! Ведь там девушка посылала свою песню-привет бойцу на дальнем пограничье.

— До сих пор поют «По долинам и по взгорьям», «Дальневосточную»,

«На Дальнем Востоке», помните ее слова, написанные Алексеем Сурковым:

На восток мы завтра улетаем.
Самолет уходит поутру.
Там течет Амур-река, родная
Нашей Волге, нашему Днепру...

— Видите, сколько мы вспомнили сразу. Потому что есть, что вспомнить. А вот БАМ строится уже шесть лет, но хорошего, запоминающегося, понастоящему волнующего художественного фильма о нем еще нет. А сюжетов, жизненных проблем там сколько угодно. Уже давно нет и хороших песен о Дальнем Востоке.

Широкая и систематическая популяризация края, пропаганда его средстами кино, с помощью литературы, искусства, музыкальных произведений, несомненно, сыграли бы свою положительную роль и в деле притока молодежи на Дальний Восток.

— По-моему, нужна еще и какая-то большая стройка-лозунг, под стать довоенному Комсомольску или нынешнему БАМу. Ведь никто из строителей магистрали не скажет, что он рубит тайгу, или выводит стены двухэтажек на каком-то полустанке, или, допустим, сооружает лес-промхоз, рудник, карьер в зоне дороги, — он говорит: «Я строю БАМ». Потому что БАМ — это престижно. Это понятно всем, этим можно гордиться — причастностью к большому делу. Вот и Хабаровскому краю, как мне кажется, нужно найти нечто подобное. Если хотите, нужна большая идея.

— Такая идея есть.

Когда в начале тридцатых годов было решено построить Комсомольск-на-Амуре, то для будущего города предлагалось на выбор две площадки: первая — у села Пермского, вторая — у Нижнетамбовского, что на 90 километров ниже по Амуру. Пермское стояло на левом берегу реки, Нижняя Тамбовка — на правом. Это главным образом и определило выбор. Железную дорогу из Хабаровска решили вести по низинному левому берегу Амура, так было проще и дешевле. И если бы город начали сооружать в Нижней Тамбовке, пришлось бы возводить огромный мост, что по тем временам было очень сложным делом. Комсомольск вырос на месте села Пермского, а площадка у Нижней Тамбовки все еще ждет своего часа. Она чрезвычайно удобна. Сопки в этом месте перешли на левый берег, а на правом огромная ровная площадка. На ней свободно может разместиться город на несколько сот тысяч жителей с заводами, зонами отдыха, всем необходимым. Из-за того, что она ограждена со всех сторон сопками, тут отличный микроклимат. Рядом великая река, вокруг тайга. Работа, дом, рыбалка, охота — все под рукой. Но этого мало. Мост через Амур у Комсомольска давно построен. Реконструировать девятно километров железной дороги, которая сейчас доходит до Нижней Тамбовки и которой пользуются только лесники, не такая уж сложная задача. Тем более, что это путь к Николаевску. Мы уже получили от ряда министерств заявки с просьбой зарезервировать за ними площадки в районе села Нижнетамбовское для строительства ряда новых предприятий. И хотя это пока лишь предварительные заявки, я уверен: город тут вырастет в самое ближайшее время.

Вот вам и большая идея, стройка-лозунг восьмидесятых годов — молодежь придет сооружать не просто завод или заводы, а новый город юности на Амуре. Свой Комсомольск. Мы всегда рады приезду молодежи в наш край, перед которым сейчас открываются еще более замечательные перспективы. И здесь каждый молодой парень или девушка получают работу по душе.

К 250-летию
со дня рождения
А. В. Суворова

Владислав ЯНЕЛИС
Фото Владимира ВАСИЛЬЕВА
Специальные
корреспонденты «Смены»

Шпага,

ФРАГМЕНТ ДИОРАМЫ
ШТУРМА ИЗМАИЛА,
ВЫПОЛНЕННОЙ
ВОЕННЫМИ ХУДОЖНИКАМИ
Е. ДАНИЛЕВСКИМ
И В. СИБИРСКИМ.

СУВОРОВСКИЕ УЧИЛИЩА —
ПЕРВЫЕ
ВОЕННЫЕ УНИВЕРСИТЕТЫ
ДЛЯ ТЕХ,
КТО МЕЧТАЕТ
О СУДЬБЕ ОФИЦЕРА.

Версты за три до лагеря Суворов пустил своего дончака вскачь и, легкий, нетерпеливый, с раскрасневшимся от ветра лицом и выбившимися из-под каски седыми прядями, понесся по разбитой обозами дороге к скифскому кургану, где особенно густо дымили бивачные костры. Два или три раза его окликали конные разъезды, не узнавая во всаднике генерал-аншефа, закутанного в солдатский плащ простого сукна. Под потертым, свободным, будто с чужого плеча камзолом тоже не было ничего генеральского — исподница и та из белого канифаса. Только на груди его под плащом, скрытая от чужих глаз, — самая дорогая из всех наград: долгожданный Георгий I степени, присланный Екатери-

Но передышка вышла короткой. Турки вновь зашевелились, грозили союзом с Англией. Ох, как нужна России победа, которая заставила бы турецкую Порту первой искать мира с русскими, пусть на время! Тогда бы можно было двинуть войска на Север, отбиться от шведов, усилить польские корпусы. Да, коротка память у турок, забыли уроки Фокшан и Кинбурна, Очакова и Козлуджи...
Почти год сидел Суворов без дела в маленьком придунайском Бырлате, рядом со светлейшим. Потемкин пребывал в растерянности. Он и рад был исполнить волю императрицы, требующей победоносного окончания войны, но боялся, что не по зубам русским окажется Измаил. А положить при бесполезном штурме армию — государыня не простит, нашепчут новые фавориты — загонят в Си-

РАВНЫХ НЕ ИМЕЮЩАЯ

ной за Рымникскую викторию. Позади командующего, кряхтя и ворча, трясся на пегом мерине верный Иван.

— Ваше сиятельство... Александр Васильевич, помилуйте, побереглись бы, не ровен час, расстрясете раны, опять пострадаете.

Генерал-аншеф, не отвечая, шпорил дончака, пристально, неморгающим взглядом всматриваясь в крутой холм впереди и зеркальную гладь озера у его подножия, поросшего по краям папорой. Где-то справа за низким жидким лесом тяжело катил воды Дунай-батюшка.

Незадолго до выезда Суворова из Галаца к генералу пришли купеческие старшины, говорили муд-

БЕРЕЖНО ХРАНЯТ В МУЗЕЕ А. В. СУВОРОВА В ИЗМАИЛЕ БЕСЦЕННЫЕ РЕЛИКВИИ, НАПОМИНАЮЩИЕ О ПОДВИГЕ РУССКИХ СОЛДАТ.

ВОЕННЫЕ МОЛЯКИ СВЯТО БЕРЕГУТ И УМНОЖАЮТ СУВОРОВСКИЕ ТРАДИЦИИ, ТРАДИЦИИ ГЕРОЕВ, СРАЖАВШИХСЯ С ФАШИСТСКИМИ ЗАХВАТЧИКАМИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ.

НАРОДНЫЙ ДУХОВОЙ ОРКЕСТР ДОМА КУЛЬТУРЫ им. Т. Г. ШЕВЧЕНКО В ИЗМАИЛЕ НАЧИНАЕТ ПАРАДНЫЙ МАРШ.

ро, долго поминая заслуги командующего, пока, наконец, голова не приступил к делу.

— А что, ваше сиятельство, готовить ли товар в Добруджу?

Генерал-аншеф быстрым пронзительным взглядом уколот седобородого купца. Тот сник, отвел глаза.

— Дунай нужен не вам одним — России всей. Испокон русские земли русскими и останутся. Камнем Измаил на реке лежит. Ничего, бог даст, своротим.

Купцы закивали головами, заулыбались, кланяясь, попятились к дверям.

К тому времени больше года миновало после Рымникского дела. Самого, пожалуй, заметного со времени начала второй русско-турецкой войны. Победа была полная, сам великий визирь едва спасся, хотя и собрал под Рымником стотысячную армию, вчетверо превосходившую числом русско-австрийские войска. За блестящую викторию австрийский император пожаловал генерал-аншефу титул графа Священной Римской империи. Не желая отставать от союзников в милостях к Суворову, Екатерина повелела принять полководцу к Георгию I степени графское достоинство с названием Рымникский, шпагу, осыпанную бриллиантами, с надписью «Победителю визиря», бриллиантовые эполеты и знаки Андреевского ордена. Петербург ликовал, на проспектах стреляли салютом, звонили в колокола.

бирь, с глаз долой, никакие прошлые услуги не спасут. И светлейший, изгоняя печаль, усердно пил, устраивал римские празднества в гротах, созывая бесчисленное число гостей. Приглашал и Суворова, да тот не ехал, сказываясь больным. Норовист, горд, не хотел искать прощения у светлейшего за недавнюю дерзость. До сих пор не идут из памяти светлейшего суворовские вирши, переданные генерал-аншефом Потемкину прямо с поля боя: «Я на камушке сижу, на Очаков я гляжу». Стихами поделл, намекая, что под рукой генерал-аншефа, а отступать был не намерен. А ведь прислушайся тогда светлейший к советам Суворова, взяла бы крепость еще прошлой весной, заплатив за победу не столь великой ценой. Но как бы ни гневался любимец Екатерины на Суворова, а понимал — нужен тот России, нужен ему самому, Потемкину, нет сейчас воителя в державе ему равного, и потому не

трогал, чувствовал, пригодится еще, ох, пригодится. Но от активных действий почти на год светлейший все же Суворов отстранил, пусть господит в пыльном Бырлате, под его, светлейшего, надзором, подумает, может, спеси поубавит.

Дела складывались на юге неважно, несмотря на то, что Ушаков, заменивший нерешительного Войновича, разгромил турецкую флотилию капудан-паши, де Рибас захватил Тульчу и Исакчу, а Гудович — Килию. Да и сам Суворов, сидя, казалось бы, тихо в Бырлате, вынудил сложить оружие гарнизон Браилова. Это все был малый успех, а нужна победа настоящая, которая бы увенчала всю кампанию. Нужен был Измаил. Но Измаил — не Тульча и не Браилово, ордукалеси — армейская крепость, одна из самых мощных в Европе, по выражению самого Суворова, — «без слабых мест». Уже подступали к ней русские, но безуспешно: бастионы крепости казались неприступными, рвы непреодолимыми. По стенам разгуливали янычары, смеялись, скаля зубы, размахивали ятаганами; смельчаков, приближавшихся к бастионам, осыпали картечью.

Решиться на штурм никто из генералов не смел. Полки стояли полукругом в нескольких верстах от крепости, зарывшись в землянки. Осень пришла холодная, дождливая, с утра до вечера над лагерем висели туманы, не хватало дров, жгли камыш, папору. Дыма было много, а жара — чуть. Начались болезни, хуже турецкой картечи выкашивали русские полки лихорадка и «животные недуги»... Один из старших по чину генералов, племянник светлейшего Павел Потемкин, в отчаянии приказал части войск сниматься, идти на зимние квартиры. Но тут сановный дядя в Яссах получил очередное письмо от императрицы с требованием решительных мер против турок и послал нарочного к Суворову с орденом.

Александр Васильевич в Бырлате не бездействовал, сердце подсказывало — позовут под Измаил. С утра он в полках, даже когда мучили болью раны, полученные под Кинбурном. Так и приезжал глядеть на экзерциции — на одной ноге сапог, на другой, больной, — туфля с расстегнутыми шлифованными пуговицами. Если что-то не нравилось, спрыгивал с лошади, отбирал у солдата штык, вставал в позицию, колот чучело по всем правилам. Отдыхавшись, говаривал:

— Противу русского штыка ничего не устоит, пуля-дура промажет, штык-молодец промашку не даст. Учитесь штыковому удару. Славно России послужите, только умючи врагов ее бить.

Уже тогда зрели в нем главы будущей «Науки побеждать», каждая строчка которых выверена в деле водимыми им войсками. А что нужна такая книга, понятная всем, от солдата до генерала, вобравшая бы в себя истинно русскую военную мудрость, его, суворовский, опыт, в том сомнения не было. Каждый солдат должен знать свой маневр, без этого победы не добыть. И он, Суворов, всегда вел за собой «не механизм, артикулом предусмотренный», как почитали иные сторонники европейских военных уставов, а храброго и умного чудобогатыря, солдата русского. Потому и не проигрывал батальи, а не оттого, что везло генералу, о чем зудели придворные шаркуны.

Выше любых почестей радовало то, что верят в его «науку» солдаты, знают ее и почитают. Иной раз измученный болями, огорченный плохими вестями из Петербурга, ехал в Фанагорийский полк к любимцам своим, там отдыхал душой.

Волнуясь и тайно заранее восхищаясь, подзывал к себе молодого, еще безусого солдата, окидывал цепким взором:

— Скажи-ка, молодец, какие три важнейших правила помнить при баталии должен и по ним действовать?

— Глазомер, быстрота, натиск, ваше сиятельство. — Чудно... А что есть глазомер?

— Сие быстрый обзор всех предметов для примерного определения числа и величины их...

— Ну, спасибо, знаешь науку... Пороху попробуешь — добрым воином сделаешься.

...В пути обогнали гренадеров, шедших туда же, к Измаилу. Генерал-аншеф придержал коня, обернулся:

— Чьи?

— Херсонского полка, ваше сиятельство! — выкрикнул сержант с «Георгием» на груди. Суворов уже узнал, лица солдат просветлели, растянулись в улыбках, рота прибавила шаг. Он кивнул, смекнув, что это, должно быть, возвращаются отряды Павла Потемкина, которого уведомил еще с дороги, чтобы тот вернул войска к Измаилу. Дал шпоры коно, понесся дальше, не слыша, как загудели солдатские ряды: «Суворов здесь, быть штурму». Весть эта, уже обгоняя самого генерала, ворвалась в лагерь, всколыхнув тысячи уставших, измученных, изголодавшихся людей: «Их сиятельство, отец родной под Измаилом, стало быть, брать будем крепость на штык».

В кармане камзола лежало, цепляясь сломанным сургучом за истертую подкладку, последнее письмо светлейшего, через материю жгло слабостью, бессилием: «Остается предпринять, с помощью божию, на овладение города. Для сего, ваше сиятельство, извольте поспешить туда для принятия всех частей в вашу команду... Сторону города к Дунаю я почитаю слабейшею. Если бы начать тем, что, взойдя тут, где бы ни есть ложироваться и уж оттолк вести штурмование, дабы в случае чего, боже сохрани, отражения было куда обратиться...» Нет, не для того он, Суворов, не медля выехал под Измаил, чтобы помышлять об отступлении, не для того подверг испытанию свою сорокалетнюю военную славу, чтобы уйти с позором из-под стен крепости. Только штурм, быстрый, решительный, всеми силами сразу. Для того и спешил. Спешил так, что оставил далеко позади конвой из сорока казаков, не дождался и выступления назначенного им под Измаил Фанагорийского полка во главе с Золотухиным, тысячи арнаутов и полутора сотен охотников-апшеронцев. Но, уезжая, строго наказал подойти к крепости уже не менее чем с тридцатью лестницами и тысячу фашинами — вязанками прутьев, годными для завала рвов.

Лошадей оставили внизу, у основания кургана. Навверх пошли пешком. На самой макушке кургана генерал отдышался, снял каску с зеленой бахромой, промокнул платком взмокший лоб. Отсюда открывался вид на бастионы Измаила — серые, угрюмые, таящие смерть. Башни мечетей иглами упирались в небо, на остриях тускло золотились полумесяцы. Нет, не на годы пришли сюда турки, переименовав бывший славянский город Смил, входивший в состав Галицко-Вольнского княжества, в Измаил, пришли, как полагали, на столетия, навсегда, иначе не окружили бы город рвами, цастоколами и стенами, не понастроили бы церквей и ханов, магазейнов и складов. Богатый город, страшный город.

Генерал-аншеф, уже окруженный свитой, прозавшей о его прибытии, молча рассматривал в позорную трубу мощные бастионы, четырехсаженной высоты валы. Разведчики доносили: артиллерия Измаила — 265 орудий, из которых 15 мортир бьют пятнадцатипудовыми ядрами, рвы шириной до 12 метров, один из бастионов — Табия — и вовсе с двойной пушечной обороной. Собрал сераскир Айдогле в Измаиле 17 тысяч янычар — цвет турецкого войска, 8 тысяч спагов, 10 тысяч татарской конницы.

Генерал-аншеф обернулся к стоявшим за спиной офицерам, солдатам, подмигнул:

— Что ж, крепостица, помилуй бог, важная. Рвы глубокие, валы высокие, а взять ее нужно.

В ответ зашумели, кто-то звонко выкрикнул:

— С тобой возьмем, отец...

Суворов кивнул, отсыкая взглядом адъютанта:

— Ну-ка, голубчик, сыщи мне славного генерала де Рибаса. — И полез с кургана вниз, поддерживаемый под локоть Иваном.

С того часа в войсках закипела работа, вязали лестницы, готовили фашины. Штурмовать крепость учились на валу, размерами своими сходном с измаильским, построенном по приказанию генерал-аншефа вблизи села Сафьян. Сам Суворов, не зная отдыха, все дни проводил в полках, где самолично учил солдат, «как простой капрал, минуты не теряя».

Описывая измаильский штурм, генерального штаба полковник Орлов потом заметит о Суворове: «Его причуды, простота в обращении, близость к солдату и глубокое понимание его делали никогда не побежденного чудака-генерала идолом войск».

В отличие от предлагаемого светлейшим плана долгой осады крепости Суворов намеревался решить дело молниеносным штурмом и деятельно готовил к нему войска, которых с прибитием подкреплений насчитывалось лишь около 35 тысяч. Потом, после штурма, виднейшие стратеги Европы не верили — взять крепость с числом войск, равным гарнизону ее! Ведь известно, что штурм любой крепости, а уж такой, как Измаил, тем более, требовал как минимум тройного превосходства в штыках и артиллерии.

Как-то утром к штабу командующего подвели пленного. Суворов допрашивал его сам, без толмача, благо на турецком объяснялся после ежедневных упражнений в Бырлате легко, как, впрочем, и на французском, польском, финском, немецком. Пленный оказался купцом, бегство свое из крепости объяснял боязнь штурма, втрое усилившейся среди населения Измаила после того, как пришла весть о прибытии под стены самого Суворова. Генерал-аншеф, сидевший за столом в халате и колпаке, спросил:

— Чем же устранил сей русский генерал великую Порту?

— Велико счастье его военное, и храбрости необычайной человек. Завораживает солдат, в огонь идет за ним, страха не ведая...

Через пять дней после принятия Суворовым на

себя командования войсками подготовка к штурму была закончена. 7 декабря генерал-аншеф послал сераскиру письмо Потемкина, предлагавшего сдать крепость во избежание напрасного кровопролития. К длинному письму светлейшего присовокупил свою записку: «Сераскиру, старшинам и всему обществу. Я с войсками сюда прибыл. Двадцать четыре часа на размышление — воля, первый мой выстрел — уже неволя; штурм — смерть. Что оставляю на ваше рассмотрение».

Паша, принимавший пакет из рук русского офицера, сказал:

— Скорее Дунай остановится в своем течении и небо упадет на землю, чем сдастся Измаил.

Сераскир оказался хитрее, попросил десять дней отсрочки, чтобы снестись с визирем. Суворов был непоколебим: «Штурмовать и немедля». И все же самолично решать не хотел, утром 9 декабря собрал в своей палатке на военный совет генералов и бригадиров. Начал говорить необычно для себя тихо, ясно выговаривая каждое слово:

— Дважды стояли русские перед Измаилом. Дважды отступали от него. В третий раз более нам ничего не осталось, как взять крепость или умереть. Крепость сильная, гарнизон ее — армия; но силе русского оружия ничто противостоять не должно. Тем паче, за свою землю драться предстоит.

Он сделал несколько шагов, расстегнул тугой ворот, посмотрел в упор на широкого в плечах, плотного генерала. Как ни в ком другом, видел в нем Суворов будущую замену себе, надежду русской армии. Знал его еще по Астраханскому полку, где Голенищев-Кутузов командовал ротой, в глаза не хвалил, но превозносил всегда за честность и старание, смелость мысли и душевную мягкость. В заключение ткнул пальцем в чистый лист бумаги на столе:

— Пусть каждый подаст свой голос, сообразуясь лишь с богом и совестью, быть ли штурму.

И вышел.

Как младший по чину первым поднялся с места Матвей Платов. Тряхнул черными кудрями, едва не задевая головой крышу палатки, взял перо, начеркал на листе: «Штурмовать».

Иных мнений среди членов военного совета не было.

По диспозиции Суворова атаковать крепость предполагалось одновременно тремя группами: под началом Павла Потемкина — с запада, Александра Самойлова — с востока, с юга — силами десанта флотилии Иосифа де Рибаса. Начав штурм, не прекращать его до полного взятия крепости. Христиан, безоружных, женщин и детей не трогать.

В ночь перед штурмом в лагере никто не спал: велико было волнение людей, многим из которых предстояло завтра пасть в бою. Суворов обходил биваки, напоминал о бывших победах, обласкивал словом ветеранов, которых помнил по Кинбурну и Фокшанам. Из разных мест земли Российской пришли сюда, на Дунай, эти люди: воронежские гусары, белорусские егеря, херсонские и днепровские гренадеры, запорожские казаки, лифляндские стрелки. У одного из костров остановился Суворов, ткнул рукой в кучу заготовленного хвороста.

— Все жгите, братья, победим — ночевать будем в Измаиле либо останемся все под стенами.

Он тоже не заснул в ту ночь, просидел на жестком походном табурете, опершись локтями на стол с догоравшей свечой. В три часа пополуночи кликнул дежурного офицера, кивнул: «Пора». И, накинув плащ, вышел на улицу. Вспомнил, что так и не прочитал письмо австрийского императора Леопольда, полученное накануне. Хотел было вскрыть конверт, но раздумал: «Не до того».

Серый сырой туман накрыл плотной шапкой лагерь — ни звука. Но вот взметнулася, пронизывая мглу, ракета, выхватившая из темноты на мгновение далекие силуэты бастионов Измаила. Это был сигнал войскам занять исходные позиции. Через два с половиной часа, когда еще не растаял туманный сумрак ночи, первые отряды охотников и саперов приблизились к крепости и были встречены шквальным огнем.

Штурм начался.

Впервые генерал-аншеф уступил своему праву — идти впереди атакующих колонн. Сырость разбредила большие раны. Остался на кургане против северной стороны крепости, откуда хорошо видны были восточные и западные бастионы, чтобы цепко держать нити управления войсками, одним видом своим отвлекал на себя немалые силы турок. Сам сераскир ожидал удара здесь, до последнего часа берег резерв. Просчитался.

Трудно давалась эта победа, труднее, чем любая иная. Замешкались фанагорийцы перед каменным редутом Табия, обошли его, перелезли через палисад, кинулись на дунайские батареи, захватили несколько пушек. Тут напали на них из-за редута турки, по трое на каждого нашего, зло, стремительно, себя не жалея, лезли на штыки, иных доставали

ятаганами. Ранен был генерал-майор Львов, не уберется и сменивший его князь Лобанов-Ростовский. Но не сробел давний любимец генерал-аншефа полковник Золотухин, собрал вокруг себя фанаторийцев и апшеронцев, ударил на янычар яростно, без огня, одним холодным оружием, отбросил за руды и повел колонны к Бросским воротам — ключу всей крепости.

Страшной ценой заплатил за взятие бастиона отряд Кутузова. Сам кавалер шел впереди батальонов, будто поручик, с саблей в руках. Гренадеры преодолели ров, оставив множество товарищей своих на дне его, под губительным огнем полезли на вал. Перевалили и его, устремились на бастион. Но новые отряды янычар с диким криком «алла!» выбежали из крепости, смяли передовые ряды grenадеров, отгнали колонну к валу. Вновь повел Кутузов батальоны в атаку. И вновь отошел под натиском врага. На глазах Кутузова убит бригадир Рыбошер, зять генерал-майора, убито и ранено большинство офицеров. Первый раз за все время, что знал Суворов Кутузова, тот дрогнул, донес командующему, что наступать далее не может. Тогда Суворов велел передать генерал-майору, что назначает его командантом крепости и уже отправил курьера в Петербург с депешей о покорении Измаила.

Слова Суворова подействовали. Взяв из резерва Херсонский полк, Кутузов третий раз атаковал бастион. И взял его. Было мгновение, когда русские ряды дрогнули. Тогда пробился вперед своих священник Полоцкого полка и повел за собой солдат. Шел в окровавленной рясе, кричал: «Умрем за веру свою и землю русскую!» И опрокинули турок, взяли бастион. После штурма уже Суворов говорил близким ему генералам: «Кутузов находился на левом фланге, но был моей правой рукой».

Был еще момент, когда победа висела на волоске, и решил дело знаменитый суворовский натиск, неустранимость русского солдата, смерть пораженно предпочитающего. Сошлись в кровавой сече у Бендерских ворот казаки Орлова и янычары, но не устояли пики против тяжелых ятаганов, перерубавших их как щепки, гибли казаки во множестве. А тут еще смяли турки колонну генерал-майора Безбородко, потеснили ее вниз, ко рву. Сам генерал был ранен в руку, заплакал от обиды, сдавая командование Матвею Платову. Суворов послал к Бендерским воротам свой резерв, велел Кутузову, уже закрепившемуся на бастионе, помочь Платову. Неудержимым был натиск подкрепленных колонн, впереди которых, сокрушая врага страшными ударами палаца, шел Платов. Скоро в соединении с Золотухиным и Кутузовым вошли отряды де Рибаса, атаковавшие Измаил с речной стороны. Бой перешел в город. Турки отчаянно оттаивали каждый дом. Но судьба крепости была решена. Погиб в сече и сам Магмет Айдогле, два часа отбивавшийся от фанаторийцев в каменном хане близ Хотинских ворот. Через пять часов после начала штурма была одержана полная победа, как писалось в реляции, — «совершенная поверхность». Двадцать шесть тысяч турок и татар погибли в сражении, остальные попали в плен. Русские потеряли под Измаилом около 10 тысяч.

«Век не увижу такого дела, — писал на второй день жене Кутузов. — Волосы дыбом становятся. Страшный город в наших руках...» Сам Суворов отмечал в письме Потемкину: «Нет крепчей крепости, ни отчаяннее обороны...» И в рапорте в Петербург: «Невозможно превознести довольно похвалю мужество, твердость и храбрость всех чинов и всех войск, в сем деле подвизавшихся...»

История не знает прецедентов, подобных измаилскому. Суворов совершил в буквальном смысле переворот в военном деле того времени, все правила которого предписывали овладевать крепостями с помощью длительной осады или упорной инженерной атаки. Суворов берет крепость с ходу артиллерией и открытой атакой. В этом была его полководческая гениальность, до высшего своего предела доведенные теория и практика боя — стремительного, беспощадного, всегда победного, суворовского боя. Именно после Измаила Европа и Россия увидели и ощутили в шестидесятилетнем полководце «шпагу, не имеющую равных».

А впереди еще ждали генерал-аншефа десять лет походов: Врешия и Ада, Тидон и Требия, Нови и Мантуя. Впереди был еще великий Альпийский переход, изумивший Европу мужеством русских и волею их военачальника. И каждой из этих побед суждено было блистать в мировой военной истории совершенством полководческой мысли. Ей была обязана Россия шедшей следом за суворовскими полками военной славы, затмившей славу всех иноземных воителей предшествующих столетий. И напрасно было бы искать в викториях Суворова хоть малую толику везения, ибо добывались они величайшим трудом, дерзостью и бесстрашием русского солдата, управляемого гением полководца.

Но именно измаилскую победу, труднейшую из

добытых Суворовым, светлейший украл у него, не простив генерал-аншефу очередную причуду. А вся вина его была лишь в том, что, не любивший помпезности, явился Суворов в Яссы тайно, презрев торжественную встречу, уготованную ему Потемкиным. Командующий надеялся на всевидящее око императрицы, но, увы: вместо полагавшегося ему фельдмаршальского жезла был тогда удостоен лишь почетного чина подполковника Преображенского полка, коим жаловались кандидаты в отставники. Все почести и награды сорвал светлейший, представивший Измаилское дело выигранным лишь его усилиями.

До конца дней своих обиды за Измаил жгла Суворова, часто говаривал друзьям: «Стыд измаильский из меня не исчез». Но это не мешало ему быть выше личных обид, видеть предназначение свое, сущность служения Отчизне в ином. Об этом и писал: «Доброе имя должно быть у каждого честного человека, лично я видел это доброе имя в славе своего отечества, мои успехи имели исключительной целью его благоденствие». Таким и видится он нам через двухвековую толщу лет — первым и величайшим из солдат русских, стоявшим в истории выше вельможной толпы, больше жизни чтившим долг перед державой.

В своей поэме о Суворове Константин Симонов писал:

*Все можно взять у человека:
Чины, награды, ордена,
Но та, холодная страна,
Где прожил он две трети века,
И синие леса вдали,
И речки утренняя сырость,
И три аршина той земли,
Скупой и бедной, где он вырос,
Земли, в которую его
Вдвоем со шпагой положат,
— Ее ни мечь, ни плутовство,
Ничто уже отнять не сможет!*

И все-таки сколь же необъятен, неизмерим он сам, сколь сложны попытки объяснить его, постигнуть меру его человеческих достоинств, изыскать истоки его чуждачества!

Всю жизнь презиравший роскошь и придворную толкучку, но не избегавший воинских наград. Безудержно храбрый, бросавшийся в бой впереди других с одной лишь обнаженной шпагой, но крайне предусмотрительный и расчетливый, ни на мгновение не забывавший о вверенной ему судьбе сражения. Далекий от притворства, превыше всего ценивший в людях верность долгу, искренность и честность, но искусный дипломат, когда того требовали интересы державы. Знаток поэзии и сам поэт, обладавший обширными, едва ли не энциклопедическими знаниями, объяснявшийся на многих языках, но не терпевший умятываний. Предельно простой в общении с солдатами, скорый на крепкое слово. Ставивший в тупик европейские дворы своими многочисленными странностями, дававший обильную пищу неожиданным поступками сочинителям анекдотов, но ясный, всегда понятный для своих солдат для тех, кого ценил и чьей дружбой дорожил. Часто страдавший физически от болезни, но изумлявший окружающих стойкостью в лишениях, фантастическим терпением, с которым сносил все муки...

О, сколько же было всего в этом человеке! Сколь трудно объяснить гений, поднявшийся в делах своих выше других и тем уже вышедший за пределы привычных человеческих измерений! А вот что сказал о себе сам он, обращаясь к живописцу: «Ваша кисть изобразит черты лица моего — они видны; но внутреннее человечество мое сокрыто. Итак, скажу вам, что я проливал кровь ручьями. Содрогаюсь. Но люблю моего ближнего; во всю жизнь мою никого не сделал несчастным; ни одного приговора на смертную казнь не подписывал; ни одно насекомое не погибло от руки моей. Был мал, был велик: при приливе и отливе счастья уповал на бога и был непоколебим...»

Таким он остался в истории нашей: верным слугой России, могучим стражем ее, великим воителем, отцом солдатским, блестящим теоретиком и практиком военным. Одно только не успел, одну победу не дали свершить. А ведь с мудрой прозорливостью предвидел, каким неисчислимым бедствиям подвергнет Европу тогда еще юный Бонапарт. Угадывал в нем равного себе противника, искал встречи с ним. И можно лишь предполагать, как повернулся бы ход истории, останься Суворов в Италии, где военная судьба могла свести его в поединке с Бонапартом.

Но как изменчива судьба, как безжалостно несправедлива она к Суворову в который раз уже! Тот, перед кем вчера еще трепетала, склоняя голову, Европа, кто был удостоен высших титулов и почестей, которые когда-либо выпадали полководцам российским, сегодня уже прихотью императора Павла I отозван в Россию, отвержен и удален с

монарших глаз. Но что до этого Суворову, он болен и предчувствует близкий конец. Генералиссимус всех Российских войск, князь Итальянский, граф Суворов-Рымникский скончался в небогатом доме своего дальнего родственника Хвостова на Крюковом канале почти в одиночестве. Было это 6 мая 1800 года.

Но уже расправляли крылья птенцы его, ученики, впитавшие суворовскую науку побеждать, закаленные в суворовских походах. Им скоро предстояло взять на себя бремя ответственности за судьбу России, на которую уже хищно поглядывал маленький корсиканец в треуголке, возомнивший себя вторым Македонским.

...Бродя по холмам Измаила, я почему-то представлял Суворова ближе и яснее, чем любого из его современников. Представлял, как он въезжает в крепость, камни которой еще горячи от бушевавших пожаров, рядом верные Кутузов и Платов, чуть поодаль де Рибас и Павел Потемкин. На сухощавом, скуластом лице генерал-аншефа застыла боль; слишком много крови пролито под Измаилом, крови своей и чужой. Но бывает, что чужая кровь не хмелит радостью. Однако он солдат, привычный к пороку и смерти, и какой бы ни была цена за крепость, Измаил того стоил. И потому скоро исчезает на лице его гримаса боли, весь облик его яснее, в глазах — счастье. Победа!

А мы идем дальше мимо выступающих из земли кирпичных фундаментов старой крепости, мимо белой мечети, не тронутых временем с тех самых пор. Там сейчас диорама измаильского штурма, самые горячие мгновения его. Прекрасная, талантливая работа военных художников студии имени Грекова Е. Данилевского и В. Сибирского. Мечеть стоит возле самого берега Дуная, реки-работяги, реки дружбы, связавшей европейские народы, населяющие берега ее. Длинная аллея ведет наверх, к самой, пожалуй, высокой точке Измаила. Отсюда виден весь город, серые контуры кранов вдоль берега, речной пассажирский порт, уходящие вдаль пригороды, а за ними зеленое море виноградников, виден и противоположный берег реки, там уже Румыния.

И все-таки я не знаю города, где прошлое так органично соединено с настоящим, соединено архитектурно, духовно, нравственно. Безмерно коротким кажется здесь исторический отрезок времени, минувший после подвига русских солдат под стенами города-крепости до нынешних дней. Потому что бережно сохранен облик старого Измаила, а рукотворная память потомков нашла формы единственно верные, чтобы донести до нас отзвук того подвига. И еще потому, что здесь, под Измаилом, подвиг этот было суждено повторить наследникам суворовской славы.

Это естественно и знаменательно, что главная улица города — проспект Суворова, и начинается она с памятника, пройти мимо которого и не остановиться невозможно. Это бронекатер, вознесенный над набережной как символ памяти о морях-дунайцах, сражавшихся здесь с немецко-фашистскими захватчиками. Верные традициям Суворова, били на берегах Дуная врага в августе 1944 года моряки Краснознаменной ордена Суворова Дунайской военной флотилии, мотострелки 5-й отдельной бригады, военные летчики. Они вписывали свои страныцы в летопись подвига русской славы, продолжая славу предков своих — суворовских солдат. И то, что произошло здесь в первые дни войны, — ярчайшее доказательство неистребимости суворовского победного духа, живущего в сердцах его потомков.

На третьи сутки войны, когда вражеские танки рвались к Минску, грохотали по Прибалтике и Украине, здесь была разработана наступательная операция, в ходе которой соединенные силы пограничников, 23-го стрелкового полка Перекопской дивизии, бойцов истребительного батальона, моряков Дунайской военной флотилии переправились на ту сторону Дуная, разгромили несколько сильных гарнизонов противника, овладели рядом населенных пунктов и захватили сотни пленных. Больше двух недель удерживали советские войска плацдарм на территории Румынии, сковывали действие крупных сил противника, прикрывали фланги соединений нашей 9-й армии, давая возможность эвакуировать по все еще свободной реке людей, оборудование, военное снаряжение. Лишь приказ заставил наших бойцов уйти из Румынии. На их долю выпали тяжелейшие испытания. Не многим из них суждено было дожить до Победы. Но свершенное ими, мертвыми и живыми, незабываемо.

Измаил — город, не застывший в истории. У него прекрасное светлое настоящее, еще более величественное будущее. И все же первые камни в здание этого настоящего закладывали мужеством своим суворовские солдаты. Это они кровью своей возвращали державе российской исконные земли ее, завещая нам крепко стоять за эту землю, дорожить ею, украшать ее.

перепутья

НОВЕЛЛЫ

ТАКОЕ КРАТКОЕ ВИДЕНИЕ...

Осень на Урале — самая прекрасная пора! Редко-редко, даже трудно вспомнить, когда она была беспросветно-слякотная, гнетуще-бесконечная. Если в сентябре заморозят дожди, забродят беспроглядные туманы, когда протянешь руку — ладонь сразу вспотеет и озябнет, а по телу вроде как сырая изморозь пойдет, то в октябре непременно разольется солнечная благодать на леса и горы, все вокруг оживет, засияет, снижающая было листва воспрянет, стряхнет с себя предзимнюю сонливость. И зажурчат сильнее речушки, набухнут темные лаковые почки на вербах, и не заметишь, как проклонутся из них, точно весной, светленькие мохнатые пупырышки. Бывает, и купава, собравшись с силами, снова зацветет, засветится желтыми не крупными уже головками; в теплых сырых низинах заголубеют незабудки с ярко-оранжевыми точечками в середине почти синих крохотных лепестков. В сосняках снова настоится почти летнее тепло, стволы на закате дня сделаются медными, а зелень потемнеет, уплотнится. По еловым опушкам высypлют маслята, и двинутся плотным рябоватым строем вверх по пятам крепкие осенние опенки.

День клонился к вечеру. Я не заметила, как отдалась от компании, шуриша редким еще листом, кружила по полянкам, жевала сладко-кислую красную смородину, рясные веточки бросала в корзинку. А в ней уж чего только не было! Тяжелые кисти красно-бурой крупной рябины с ярко-зелеными нарядными листьями; черемуховые бордовые кисточки с черными блестящими ягодами; отпотевшие волнушки и шершавые черные грозди, сыроежки и опята, и еще много-много чего.

Покричала я своих спутников, подождала, умылась в ручейке и решила выходить из леса на мионовский покос, куда, наверное, уже вышла и компания, отдыхает да меня дожидается. Если я раньше выйду, буду их ждать.

На просторном холмистом покосе никого не было, лишь легкий ветерок с осенним шорохом перебирал листву на кустарниках и деревьях да журчал в низине ручей.

Вдали виднелись крыши деревенских изб, доносился заливистый лай какой-то собачонки, и, как большие, колеблющиеся одуванчики, невесомо колыхались прозрачные дымки над топившимися банями.

Там, где начинался пологий и ровный склон горы, стояли две березы, высокие, развесистые на приволье, с не тронутым еще инеем листом.

Я не дошла до них, остановилась в неопишемом изумлении: на чистом, почти бесцветном осеннем небе четко пропечатались розовые кроны берез!

Розовые кроны! Ослепительно белые стволы!

Я стояла, замороженная этим дивным волшебством природы. Еще недавно поддувавший легкий ветерок совсем унялся. Деревья, как прекрасные изваяния, замерли, ни один листочек на них не шевелился, пленочки-ветренницы прильнули к родным стволам, а кроны струили розовый свет, а стройные стволы слепили белизной.

Я боялась пошевелиться, переступить или на секунду отвести взгляд от сказочно прекрасных берез.

Розовые кроны! Ослепительно белые стволы! Вокруг мир и тишина! Я переживала трепетное счастье от видения, в душе сожалела, что не видят это дивное состояние двух русских берез на закате осеннего дня художники, коим подвластны цвета, коих посещает то особое вдохновение, способное остановить, запечатлеть и сохранить на века это краткое и изумительное видение.

Однажды мне довелось увидеть в природе красные виноградинки, увековеченные великим чудотворцем Ван Гогом. Теперь я увидела белые березы, у которых розовые кроны и ослепительно белые стволы!

Рисунок Владимира РОДИНА

РУССКАЯ МАДОННА

Я до сих пор вхожу в метро с трепетным волнением перед рукотворным чудом, созданным разумом и руками человеческими. Может быть, это потому, что в Москве я бываю от случая к случаю и почти не оказываюсь в метро в часы «пик». Я чувствую себя здесь спокойно, уютно, даже торжественно как-то. Я не бегу впереди себя, как на земле, как в обычной жизни; и к поезду и на переход не спешу, иногда позволяю себе остановиться где-нибудь в сторонке или присесть на скамью, осмотреться вокруг, полюбоваться великолепными залами-станциями и просто отдохнуть. Мне нравится чуть слышный, монотонный шум двигающегося эскалатора, который и уловить-то можно, лишь внимательно вслушавшись, мне нравится, что в жаркую пору здесь прохладно, а в холодную — тепло, что здесь всегда порядок: ни ругани, ни драк, ни уличного мусора — значит, такое в жизни возможно! Мне нравится наблюдать за людьми, которые не суетятся, будто отдыхают в те минуты, пока эскалатор плавно опускает их вниз, к поездам, или поднимает вверх, на землю...

В тот раз я, как обычно, сошла к платформе и остановилась в ожидании поезда. Народу мало, видимо, поезд только что ушел, да и время было дневное. И тут неподалеку от себя увидела молодую женщину с ребенком на руках.

Женщине лет двадцать, русые волосы чуть виднеются из-под пушистой белой шапочки, в голубых глазах покой и радость, на щеках легкий румянец, лицо с ровненьким носом и припухлыми губами чистое, юное, не угнетенное косметикой, и такая на нем светлая безмятежность, и такая она неправдоподобно красивая, что было трудно отвести взгляд. Светлое пальто с таким же белым и пушистым, как шапочка, воротником красиво облегло стройную фигуру. Руки с тоненькими длинными пальцами бережно и надежно держали ребенка, завернутого в бледно-голубое одеяло, из-под которого виднелась простынка, отороченная кружевом.

Я залюбовалась молодой женщиной, этой юной русской мадонной.

Подшел поезд. В вагоне я снова нашла ее взглядом и неожиданно рядом с нею заметила другую женщину с ребенком. Эта была в узких отливных джинсах, в какой-то немислимой куртке, из-под вязаной пестрой шапки беспорядочно высовывались коротко стриженные волосы, губы ярко накрашены, глаза густо обведены черным, зеленоватые тени утяжелили веки. Она спокойно озиралась по сторонам, кого-то искала взглядом, надеялась увидеть; мальчика лет трех держала на коленях и то шлепала его по руке, если он

тянулся к распечатанной пачке «Космоса», торчавшей из кармана ее куртки, как к игрушке, то сердитым шепотом говорила ему: «Да сиди ты!»

А эта чуть-чуть, одними только пальчиками похлопывала по одеялку и все с той же спокойной радостью в глазах смотрела перед собою, не вглядываясь в людей, а губы слегка вздрагивали, готовые к улыбке.

Я отчего-то опечалилась за ту, в джинсах, с мальчиком на коленях, представила, как, наверное, однажды она с радостным изумлением поняла, что станет матерью, а может быть, ждала этого и готовилась. А потом — первый толчок в бок, еще робкий, неуверенный, едва ощутимый, и с этого дня она уже постоянно и терпеливо ждала его, тревожилась затянущимся спокойствием, а почувствовав биение зародившейся жизни, замирала в нежной радости, вся сосредоточившись только на этом.

Представилось, как день ото дня она делалась спокойней, в походке и в движениях — осторожность и плавность, одежды свободней... Как застенчиво и счастливо улыбалась оттого, что ей уступают место, оказывают внимание. И за все это, за любовь и ласку она скоро подарит миру человека, в муках произведет его на свет...

Женщины-матери могут понять то состояние, которое и словами-то невозможно передать, тот момент, когда молодая мать впервые будет кормить свое дитя грудью. Теплое материнское молоко, способное малюсенькое, беспомощное существо насытить, наделить силой и здоровьем на всю жизнь, начавшее копиться, наверное, с того самого момента, когда это существо только-только зародилось, стонулось, заструилось по жилочкам, и когда запричмокивал малюсенький ротик, сжимая сосок десенками, — заструилось сильнее, не прерывая ток свой, чтобы насытился маленький человек, окреп, легче перенес бы, как сейчас принято выражаться по-научному, адаптацию в этом неспокойном мире, вдыхая загазованный воздух, засыпая под грохот современной техники, в синтетической рубашечке и ползунках... И, наверное, всякий раз потом, кормя ребенка грудью, она переживала трепетно-сладостное состояние своего нутра, переживала глубокое удовлетворение от сознания, что она — мать, что она кормит дитя своим целительным молоком, что через него она передаст ребенку доброту, силу, нежность и здоровье. Я даже представила, как, накормив ребенка, она осторожно уложила его в кроватку, такого тепленького, такого родного, ласково осмотрела и распрямилась, глубоко, успокоенно вздохнула и, затенив свет, взялась за отложенные на вечер дела...

И, конечно же, если бы не пачка сигарет, торчавшая из кармана ее куртки, у меня не возникла бы

мысль, что она может курить, может быть грубой или несправедливой... Это же мать!

И все-таки что-то царапнуло по сердцу. За ту, в пушистой белой шапочке, было спокойно—у нее светло на душе. А за эту—тревожно, боязно: не поколебалось ли в ней чувство материнства в самой первозданной сути его, и она растворилась, обезличилась в людском потоке, добровольно одевшись в эту «униформу» — джинсы и куртку...

И постаралась отвлечься от раздумий, начала незаметно наблюдать за пассажирами. И тут с удивлением отметила, что, оказывается, не я одна выделила радостным вниманием молодую мать в белой шапочке. Пожилые женщины смотрели на нее ласково, с притухшей уже, спокойной печалью по своей молодости—у них уже все позади, все в памяти; они смотрели на нее, как на ангела во плоти. Молодые женщины и девушки посматривали в ее сторону с удивлением и плохо скрытой завистью, другие—скептически, с ужимками: подумаешь, допотопная фифочка! Однако, не замечая за собою, принимались приводить в порядок небрежные прически, поправлять шапки, одежду.

А мужчины, кажется, все без исключения, пожилые и молодые, смотрели на величественно-женственную молодую мать с радостным удивлением и вроде бы вовсе не замечали ту, в джинсах,—она привычная, таких много.

А я все переводила взгляд с одной на другую и все старалась понять: почему они, живущие в одно время, почти одного возраста, такие разные в облике и поведении? Ведь материнство—это, наверное, единственное и ни с чем не сравнимое состояние женщины, которое создает единый образ—образ матери...

Вспомнился рассказ о молоденькой учительнице, которая непослушному ученику велела прийти в школу с мамой. И она явилась, только учительница не смогла определить, кто это—папа или мама? Сказала о плохом поведении сына и распроцалась. Но мальчик продолжал нарушать дисциплину в классе, тогда она велела ему прийти с папой—та же история, и учительница решила вызвать его родителей. И когда они пришли, учительница, сильно смущаясь, спросила: «Кто из вас папа, а кто мама?» Если это и выдумка, то выдумка горькая.

Я не знаю почему, но вышла из вагона вслед за матерью с ребенком на руках, прошла к эскалатору, остановилась ступенькой ниже, и мы двинулись вверх. Внутренне успокоившись, что мать с ребенком утвердился на подрагивающей лестнице-чудеснице, посмотрела на встреч идущую и поразилась: люди, двигающиеся навстречу, будто по команде «Равнение налево!» поворачивали головы в сторону молодой матери в белой пушистой шапочке, устремлялись на нее завороченным взглядом и с сожалением провожали ее, такую светлую русскую мадонну...

ЗЕЛЕНый СНЕГ

Последнее время в доме у нас было очень многолюдно и шумно. Голова моя болела пока терпимо, но я уже чувствовала, вот-вот она все мне припомнит, за все выдст: и за то, с каким трудом сдерживала я свои внутренние «порывы», чтобы не взорваться, боялась вольно или невольно огорчить или обидеть своих близких, за шум, за усталость по вечерам—все-все припомнит мне моя больная голова, я уж ее знаю.

И собралась я да и поехала в деревню. Через неделю и наши приедут.

Весна вовсю шумела, звенела и лела. Дорога подсохла, машина шла ровно, жужжала умиротворенно. По сторонам чернели и ершились перезимовавшей стерней поля, кое-где под елками еще лежал снег, испятнанный заячьими следами,—на утренней зорьке они, видать, все еще петляют и вяжут причудливые вензеля. Встреч бегут деревушки, прозрачные березки в зеленоватом пушке, ельники и осинники загустели. Кругом даль неоглядная... Машину иногда потряхивает, но думается хорошо, пробуждающаяся природа глаз не утомляет, головная боль на время отступила.

В деревне тихо, покойно. В городе уж как-то и забывается, что есть на свете такие вот тихие уголки, что вокруг такая успокаивающая красота. Тропинки местами перехлестнуты весенними прозрачными лужами. Серые тесовые крыши обсохли, и дома, стяхнув снежные, неуклюжие шапки, вроде бы выше сделались. То там, то тут взмывают и шумно вздыхают коровы, высунув ноздрястые влажные морды в маленькие оконца стоек. А перед оконцами, на высоких и теплых кучах навоза, скопившегося за зиму, гребутся куры и неуверенно пока еще, вроде простуженные, керкают петухи.

Перед нашим домом большая пестрая гряда колотых березовых дров. Тротуар обсох, и доски такие теплые, что хоть босиком по ним ходи! Краска на двери облупилась. Вода в колодеце покрыта льдом, да таким толстым—не пробить, значит, за водой надо идти на реку, она синет внизу наледу, а по

синею, будто отраженные облака, белеют островки льдин с остатками снега.

В избушке чисто и прохладно. Я на плитке вспятила чаю, напилась и собралась разобрать рюкзак и сумку, но передумала. Завела часы-ходики, выставила в кухонном окне зимнюю раму, открыла створки, переоделась в брюки и куртку, переобулась в сапоги и пошла на улицу. Посидела на низенькой скамейке у стола, осмотрелась. Как все оставили, когда уезжали, так все и было. Вспомнилось лето, осень, как зимнею порою тосковалось о тепле, о весне,—и сразу отчего-то сделалось одиноко, необъяснимая тоска царапнула по сердцу: всегда все вместе приезжали. Почему-то именно веснами накатывают грусть и всякие размышления...

А солнце высокое, тепло от него животворное, небо как перламутровое. Воздух прохладно-сладкий, и такая благодать вокруг! Вот так бы еще и на душе... В избу уходила неохота. Подумала, чем бы заняться, и решила перетаскать дрова, сложить их в ограде в поленицу. Я сказала себе: «Ничего. Все нормально»,—и взялась за дело. Дрова березовые, тяжелые, но такие красивые, белые, как свечки. С непривычки скоро устала наклоняться за каждым поленом, но приспособилась: сяду на клеточной сложенной в два ряда поленья, наберу березы, поднимусь и несусь... И вот уж тоненькие пленочки да солнечно-желтые, как кукурузная крупа, опилки на куртке, на перчатках, на сырой земле. Помечталась попить прохладного березового сока—оставила на потом: пойду на реку за водой, по пути выберу березку, подточу осторожно, подставлю кружку и, пока воду набираю, пока поднимаюсь в угор, наберется соку нутро оживить...

Груда убывает, поленица растет. Я уж и перчатки сняла и куртку. Дышится легко, работает споро.

Наведались соседки, обедать звали, остатки, мол, и завтра стаскаешь... Я пообещала прийти, но прежде все-таки решила раздаться с дровами. И опять таскаю да таскаю, таскаю да таскаю.

Вот уж собираю нижние поленья. Набрала последние березы, посмотрела на то место, где лежали дрова, и глазам своим не поверила: под дровами-то снег! Не белый, а прозрачно-зеленый! Такой цвет бывает только в радуге да во всполохах северного сияния иногда.

Я опустила на колени дрова, не в силах отвести взгляда от этого необычного, сказочного снега. И показалось мне, что снег вроде бы и отливает по-разному: то небесным светом, то цветущим льном, то забусевшим зеленою березником...

На глаза от радостного удивления навернулись слезы, в груди сладко защемило, и тут же начало томить сожаление, что ни наши, никто другой не видит этого изумительного отражения зимы в канун лета. Что нет в эту минуту со мною никого рядом, а словами передать то, что я вижу, невозможно, нет таких слов. И тут мне подумалось: может быть, эти красивые белые поленья, не успевшие еще высохнуть, оросили снег невидимыми слезами березового сока, которому уже не суждено напитать молодую зеленую листву...

А чудо, явившееся взору моему из-под вороха дров, было так мимолетно! Снег, почувствовав солнечное тепло, сразу начал воднисто темнеть, истончаться по краям, убывать на глазах...

Если бы я о нем предполагать могла—оставила бы его в своем укрытии хотя бы на неделю...

КАЮЩАЯСЯ МАГДАЛИНА

Впервые в Ленинграде я побывала спустя многие годы после войны.

Поезд прибывал днем, и я на такси, чтоб не тратить время на поиски нужного адреса в незнакомом городе, довольно быстро добралась до приютельницы, мы наскоро пообедали, и она отправилась по делам, а я—знакомиться с городом, о котором мечтала, пожалуй, всю сознательную жизнь.

Огромный, пасмурный, дышащий историей, предстал он передо мною, робкой и счастливой провинциалкой.

Я побывала в домике Петра Первого и в Исаакиевском соборе, в Петергофе и в музее Пушкина на Мойке. Для разрядки—уж слишком велико и ошеломляюще было впечатление от всего мною увиденного—я решила сходить в зоопарк и, наверное, с час простояла у площадки молодняка и от души смеялась, наблюдая драку медвежат и недетское коварство тигренка. После посмотрела на аллигаторов, но они лежат, как бревна, даже и воронуться им лень.

И вот я в Эрмитаже!

Величественный дворец восхитил меня и подавил своей грандиозностью. Слов нет, как все там прекрасно и интересно, только множество возведенных для реставрационных работ лесов мешали смотреть, мешали ходить. Когда я узнала, что в Эрмита-

же более тысячи залов, решила для себя—осмотреть часть, но не спеша, внимательно.

Больше других из мною увиденных мне понравился Малахитовый зал, может, потому, что я впервые видела малахит в таком количестве и в таких разнообразных формах: причудливые вазы, столики, канделябры, и мне даже показалось, что я ощутила живое тепло этого камня.

С чувством восторга и недоумения я смотрела на «Кающуюся Магдалину», высеченную из белого мрамора.

Сидит молодая и очень красивая женщина. Волосы растрепаны, одежда с плеч спустилась. Глаза полные слез, обращены к небу, а руки бессильно упали на колени... Так тонко, так удивительно четко и тонко все высечено! До слезинок. Кажется, если бы заусеницы были на ее тонких пальчиках, то и они были бы видны...

А у ног лежит череп!

Не знаю, на кого какое впечатление производил и производит этот череп, лежащий у ног прекрасной женщины-мученицы... Меня при виде его покорило, и холод пошел под кожей. Я обшла статую несколько раз. Очень хороша! Очень! Но при чем тут череп? Что за легенда связана с этой девой? Я не знаю и, что странно, не стараюсь, не хочу знать. Так и живет во мне загадка эта «Кающаяся Магдалина» с черепом у ног...

Прошла через зал скульптур, где выставлены работы какого-то современного, кажется, чешского, скульптора—так называемая абстрактная форма изложения. Наверное, я до нее не доросла, потому что, кроме раздражительного недоумения, я ничего не испытала, глядя на те скульптуры.

Стоит обрубок тела, отлитый из темной бронзы, без головы, без рук, без ног, зато виден признак пола. У этого обрубка разорочена грудь и видно красное сердце. «Сердце Данко»—так следует понимать. И тут же мысленно возникает прекрасная «Кающаяся Магдалина». У нее не обнажено сердце, но чувствуешь, прямо ощущаешь, как ему, переполненному любовью и страданием, тесно в груди...

Рядом стоял вообще какой-то невысказанный кусок металла, расплюснутый во все стороны. «Освобожденная энергия» называется. «Неужели и это тоже искусство?»—думала я, покидая зал.

Была пора белых ночей. Мы с приятельницей гуляли по ночному городу, ждали развода мостов. Белые ночи—это очарование, и, наверное, именно в такие ночи рождаются прекрасная музыка и высокая поэзия. Меня очень удивило, что ленинградцы, особенно молодежь, всю ночь гуляют по обеим сторонам Невы, будто не им завтра на работу и на учебу. И это каждую белую ночь! А они продолжают без малого месяц! Ходят с гитарами, с транзисторами, поют, обнимаются, целуются. Буквально рядом с нами молодая парочка с чувством выяснила отношения... А передо мною отчего-то опять возник образ «Кающейся Магдалины», молодой, очень красивой... Глаза полны слез, подняты к небу, руки бессильно уронены на колени, а у ног—череп...

Кричали чайки, плескались волны, мигали световые фары, шуршали и грохотали машины. Шумно на земле, и только небо, светлое, мерцающее, но удивительно спокойное, напоминало, что все-таки на земле ночь.

Мы постояли у Дворцового моста, полюбовались Невой—она до дна прощита золотисто-трепетными дорожками. Подождали океанских, больших кораблей, но они так и не явились. Вместо них приглушенно пыхтели, проплывая мимо, огромные баржи-самоходки и игрушечно-несерьезные рядом с ними катерки.

Жизнь идет. Люди рождаются и умирают, любят и ненавидят, радуются и печалются, а прекрасная «Кающаяся Магдалина» будет вечно молить прощения у всевышнего, обратив к небу полные слез глаза... А может, и оплакивать павших на поле брани и молить, чтоб был вечный мир на земле...

ЦВЕТУЩИЕ МАКИ

Я занималась разными делами по дому, ходила влад-вперед, носила воду из колодца и все поглядывала на свою гостью, сидевшую на лавочке возле дома. Лицо обращено к солнцу, глаза прикрыты, тонкие пальцы бережно перебирали дужки круглых светозащитных очков. Заслышав мои шаги, она открывала глаза, спрашивала, не надо ли чего помочь, смотрела вдаль, за огород, и снова закрывала. Она не загорала, не дремала, просто давала отдых утомленным работой глазам.

Я покончила с делами, села рядом, сняла с ног резиновые сапоги, уместилась поудобней и тоже подставила лицо солнцу.

—Ты знаешь, о чем я мечтала давным-давно? Даже и не представляешь,—задумчиво улыбаясь, сказала она и тут же неожиданно заинтересовалась: растет ли у нас в огороде мак? Спросила об этом так, будто речь шла о каком-то редком.

заморском растении, и при этом в упор посмотрела на меня.

— Да нет, — отозвалась я. — Вернее, растет, но я чуть не все лето борюсь с ним, вырываю... Дай ему волю — все задавит! И лезет и лезет! Хоть в дождь, хоть в засуху...

— Жаль. — Она снова печально улыбнулась. — Очень жаль.

— А что это тебя вдруг так заинтересовало? Хотя мы, наверное, о разном говорим? Я выдираю мак-самосевку, растет он хилый, мелкий, лепестки бледные... Сорняк и сорняк. А вообще-то где-то есть маковка настоящего, красивого, только я все про него забываю. А цветет крупно, ярко...

— А ты посади! Пожалуйста! Во-он там, — кивнула она за колодец, — чтоб солнце было весь день. Я так давно мечтаю нарисовать маки. Нарисовать так, чтоб даже росинки... чтоб как живые... На базаре бывает море цветов, разных, всевозможных. А маки не продают — они же в букетах не стоят, лепестки сразу осыпаются...

Задумалась моя гостья, светло попечалилась и поведала мне давнюю, но не забытую историю, связанную с цветущими маками.

— Я выросла у бабушки, в Замоскворечье, в старом доме, — спокойно повела она рассказ. — Бабушка работала на фабрике, расписывала фарфоровую и эмалированную посуду. Она очень хорошо рисовала цветы. Когда вышла на пенсию, приработала дома, зарисовывала ляписом наволочки, подшторники, даже скатерти и меня приучала к рисованию, покупала цветные карандаши, краски, тоненькие альбомы для рисования, чтоб я тоже занималась.

И я рисовала. Маки. Почему-то всегда только маки! И дошла в своем рисовании до такого совершенства — об этом гордо рассказывала бабушка своим подругам, которые к нам часто заходили, — что лучше рисовать уж невозможно. И сама я помню, что даже тонюсенькие, как волоски, прожилочки на маковых лепестках выводила, каждую тычинку вокруг зарождающейся маковки, каждую ворсинку на бледно-зеленом стебельке...

Бабушкины подруги хвалили меня, просили нарисовать им такие же красивые, как живые, маки — на память. И, получив рисунок, прибавляли у себя над комодом, над столом или над кроватью, некоторые даже в рамки вставляли, а мне за это дарили новые карандаши или краски.

А я все рисовала, все рисовала...

После седьмого класса бабушка отпустила меня на юг, со знакомой девочкой к ее родным. Мы с нею купались в море, загорали, гуляли по набережной, смотрели на огромные морские пароходы. Однажды мы с нею поднялись высоко в горы. А там!.. Там цвели дикие маки!

Я, не помня себя от радости, бросилась их рвать. Вся исцарапалась, платье перепачкала, зато цветов нарвала целое берем! Потом, не разбирая дороги, мы мчались вниз, домой.

Тетя, увидев меня с огромным букетом диких маков, вскрикнула, попятилась и стала отмахиваться руками.

— Брось! Брось сейчас же! — Голос ее срывался, губы брезгливо кривились, в глазах был ужас.

Я не могла понять, что произошло, но вид и поведение тети так меня напугали, что я тут же, как что-то мерзкое, отвратительное, поспешно бросила цветы на помойку, посмотрела на рассыпавшийся букет, на руки, понюхала их — и от дурного запаха меня начало тошнить. А тетя все твердила:

— Брось! Брось сейчас же! Они ядовитые...

Прошло какое-то время, тетя успокоилась, заставила меня тщательно, с мылом вымыть руки, переодеться и стала кормить нас ужином.

Запах горных маков преследовал меня весь вечер, всю ночь. Стоило мне закрыть глаза, как ворох цветов, выброшенный на помойку, тут же являлся передо мною, оживал... Ядовито-зеленые стебли начинали шевелиться, извиваться, корчиться, подминая под себя сникшие, изуродованные цветы, расплзаться по сторонам... Я вскрикивала, забивалась в угол кровати, тянула к подбородку одеяло.

Тетя несколько раз ночью заходила к нам в спальню, щупала мой лоб, заставляла пить лекарство, укрывала и удалялась.

На другой день мы уехали.

Долгое время я не могла и смотреть на маки, даже на те, которые цветут в огородах и палисадниках. Потом забылось. И вот теперь, когда я стала художницей, мне вдруг захотелось нарисовать цветущий мак, нарисовать не абстрактно, не по-современному, а как я рисовала в детстве... Но вот боюсь, что так уже не сумею, — вздохнула моя гостья. — Нарисую совсем-совсем по-другому... Вот и думаю, если увижу цветущий мак в огороде, на корню... присяду перед ним и буду долго-долго рассматривать его и запоминать. И тогда, может быть, верну ту милую пору моего детства... хотя бы в рисунке...

— Может быть...

Михаил БЕЛЯЕВ

Солдаты несут солдата

Неистовство снегопада.
С заставы ночной
К врачу
Солдаты несут солдата —
Плечо
Приросло к плечу.

Не вырваться вертолету,
Дрожит на ветру,
Как лист.
Взрывается мерзлый воздух
Со свистом
У самых лиц.

В жару боевой товарищ.
Спеленат жарой.
В бреду.
И гору в пути повалишь
И небо найдешь в аду.

От шага до шага вечность.
И нет ни огня,
Ни вех.
Пуржистая бесконечность.

Военной памятью заряжен,
Иду сквозь годы тяжело.
Смертельной
Той начинкой вражьей
Пока меня не разнесло.

Но как бы ни был
Путь мой долог
Среди друзей,
Среди полей
Вскипит однажды ярый порох
Той трудной памяти моей...

И, словно взрыв,
Неукротимо
Хлестнет до солнца в вышину,
И обернет
Планету дымом,
Что я вдохнул в себя в войну.

И пронесется дым
Над всеми,
И вскрикнет кто-то
Сам не свой:
«Еще один
Не вынес бремя
Военной памяти взрывной!..»

Я осторожен с ней поныне:
Как мина,
Замерла во мне.
Какой сапер
Ту мину вынет,
По силе равную войне!..

Идут,
Оседают в снег.

В заносах люди зальдели,
Как сталью
Каждый одет;
Как будто идут в метели
Гвардейцы
Военных лет.

Тропинка в горах зажата.
Усталость,
Как трусость,
Как прячь!
Солдаты несут солдата.
На рации
Военврач.

Ждет госпиталь,
Света полный.
Дыханьем
Снега сожги.
И сами радиоволны
Считают
Солдат шаги.

И звездами прольется, и дождем,
И светом, и полнотой темнотою.
О небо, небо!
В куполе твоём
Скольку неутомному мечтою.

Чего хочу?
Какой томлюсь болезнью?
Скольку,
Явлений постигая связь,
Неужто чтоб моей земною песнью
Голубизна
Однажды пролилась?!

Чтоб, днем и ночью
Находя людей,
Их принимала радости и плачи.
И если песня эта
Что-то значит —
Живые души
Породнятся с ней.

Монумент

Недавно в древнем русском городе Ливны был открыт памятник защитникам Родины.

Воин к воину шли в веках,
Заступали на место павших.
Здесь, на ливенских кручах наших,
Был и рублен и колот враг.

Здесь возвысились над Сосной,
Над пожарничными веками
Деды, в сечах кипя мечами, —
Стражи Ливен, земли родной.

Так стояли в битвах они,
Что остались в памяти живы.
Так хранили песни и нивы —
Откатили от них огни.

Из горячих времен седых
Предков к нам перешла отвага,
С гневом выжгла нутро рейхстага,
Возвеличив сынов своих.

Молодую славу веков,
Сыновей — любовь изваяла.
Круча древняя выше стала,
Чтоб держать высоко сынов.

Ширь отеческую спасли,
Их священна свобода верность.
Ярче видится наша древность
На спасенном свету земли.

Забывчива июльская погода!
Прокисла земляника от дождей.
Верни меня!
Вернись ко мне скорей,
Любимая,
Зачем тебе свобода?

Зачем они,
Печальные раздумья?
Шагаю тише —
Превращаюсь в тишь.
Я вырастаю в всплесках,
В смехе,
В шуме,
А ты молчишь.
Зачем, как сон, молчишь?!

И хлынул дождь,
Тебя развеселил.
Иль тем дождем
Сам лунный вечер был?

Ты кинулась за речку,
К родникам —
И не догнать ни ветру, ни рукам.

Но, убегая,
Ты бежишь к тому,
Кто кинулся по следу твоему.

Стихи, написанные в небе

За окном Андромеда —
Почти у плеча.
Самолета походка в ветрах горяча.

Полночь.
Не видать подо мною огня:
Над пустыней проносятся турбины меня.

Кто-то спит,
Кто-то свет над собою включил.
Час настал, самолет нас с земли подхватил.

И ветра над страной
Возле звезд расплескал

Нас объявлявший надежный
живучий металл.

Он дрожит. Он гудит.
Он несет нас во тьме,
И все небо стоит у него на корме.

Вот он, час,
Для живущих заботой земной —
Я лечу! И кружится земля подо мной.

И подсвечивают
В темноте родники
Мир, в котором я первые сделал шаги.

К ЧИТАТЕЛЯМ
И ДРУЗЬЯМ
«СМЕНЫ»

ПОДАРИМ УРЕНГОЮ ДЕТСКУЮ БИБЛИОТЕКУ

Постоянные читатели «Смены» знают о нашем общем деле и дорожат им: год назад, в 1979-м, мы сообща подарили Уренгою — поселку газовиков на севере Тюменской области — библиотеку. Читатели по призыву редакции прислали 25 тысяч книг, а журнал организовал строительство библиотеки, которую сделали и смонтировали комсомольцы Ново-Вятского комбината древесных плит из Кировской области.

Редакция и ее друзья благодарны уренгойцам за то, что библиотеке присвоено имя журнала, уренгойцы же благодарны всем, кто прислал книги, — читателям «Смены» из всех уголков страны. Подводя итоги доброму делу, мы писали о том, что создание библиотеки интересно прежде всего общественным началом, характером дела, сердечным отношением к заботам уренгойцев тысяч граждан нашей страны, для которых Уренгой — столица громаднейшего газового промысла, место, где посланцы комсомола приумножают славу ВЛКСМ своей работой в тяжелых северных условиях.

Хотим доложить читателям «Смены» и всем участникам прошлогодней операции «Смена» — Уренгою, что библиотека наша общая работает, теперь в ней уже 31 тысяча книг, при библиотеке существуют передвижки, которые доставляют книги геологам, лесорубам, строителям, на газокомпрессорные станции, проводятся встречи с прозаиками и поэтами (их командирует журнал), читательские конференции, при библиотеке работают кружки и клубы по интересам — словом, наше общее детище стало подлинным духовным центром Уренгоя, а Уренгой теперь получил статус города.

Казалось бы, все в порядке.

Но тут мы хотим привести письмо читателя В. А. Панкратова из города Свердловска.

«Года полтора назад, — пишет он, — вами проведена кампания по сбору книг для Нового Уренгоя. Дело это очень хорошее. В нем принял участие и я. Но мне ка-

жется, что на этом останавливаться нельзя. Библиотеку нужно пополнять. Поэтому сбор книг следует продолжить. Здесь важно не выделение книг, а именно сбор их, как форма шефства над молодежью, работающей все же в экстремальных условиях. Хотел бы принять в этом участие и я, бывший комсомолец 20-х годов, для комсомольцев восьмидесятых. Тем более при существующем книжном голоде таким путем можно собрать больше разнообразной литературы, чем даже приобрести за деньги».

Здесь надо заметить, что такие письма мы получаем время от времени, и редакция сердечно благодарна и читателям и писателям, продолжающим присылать свои книги для Уренгоя.

А город тем временем растет. Новый отряд комсомольцев уехал в Уренгой. Гремят на севере свадьбы. Прирастает городское население юным народом. Школа, пока единственная в городе, работает аж в три смены. А детей все прибывает. И надо сказать, в приполярном городе, где взрослые заняты нелегкой работой, не так уж много отдушин для ребят. Скажем определеннее: дети требуют в Уренгое особой заботы и особого внимания. Ведь это северные дети, которым, будем откровенны, многого не хватает из того, что стало нормой для ребят наших городов и сел: и детских кинотеатров, и фруктов, и вкусно-мороженого, и книг.

Да, не хватает книг. И наша сменовская библиотека не может им помочь по-настоящему: у нее своих, взрослых, забот достаточно, ведь едва ли не каждый второй человек в молодом городе студент-заочник, папы и мамы работают и учатся, и библиотека «Смены» должна им помогать.

Но детей нельзя забывать. Это одно из славных правил нашей страны. Детям нужно очень много читать.

И вот какое письмо мы получаем снова. Причем его подписали все руководители всех организаций города. Нельзя ли, обращаются они к «Смене», построить еще одну библиотеку — детскую. Точно такую же, как и взрослую, на 25 тысяч книг. На вырост, как говорится. И поставить ее прямо напротив уже существующей.

Редакция, что называется, изучила возможности. Комсомольцы все того же отзывчивого Ново-Вятского комбината древесных плит берутся построить и смонтировать библиотеку. Миннефтегазстрой СССР принимает участие в решении экономических проблем. Министерство культуры РСФСР — в оборудовании ее. А «Смена» вновь организует и стройку и сбор книг, — словом, все дело от начала до конца.

Но что такое «Смена»? Это ее читатели! Без читателей журнал ни на что не способен. Без читателей мы ничего не сумели бы — в том числе и наш первый опыт не получился бы. Но он получился.

И вот мы снова обращаемся к читателям. К вам, наши дорогие, отзывчивые, сердечные друзья! Давайте построим детскую библиотеку в Уренгое! Давайте соберем 25 тысяч детских книг! Давайте делом позаботимся о детях северян, о детях-северниках! О тех, кому пока еще так не хватает счастливых детских радостей!

Хотим сказать здесь, что детскую библиотеку собрать можно интересно и содержательно. Почти в каждой семье есть дети. Они вырастают. Книжки копеечные, в тонких переплетах выбрасывают истерзанные. Но вот детскую книгу, изданную хорошо, с красивыми рисунками, в твердом переплете, выбросить рука не поднимется, а сдать в букинистический магазин бывает недосуг. Вот в этих-то книгах, тоскующих во взрослой семье, мы видим главные резервы для Уренгойской детской библиотеки. Впрочем, и тонкие книжки в хорошем состоянии будут добрым подарком юным уренгойцам. Достойная мысль — передать новым детям книги, прочитанные собственными детьми. На наш взгляд, в этом поступке есть высокий нравствен-

ный смысл. Особо приглашаем мы к сбору книг для своих товарищей с севера пионеров, школьников, комсомольцев, народ, который славится жаждой новых хороших дел.

Итак, «Смена» приглашает читателей прислать книги для детской библиотеки в Уренгое. На этот раз мы просим посылать их прямо на север, по адресу:

626718,
ТЮМЕНСКАЯ ОБЛАСТЬ,
ГОРОД НОВЫЙ УРЕНГОЙ,
БИБЛИОТЕКА
ИМЕНИ ЖУРНАЛА
«СМЕНА»,
ДЕТЯМ УРЕНГОЯ.

И пусть слова детям Уренгоя станут девизом нашего нового дела.

Одно необходимое пояснение: библиотеку имени «Смены», ту самую взрослую библиотеку, которую мы открыли в прошлом году, редакция считает своим отделом, поэтому мы и просим книги посылать прямо туда, чтобы обойтись без лишней их «перевалки», а работники библиотеки станут оперативно передавать нам списки всех приславших хотя бы одну книгу и все письма, вложенные в бандероли. Поэтому «Смена», постоянно информируя о сборе книг, как и в прошлом году, назовет имена всех без исключения дарителей.

Итак, книги — детям Уренгоя!

Ждем их!

Строим детскую библиотеку в юном городе!

Александр ОПАРИН, академик

Лауреат Ленинской премии, Герой Социалистического Труда, академик Александр Иванович Опарин — один из основоположников отечественной биохимии, прославивший советскую науку трудами в области важнейших проблем естествознания. До последних дней своей жизни Александр Иванович активно занимался научной и общественной деятельностью, в его рабочем кабинете всегда можно было встретить учеников — известных ученых и юных студентов. «Будущее науки продолжает молодеть», — говорил старейший академик и активно передавал молодым свой опыт и знания. Незадолго до смерти Александр Иванович Опарин передал нам свою «Автобиографию». Это последняя работа известного ученого, и написана она специально для «Смены».

Возможность увидеть по-новому, с иной точки зрения знакомое и привычное — шаг к открытию и в научных исследованиях и в постижении человеком окружающей жизни.

У меня дома висит фотография: красная каменная пустыня, безжизненная поверхность Марса, безрадостная картина, глядя на которую хочется воскликнуть: «Как хорошо, что на Земле возникла жизнь!»

В конце двадцатых годов я впервые увидел Землю такой, какой ее видят птицы, и еще раз во всей полноте ощутил, что нет ничего прекрасней жизни, делающей нашу планету столь красочной, разнообразной и обильной.

достью и облегчением приезжал я на каникулы в родные края после довольно тяжелых будней в Москве, где с девяти лет я начал учиться во 2-й классической гимназии. Контраст между моей привольной жизнью на Волге и регламентированным существованием в гимназии был разительным. Вместе со мной учился старший брат, но у него была своя жизнь, свои друзья. Я должен был справляться со своими трудностями сам. Все же суровая жизнь в пансионе имела и положительное влияние. Выработывалась внутренняя организованность, воспитывалось драгоценное чувство коллектива. Мы быстро становились самостоятельными.

Главными предметами в гимназии, на мое мучение, были классические языки: латынь и греческий. Живые языки — французский и немецкий — преподавались неважно, а английскому вообще не обучали. Но к языкам у меня с самого начала возникла непреодолимая антипатия. Опрометчивость этой своей «нелюбви» к иностранным «глаголам» я довольно остро ощутил впоследствии. Сейчас могу читать и писать на немецком и английском, но как молчал почти все время на уроках иностранного, так до сих пор говорить на них в общем-то не могу. Математика, физика были мне более доступны. Хотя больших успехов я и там не делал. Все больше трюки получал.

Но интерес к жизни растений вел меня к самостоятельным занятиям ботаникой. Еще будучи в младших классах, несмотря на свои «неуспехи», я мечтал стать ученым, естествоиспытателем.

На Волге во время каникул я собирал гербарий, составлял списки флоры нашей местности и даже ставил элементарные опыты по физиологии растений. Особенно сильное впечатление в то время произвела на меня книга «Жизнь растений» Климентя Аркадьевича Тимирязева, которого я считал

предложил себя в качестве Марины. Товарищу ничего не оставалось, как согласиться.

Экзаменовал нас Лужский. Узнав, что мы собираемся читать, он предварительно осведомился: «А кто же будет Мариной?» Мы ему разъяснили, он, по-моему, не очень удивился. Когда же наше чтение закончилось, то принятым оказался я, а настоящему претенденту отказали. Но мне пришлось несколько разочаровать нашего экзаменатора, сказав, что не я, а мой товарищ собирался стать актером. Так я пренебрег своей актерской карьерой.

Но несколько десятилетий спустя, на моем 60-лети, этот случай вспомнили, и актеры театра имени Вахтангова, бывшей 3-ей студии, где я тогда экзаменовался, разыграли сцену у фонтана, в которой я столь удачно дебютировал.

В 1915 году, продолжая учебу в университете, я поступил в качестве химика на только что организованный химико-фармацевтический завод. Шла война с Германией. Положение с медикаментами было катастрофическим. Дело еще осложнялось тем, что в то время в России не существовало самостоятельного фармацевтического производства. Все медикаменты поступали как раз из Германии. У нас они только перефасовывались. Таким образом, Россия оказалась фактически без лекарств. Правительственные круги не могли справиться с создавшимся положением. И тогда общественная организация «Союз городов» взяла эту задачу на себя. Было создано несколько заводов. Тот, на который поступил я, располагался на Потешной улице, сначала в старых переоборудованных под нужды фармацевтического производства помещениях. Там-то и был изготовлен первый русский аспирин. В его создании принимал самое непосредственное участие и я.

Напряженность предреволюционной атмосферы

ПОСЕВ НАУЧНЫЙ-ДЛЯ Ж

Я был в командировке на Кавказе, занимался проблемами ферментации в области чайного и табачного производства. Когда настало время возвращаться домой, я вдруг узнал, что готовится рейс самолета, один из первых, на котором можно добраться до Москвы. Возможность лететь, почти фантастическая в то время, была настолько притягательной, что я решился ею воспользоваться. Перед полетом нужно было пройти обычную процедуру — взвешивание, однако не только багажа, но и пассажиров, так как для тогдашней воздухоплавательной техники это имело немаловажное значение. Когда я встал на весы, летчик тяжело вздохнул, поскольку я не отличался легкостью телосложения, но так как самолет был рассчитан на четырех пассажиров, а летело только трое, то «дело выгорело». Первая посадка была уже в Сухуми, а вторая — в Сочи, там же мы переночевали. Начало нашего перелета Тбилиси—Москва было великолепным. Погода стояла ясная, и головокружительно прекрасные краски и очертания гор, моря, дорог и городов делали нас по-детски восторженными и непосредственными. Наш самолет больше походил на деревянную этажерку, чем на машину, но он нес нас по воздуху, как и положено воздухоплавательному аппарату.

Но до Москвы мне так и не удалось долететь. При посадке в Орле нас вынесло за пределы посадочной полосы, и самолет сломал хвост. Меня посадили в поезд, и я так и не посмотрел на Москву с высоты птичьего полета. Но мне довелось тогда увидеть и узнать столько нового, что эта неудача была очень незначительной...

В основе всей моей научной и творческой деятельности лежит глубокое убеждение в том, что живая природа, жизнь — самое прекрасное и в конечном счете самое важное из всего того, что существует у нас на Земле. Я убежден, что, чем глубже человеческий ум познает сущность жизни, тем все более здоровой, плодотворной и долгоднейшей становится жизнь людей.

То обостренное восприятие живой природы, которое в немалой степени направляло мою исследовательскую деятельность, возникло у меня не без влияния детства, которое я провел на берегу Волги, недалеко от древнего русского города Углич. Спокойная и богатая природа северного края, мягкость и значительность ее пейзажей располагали к наблюдательности и сосредоточенности. С какой ра-

своим первым учителем. Еще гимназистом слушал его замечательные популярные лекции в Политехническом музее и увлекался его сочинениями по дарвинизму. В то время шли острые споры между сторонниками этого прогрессивного учения и его противниками. К окончанию гимназии я был уже достаточно сложившимся биологом и убежденным последователем эволюционного учения Дарвина, поэтому без колебаний пошел в Московский университет на естественное отделение физико-математического факультета. В университете, конечно же, выбрал своей специальностью физиологию растений. К сожалению, за год до этого Тимирязев оставил руководство кафедрой в знак протеста против того разгрома, который учинил в университете тогдашний министр просвещения Кассо.

Однако кафедра перешла к его ученику — Федору Николаевичу Крашенинникову, который позже познакомил меня с Климентом Аркадьевичем. Правда, к тому времени Тимирязев был уже очень болен, и наше общение ограничивалось его советами по моей дипломной работе.

Несмотря на интенсивность и сложность занятий, стены лабораторий и аудиторий не ограничивали моих интересов. Конечно, основным источником впечатлений была наша студенческая жизнь. Собирались мы часто в студенческой столовке на Девичьем поле. Кроме того, что там можно было дешево и прилично прокормиться, так как готовили мы сами, это был еще своего рода студенческий клуб. При этой столовке были организованы различные кружки, устраивались вечера, концерты, диспуты. На одном из таких концертов, помню, выступали Маяковский и... я. Конечно, большим вниманием пользовался Маяковский, но меня это, признаться, нисколько не обижало. Он ведь выступал со своими стихами, а я хоть и с хорошими, да чужими.

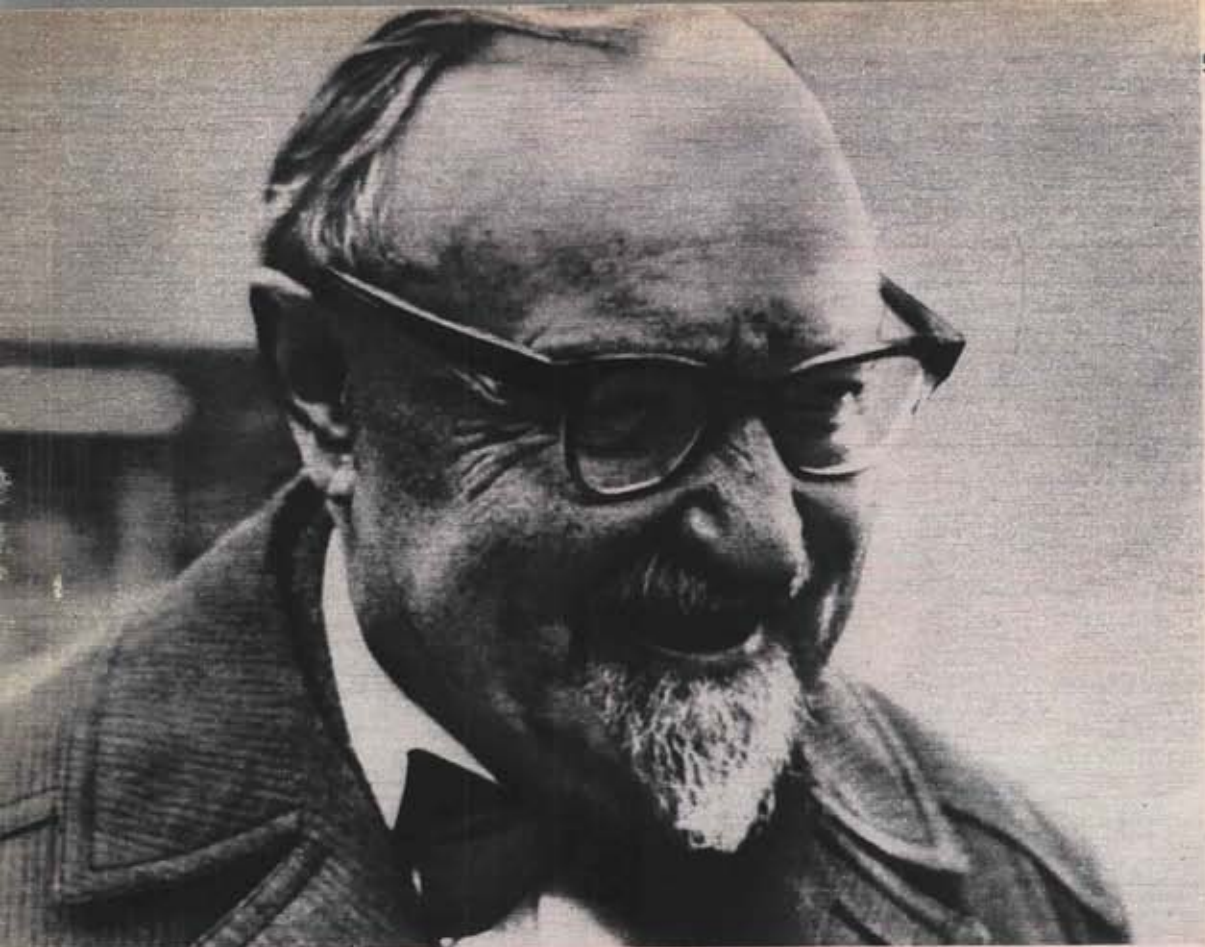
Но однажды мой, так сказать, артистический дар получил довольно лестное признание. Как-то на студенческой вечеринке возник разговор о том, что один из гостей, по-моему, это был студент-медик, собирается изменить свою жизнь, поступить в студию Художественного театра. И как раз на следующий день ему предстояло держать экзамен. Проблема заключалась в том, что он подготовил отрывок из «Бориса Годунова» Пушкина и ему нужна была Марина. Он подбивал курсисток согласиться на эту роль, но никто над ним не сжалился. Тогда я

остро ощущалась и в стенах завода. Бурные события не миновали нашей заводской жизни. У нас был организован заводской комитет, меня избрали его секретарем. Я работал на заводе и одновременно заканчивал университет. И когда получил диплом (это событие произошло как раз между двумя революциями), в нем оказалось довольно занятное исправление: там, где было выведено «Императорский Московский университет», первое слово зачеркнули простым карандашом.

Профсоюзная деятельность, начавшаяся для меня с работы секретарем заводского комитета, после Октябрьской революции развивалась дальше. Роль профсоюзов в первые же годы Советской власти очень возросла. Но вначале существовало только два Всероссийских профсоюзных объединения — металлистов и текстильщиков. Рабочие всех остальных отраслей не имели своих всероссийских профсоюзных организаций. Встал вопрос о создании такого объединения и у нас. В конце восемнадцатого года в Москве был созван I Всероссийский съезд рабочих химической промышленности. И все мелкие производства, не имевшие централизованного союза, такие, как спичечное и даже щетинно-щеточное, были отнесены к химической промышленности, то есть все, что не относилось к металлу и текстилю, объединялось в то время химией. Но тогда такие «тонкости» были неважны. Главное — сплотить. А трудностей было немало. Московское объединение химиков носило меньшевистский характер. И на съезде пришлось проделать большую работу, чтобы создать по-настоящему прогрессивное объединение.

Когда я стал членом ЦК профсоюза, меня командировали в химический отдел ВСНХ. Там мне предстояло работать под руководством одного из замечательнейших деятелей того времени, Льва Яковлевича Карпова. Это был образованный, умный и душевный человек, блестящий специалист и организатор. Нашей первой и основной задачей являлась национализация производства. Если на крупных предприятиях осуществить это было сравнительно несложно, то на мелких заводах дело затруднялось спецификой полукустарного производства, особым складом царивших там отношений.

Деятельность нашего отдела распространялась не только на Москву, и мне приходилось много ездить по стране, а делать это в те годы было невероятно трудно. Правда, я имел особый билет, подписанный

АТВЫ НАРОДНОЙ

самим Лениным, по которому мне безоговорочно должны были предоставлять место в штабном вагоне. Но на самом деле не то чтобы в штабной вагон — в теплушку забраться порой не удавалось. Ну, и в итоге всех этих странствий — сыпной тиф.

Болезнь тяжело, и, если бы не мои друзья-медики, с которыми меня связывала давняя университетская дружба, не знаю, как бы выкарабкался. Они устроили меня в сыпной барак около Новодевичьего монастыря.

Молодость и дружеское участие оказались сильнее свирепого тифа, и я поправился. Нужно было возвращаться в ВСНХ. Но ни сил, ни желания вновь браться за эту в общем-то административную работу у меня не было. Хотелось полностью посвятить себя научной деятельности, которую я, по сути дела, и не прекращал все это время, состоя при кафедре Московского университета. К тому времени у меня были уже научные публикации, первая из которых появилась еще в 1917 году. Она посвящалась сравнительному изучению растительных глобулинов. Во время исследований этого вида белков я обратил внимание на особое свойство хлорогенной кислоты, которая окрашивала водные экстракты обезжиренной муки семян подсолнечника в великолепный интенсивный зеленый цвет. Я установил, что это вещество участвует в окислительных процессах, основанных на улавливании, присоединении водорода. Это укладывалось в теоретические представления Алексея Николаевича Баха — нашего выдающегося ученого-биохимика.

Алексей Николаевич был человеком удивительным. В нем сочетались талантливый ученый и мужественный борец-гражданин. Еще до революции он написал замечательную книгу «Царь-голод», которая носила острый, разоблачительный характер. Его отправили в ссылку, откуда ему удалось бежать. Бах поселился в Швейцарии. В Женевском университете у него была своя лаборатория, и результаты исследований, которые он там проводил, принесли ему всемирную известность. Я внимательно следил за всеми публикациями Алексея Николаевича.

После своего выздоровления я сказал Карпову, что душа моя лежит больше к науке, и попросил дать мне возможность съездить в Женеву к Баху. Лев Яковлевич неожиданно рассмеялся и сказал, что в Швейцарию ехать незачем, а лучше мне пойти в Армянский переулок, где организовали новую

биохимическую лабораторию. Там-то я и найду нужного мне человека. Эта лаборатория подчинялась химотделу, и таким образом я оказался до некоторой степени начальством Алексея Николаевича.

Помню, Бах очень красочно описывал нашу первую встречу. Я, дескать, заявился к нему таким комиссаром в кожаной куртке, и он сразу спросил: «Вы пришли меня контролировать?» «Нет, — смутился я. — У меня написана работа по химизму окислительных процессов, которая переключается с вашей теории. Хочу с вами посоветоваться, потому что я сейчас на распутье».

Действительно, я стоял перед выбором. В химотделе для меня намечался очень ответственный пост. Тогда начали организовываться главки, и я должен был возглавить один из них. Но это означало, что научная деятельность ушла бы на второй план. Я просил Баха посмотреть мою работу и дать свой отзыв.

Алексей Николаевич прочитал рукопись и стал мне горячо советовать избрать путь ученого. Вскоре я начал также читать курс лекций в Московском университете на кафедре физиологии растений «Химические основы жизненных процессов».

Когда Алексей Николаевич перешел в биохимический институт при Наркомздраве, он и меня привлек к работе в своей лаборатории. Характер наших исследований несколько изменился. В центре внимания были теперь ферменты.

— Изучение этих исключительно важных для биохимических процессов веществ имело не только чисто научное, но и огромное практическое значение.

Достаточно сказать, что наши исследования ферментов, содержащихся в зерне и муке, помогли разрешить немало проблем зернового хозяйства и хлебопечения. Однажды в конце 20-х годов возникла довольно острая ситуация на наших хлебопекарнях. В то время пищевая промышленность претерпевала глубокие изменения, хлебопекарное производство из мелких кустарных пекарен, где все делалось вручную, можно сказать, на глаз и на вкус, переходило на крупные предприятия с механизированными процессами работы. Это вносило очень большую специфику во всю организацию хлебопечения. Если мастер в своей пекарне все делал интуитивно, сам чувствовал, пошло тесто или нет, хорошо пропекается или не очень, то

заводское производство, основанное на потоке, требует предварительного знания того, что нужно, так как менять режим работы по ходу дела можно только в очень ограниченных масштабах.

Но сложность заключается в том, что разная мука в процессе хлебопечения ведет себя по-разному. Тот год выдался очень сырым, зерно проросло еще при уборке. Мука из такого зерна хорошо ведет себя при замесе, расстойке теста, но при выпечке хлеб получается непропеченный. Естественно, среди покупателей возникло недовольство. Но мастера на заводе не понимали, в чем дело. Увеличивали температуру — не помогало, удлинляли процесс выпечки — хлеб выходил все таким же сырым. Потребители стали возмущаться, якобы воды много оставляют, вот когда были мелкие пекарни, то хлеб давали хороший, а с заводов поступает никуда не годный. Такое положение весьма компрометировало заводское производство. А дело было, как обнаружили я и мои студенты, в следующем. Зерно содержит ферменты — биокатализаторы, которые разлагают крахмал и белки. При этом существуют два вида ферментов — альфа- и бета-омелазы. В процессе брожения, ведения теста действие бета-омелазы очень важно: она превращает крахмал в сахар. Но в проросшем зерне бурно развивается не бета, а альфа-омелазы, которая разлагает крахмал только до декстринов. Именно они и придают тесту клейкий, липкий характер. А покупатель думает, что хлеб не пропечен.

Благодаря нашим исследованиям выяснилось, что дело можно поправить, увеличив совершенно незначительно кислотность теста, так как альфа-омелазы кислоты боится, а бета — нет. Так был найден выход из довольно затруднительного положения, в котором оказалось хлебопекарное производство.

Но не только хлебу помогла наша работа над ферментами. Многолетние исследования доказали, что в основе технологии производств, имеющих дело с переработкой растительного сырья, лежат ферментативные процессы. Именно они выявляют вкус и аромат изделия, придают ему усвояемость. Совместно с сотрудниками Института сахарной промышленности разработали режимы длительного хранения сахарной свеклы, позволившие в полтора раза удлинить сезон работы сахарных заводов, а следовательно, и увеличить их производительность, не требуя для этого дополнительных капиталовложений и уменьшив потери сырья. Наши рекомендации принесли большую пользу, ведь раньше сахарные заводы простаивали без работы в течение многих месяцев, ожидая следующего урожая.

В стране остро ощущалась потребность в планомерных и глубоких исследованиях биохимических процессов. Это было необходимо как в практическом отношении, для развития народного хозяйства, так и в теоретическом, для познания основ самой жизни. И вот в 1935 году Алексей Николаевич Бах и я организовали первый в стране институт биохимии, который носит сейчас имя Баха. Чайное производство, табачное, виноделие, производство витаминов — все эти отрасли народного хозяйства использовали результаты наших работ по изучению биохимии растений, ферментативных реакций.

Однако меня больше всего привлекала проблема происхождения жизни на Земле. Это одна из важнейших мировоззренческих проблем человечества, в которой, как в фокусе, собираются все научные знания. Она волновала человека еще в самые отдаленные времена. В орнаменте древней вазы, относящейся к середине IV тысячелетия до н. э., найденной при раскопках в Уруке — одном из древнейших городов государства Шумера в Южной Месопотамии, — изображено представление наших предков о том, как зародилась на Земле жизнь. В самом низу видны волны, выше из них возникают растения, далее идут животные, а еще выше — люди. Все это венчается изображением Иштар — богини жизни и плодородия.

Самозарождение жизни из воды — одно из древнейших представлений о происхождении всего живого. Сначала это был как бы эмпирически установленный факт. Потом появились различные теории «самозарождения». Одни толковали возникновение жизни как результат деятельности высшего духовного начала, другие — как естественное явление, присущее самой материи. По этим основным двум направлениям развивались учения о происхождении живых существ от Эпикура и Аристотеля до Декарта. Однако после опытов Пастера эта проблема зашла в тупик, так как рушились прежние представления о том, что живые существа, даже самые примитивные, возникают непосредственно

из неорганических веществ. Если теория Дарвина показала, как из примитивных существ возникают все более и более сложноорганизованные, как развивался наш мир, то эта теория оставила без ответа возникновение самых первых организмов, родоначальников всего живого на Земле.

Естественно, идеалистические учения трактовали это как акт божественного сознания. Или как результат воздействия какой-то нематериальной силы. Господствовавший в то время механистический материализм, силлившийся все понять по аналогии с механизмами, не мог ответить на этот вопрос. Сравнение организма с механизмом заходило в идеалистический тупик: машина сама по себе не возникает. Для того чтобы она появилась, нужен ее творец, создатель, конструктор. Таким образом, в то время, как я начал интересоваться происхождением жизни, эта проблема находилась в критическом состоянии. Одним из основных препятствий, стоявших на пути ее разрешения, было господствовавшее тогда в науке категорическое убеждение, основанное на повседневном опыте, в том, что лежащие в основе живых существ органические вещества в природных условиях могут возникать только биогенно, только путем их синтеза организмами.

В конце первой четверти нашего века я имел смелость вступить в противоречие с общепринятым тогда мнением, утверждая, что монополия биологического синтеза органических веществ является характерной только для современной эпохи существования нашей планеты. В начале же своего формирования Земля была безжизненной, но на ней осуществлялись неорганические, абиотические синтезы углеродистых соединений, происходила их последующая предбиологическая эволюция. Эта химическая эволюция приводила к постепенному усложнению абиогенных соединений, затем к формированию из них индивидуальных фазообособленных систем и превращению последних (на основании их естественного отбора) в предшественников жизни — пробрионтов, а затем и в первичные живые существа.

С этим положением я выступил в 1922 году в Московском отделении ботанического общества. Собрание восприняло мою идею довольно положительно. Председательствовал тогда Лев Иванович Курсанов. Он сказал, что выдвинутое мной положение очень интересно, хотя требует конкретных доказательств. Но их, собственно говоря, у меня не было. Единственное свидетельство — наличие органических веществ на метеоритах. Но их присутствие там объяснялось результатом жизнедеятельности живых организмов, которые их когда-то населяли. Правда, существовала еще теория, развитая Менделеевым, по которой органические вещества нефти возникли абиогенно, в результате воздействия воды на карбиды. Но и она была опровергнута, так как путь встречи воды и карбидов, который описал Менделеев, оказался геологически немислим. Тогда я предположил иной путь, при котором карбиды сами могли выйти наружу, например, при извержении вулкана. Таким образом, я шел большей частью интуитивно, чисто теоретически предполагая то, что несколько десятилетий спустя было подтверждено фактами.

После моего доклада в Ботаническом обществе я решил заняться более серьезно этой проблемой. В 1924 году вышла моя первая книга «Происхождение жизни».

Изучение происхождения жизни сдвинулось с мертвой точки. Особенно интенсивно над этой проблемой стали работать ученые из разных стран в послевоенные годы. Начали организовываться специальные симпозиумы. Было создано международное общество по изучению происхождения жизни. Но об этом позже.

А сейчас настала пора обратиться к тому времени тяжелых испытаний, которое наступило для советского народа в Великую Отечественную войну.

Когда фашистские войска приближались к Москве, наш биохимический институт начал эвакуацию. Эвакуировать научно-исследовательское учреждение с его сложным оборудованием, материалами, документацией — дело нешуточное. Тем более, что путь предстоял долгий и нелегкий — во Фрунзе. С институтом я не уехал по ряду причин. Сначала у меня было много дел в Москве, связанных с эвакуацией, а потом началась большая работа совместно с тогдашним наркомом пищевой промышленности Зотовым по обеспечению армии продуктами питания. Одним из насущных вопросов в этом отношении было снабжение витаминами. Особенно остро их нехватка ощущалась партизанами. Естественно, на этой почве развился жесточай-

ший авитаминоз. Нужно было срочно найти выход. В первую очередь начали посылать туда ржаную муку и гречневую крупу. Ну, а те разноцветные горошины, которые продаются сейчас во всех аптеках в большом выборе, своим «рождением» обязаны той огромной работе, которая началась во время войны, а затем в мирное время продолжалась в нашем биохимическом институте. Главную роль в создании витаминного производства сыграл профессор Букинч, заведующий витаминным отделом нашего института.

По просьбе и предложению Зотова, который был очень озабочен пищевым снабжением, я начал работу, связанную с его наркоматом. Тогда же я стал профессором технологического института пищевой промышленности. Вместе с тем я регулярно читал лекции в Московском университете. А когда естественный факультет попросил меня стать заведующим кафедрой биохимии растений, я перенес основную свою преподавательскую деятельность на Московский университет.

Работать со студентами я всегда любил, хотя с ними нужно держать ухо востро. У меня сложилось такое впечатление, что и они меня любили, с охотой ходили на мои лекции, заинтересованно занимались в семинарах. Сейчас встречаю своих бывших учеников, многие из которых стали большими учеными, академиками, и они вспоминают, как писали дипломы под моим руководством.

После войны моя общественная деятельность в основном развивалась по двум направлениям: борьба за мир и объединение прогрессивных ученых. В конце сороковых годов была создана Всемирная федерация научных работников. Вначале в нее входили в основном ученые Франции и Англии. Представителем от Франции был Жюлио-Кюри, от Англии — Джон Бернал. Некоторое время федерация объединяла небольшой круг ученых Европы. Но так как это объединение носило прогрессивный характер, то встал вопрос о том, что мы тоже войдем в состав этой федерации. И вот в Венгрии был организован съезд, на который я приехал в качестве представителя Советского Союза. Не скажу, чтобы вступление в федерацию проходило очень гладко. В составе организации было довольно много ученых, которые относились к Советскому Союзу сдержанно. Высказывалось мнение, что это должна быть чисто научная организация, без всякой политической окраски. Жюлио-Кюри выдвинул следующее предложение: основной задачей федерации должна быть борьба за то, чтобы результаты научных исследований не могли быть использованы во враждебных для человечества целях (в атомной войне и так далее). Эта позиция очень тесно нас сблизила. Разделял ее с нами и Бернал. С ним у меня завязалась тесная дружба. Бернал тоже много работал в области происхождения жизни. Незадолго до своей смерти он закончил книгу, посвященную этой проблеме. Он просил меня отредактировать ее. Я приехал к нему в Лондон, чтобы вместе поработать. Тогда он был уже полностью прикован к постели. Но тем не менее наша встреча оказалась плодотворной, хотя было в ней и немало грустных минут.

Надо сказать, что интерес к проблемам происхождения жизни особенно возрос в послевоенное время. Теперь появилась возможность подтвердить и развить многие из моих предположений экспериментальным путем. Проведенные исследования углистых хондритов, а затем лунного грунта, а также радиоастрономические исследования газопылевых туманностей подтвердили возможность первичного образования во Вселенной органических и биоорганических молекул. Невозможность протекания абиогенных синтезов в присутствии свободного кислорода и предположение о вторичности фотосинтетиков приводили к концепции о восстановительном характере атмосферы древнейшей Земли. Это положение было подтверждено геологическими исследованиями в конце сороковых годов. Были осуществлены интересные экспериментальные работы Миллера по синтезу аминокислот из примитивных газов в электрических разрядах. Ученые многих стран из разных областей науки начали свои исследования этой проблемы.

В 1955 году на одном из биохимических конгрессов я поставил такой вопрос: не согласится ли общество ученых-биохимиков созвать специальную конференцию по проблеме происхождения жизни. Президентом общества в то время был ученый из Бельгии — Флорксис. Он поддержал мое предложение. Многие ученые с мировым именем согласились принять участие в этой конференции, которая должна была состояться в Москве. Собирались геологи, астрофизики, планетологи, биохимики... Успеху нашего форума способствовало то, что

его участники придерживались одной точки зрения: жизнь возникла в результате эволюции органических веществ.

В различных лабораториях мира начали проводиться эксперименты, подтверждавшие возможность синтеза из простейших соединений под действием различных источников энергии всех необходимых для возникновения жизни биологически важных соединений. Космохимические исследования продемонстрировали широкую распространенность органических, в том числе и биологически важных соединений в космическом пространстве и на различных космических телах. Таким образом, в настоящее время теория происхождения жизни является не только фундаментом для создания теоретической биологии, для раскрытия сущности жизни и исследований по эволюционной биохимии, но и теоретической основой космохимических исследований и поисков жизни на различных телах Вселенной. Она является фундаментом и для познания сущности жизни. «Главный практический мотив для изучения возникновения жизни состоит в том, что без этого мы не сможем понять современную жизнь и, следовательно, не сможем управлять ею», — справедливо отмечал Д. Бернал. Вспомогательное и философское и методологическое значение, поскольку без понимания возникновения жизни не может быть создана стройная диалектико-материалистическая картина эволюции форм движения материи. Существенное значение имеет она и для геологии при поиске месторождений нефти.

Конференция по происхождению жизни созывалась в США, Франции, Испании. Во французском городе Понт-а-Муссон было создано особое Международное общество по изучению проблемы происхождения жизни, председателем которого я был в течение двух сроков. Последнее собрание общества состоялось в Японии. И я в четвертый раз оказался в этой стране.

В Японии проблеме происхождения жизни уделяется очень большое внимание, ею интересуются в самых широких кругах. Она занимает не только ученых, которые создали свое национальное общество и издают специальный журнал. Большой интерес проявляют и простые японцы. Периодически устраиваются публичные собрания, посвященные данной теме. На двух из них, в Киото и Токио, довелось выступить и мне.

Вспоминается один случай. Ехали мы в такси, шел деловой разговор с моими спутниками. Вдруг машина останавливается, шофер проворно выскакивает, распахивает нашу дверцу... Мы все замерли в недоумении и даже некотором опасении: что же будет дальше? Но тут молодой японец открыто улыбается и спрашивает, глядя на меня: «Вы Опарин?» Его вопрос я понял без переводчика, как и он мой ответ. Остальное из его слов я уже понять не мог, хотя по его тону и взгляду было ясно, что он очень рад нашей встрече. Через несколько минут мы вновь двинулись в путь с добрым ощущением взаимной симпатии и интереса.

Наша конференция проходила в самый разгар весны. Цветение вишен, которыми славятся японские сады, создавало светлую и праздничную атмосферу.

Закончились доклады, обсуждения, встречи... И опять по самолетам! Ученые вернулись к своей исследовательской работе, чтобы найти самой древней и важнейшей проблеме жизни более точное и глубокое объяснение.

И снова приходит на память мой первый в жизни полет, счастливые и незабываемые моменты этого почти фантастического по тем временам предприятия. Прекрасно сознавая рискованность того путешествия, я все же чрезвычайно рад, что оно осуществилось. Теперь я, конечно, привык к самолетам, к картографическим пейзажам Земли. Но когда вспоминается то состояние, которое я испытывал на борту подрагивающей под ветром «этажерки», и оно вдруг совмещается с тем, что я испытываю и вижу на борту современного лайнера, то приходит по-юношески радостное и трепетное ощущение жизни — самого прекрасного, что есть на Земле. Способность воспринимать эту истину, воспринимать и действовать, руководствуясь ею, должна развиваться и воспитываться в каждом человеке, и притом в любом возрасте. Не надо забывать, что любые способности человека, а тем более такая всеобъемлющая, как жить, должны быть в постоянном «тренаже». Человек — это первое живое существо, способное управлять своей жизнью. Разум — высшая ступень развития материи. И стоять на этой ступени надо твердо и гордо.

Записала Мария БОГДАНОВА.

ПРОЗА

За все в ответе

Самим названием романа — «Годы без войны» («Советский писатель», 1979 г.) автор его Анатолий Ананьев словно бы уведомляет читателя, что намерен показать жизнь протяженно, в широком охвате. И действительно, две книги романа, которые, как можно понять, отнюдь не исчерпывают всего замысла писателя, затрагивают разные проблемы нашей действительности.

Действие романа происходит в нескольких точках: Москве, Пензе и пензенском селе, Мценске и мценском селе, Тюмени и земле тюменской, в недрах которой скрыты гигантские энергетические ресурсы... Герои автора — партийные работники областного и районного звеньев, колхозники, профессоры, доценты, инженеры, писатели, художники, журналисты, домашние хозяйки и даже дипломаты... Роман многогероен.

Многогероен и многопроблемен — одно в нем неотделимо от другого: появление на страницах произведения определенного действующего лица обусловлено художественным исследованием определенной проблемы — экономической ли, политической или нравственной, — которая берется не изолированно от других, а чаще как связанная с другими, связанная причинно, что и бывает в живой жизни.

Автора глубоко занимают проблемы колхозного строительства, развития села. О характере этих проблем, их направленности можно судить даже по одному тому, что события романа происходят в середине шестидесятых годов, примечательных для сельского хозяйства, как известно, решительным устремлением вперед.

Энергией такой устремленности приспосабливаются Сергей Коростылев, отставной полковник, едущий работать в деревню по велению долга коммуниста; Павел Лукьянов, колхозный механик, и его жена Екатерина; Иван Лукин, молодой секретарь райкома партии, и некоторые другие герои. В разряд энтузиастов следует зачислить и Дементия Сухогрудова, инженера, проектирующего трассы тюменского газопровода.

На мой взгляд, образы этих и подобных им самозабвенных работников, особенно Дементия

Сухогрудова, — наибольшая удача писателя. Привлекательны их смелая мечта, вера в достижение цели, дерзание... Дело, ко- ему каждый преданно служит, сложное, ответственное, но интересное, подчас овеяно романтикой. Автор поэтизирует этих героев, но поэтизация в пределах реальности усиливает реалистичность характеров.

Другая категория лиц романа, если обобщать их по основным родовым признакам — пониманию своего долга в обществе и выполнению обязанностей советского человека, — во многом, если не во всем противоположна Коростылеву, Лукьянову, Сухогрудову. Непризнанные «гении» вроде аспиранта Никитина, фрондирующие особы наподобие меценатки Ольги Доргомиловой — они хотят больше взять от общества, чем дать ему. Кстати, не столь уж и велики их возможности дать. В изображении этой группы персонажей отчетливо слышна обличительная интонация; порой, как, например, на страницах, посвященных описанию самой возвышенной у иных цели в жизни (не забавы, а именно цели!) — выражению комнатных собак, — обличение дано с сатирическим заострением.

Следует, однако, отметить, что автор не делит своих героев на резко положительные и резко отрицательных. Он пишет характер в его противоречиях, со всевозможными светотенями. В этом А. Ананьев стремится следовать художественному принципу Л. Толстого, коего больше, чем кого-либо другого из русских классиков, почитает за своего учителя.

Тема семьи в обеих книгах романа «Годы без войны», и особенно в книге второй, проходит крупным планом, и, применяя здесь толстовскую терминологию любимой мысли писателя, занимающей его в том или ином произведении, можно сказать, что семейная мысль в романе А. Ананьева является одной из главных.

Роман «Годы без войны» полон раздумий о жизни, ее сложностях, многочисленных проблемах, о нашем современнике, который за все в ответе.

Иван КОЗЛОВ

Доверие к читателю

Новая книга прозы «Всегда не виновен» («Современник», 1979 г.) Олега Полцова, состоящая из трех повестей, рождает у читающего ее много добрых чувств. Афористический стиль автора, его умение делать из житейских обстоятельств глубокие нравственные выводы — все это уверенно и прочно притягивает читателя с первых же страниц, заставляет с неослабевающим интересом следить за развитием судеб героев; добавляет к нашим представлениям о жизни и людях много нового, интересного, ценного.

В повести «Обжалованию не подлежит» Олег Полцов строит перед нами сложную, наполненную высоким нравственным максимализмом жизненную ситуацию: на стройке погибли лю-

ди, хороший человек, начальник участка Николай Климов должен «идти» в тюрьму, его исключают из комсомола. Друзья Николая начинают напряженную борьбу за товарища. Главное в повести — это проверка высоких человеческих качеств перед лицом трагически сложившихся обстоятельств. Много хороших людей объединяются в борьбе за Николая Климова. История взаимоотношений этих людей; объединившихся для того, чтобы не дать трагической ситуации раздавить душу Николая, и составляет, на мой взгляд, художественную и нравственную ценность повести. Эта история объединения людей показана разными способами и приемами, но основной из них — некий, каждый раз как бы произвольно возникающий афористический комментарий автора по поводу поступков героев, по поводу природы человеческих взаимоотношений вообще, по поводу добра, зла, дружбы, верности, предательства, достоинства и т. д. Этот авторский философский комментарий и есть, по моему, главное достоинство прозы Олега Полцова, однажды счастливо найденный им художественный прием, а по сути дела, философия жизни, нравственная физиономия бытия, тот глубоко индивидуальный, «единичный» голос писателя, звучанием которого он и обогащает наши представления о нравственных богатствах жизни.

Сохраняя верность своей стилистике, Олег Полцов в повести «Свадебный марш Мендельсона» создает иную по фабуле житейскую коллизию. Кирилл и Вика Волошины разошлись, но продолжают испытывать потребность в общении друг с другом, регулярно обмениваются письмами, в которых каждый по-своему (но по авторской концепции — с одних и тех же позиций нравственного максимализма) комментирует историю своего разрыва. Здесь опять тот же прием — афористический комментарий обстоятельства бытия, идущий то от одного, то от другого героя. Но читатель уже знает — это звучит голос самого автора, это автор делится с ним, с читателем, своими размышлениями о противоречивости жизненных явлений, о превратностях человеческих судеб. И читатель жадно ловит эти авторские интонации, с доверием прислушивается к ним, на мгновение отрываясь от текста книги, задумывается над своими собственными, общественными и личными обстоятельствами и заботами.

И, наконец, «Собачий вариант», третья повесть. Тема намечена широко и свободно — человек и его «меньший» брат, живое существо, способное любить, чувствовать, ненавидеть, симпатичнейший пес по кличке Таффи. История Таффи — антимещанская, сатирическая повесть, маленький фокстерьер экранит на себе мир людей. Можно только позавидовать, с какой огромной любовью к животным вообще и истинным знанием собачьих наклонностей и повадок в частности написал Олег Полцов это произведение. Повесть о собаке наполнена высоким и подлинным человеческим гуманизмом. Конечно, мы прекрасно понимаем, что о судьба Таффи — это прием, но он позволяет нам взглянуть на мир человеческих отношений с неожиданной точки зрения. Таффи — «лилипут» среди «великанов», но безрадостная его история вскрывает затнутые тинной быта закономерности в отношениях между «великанами», дает читателю как бы боковое, нижнее зрение на определенные черты и качества человеческой природы, выхватывает их в непривычном ракурсе.

Валерий ОСИПОВ

ПОЭЗИЯ

Теплота

«Поэтический мир каждого поэта, — утверждал Илья Сельвинский, — это особая страна со своим климатом, пейзажами, людьми, птицами, со своими шумами и ароматом. Нужно предоставить читателю путешествовать по этим странам». «Страна» Олега Беликова — земной шар, со всеми его континентами и океанами, со всеми его противоречиями и гармонией. Но в этом огромном мире мы удивительно подробно можем рассмотреть и отдельную травинку на русском лугу и слезу на щеке мальчишки, бредущего по американскому пляжу. Мельчайшие детали не теряются в огромном мире лишь потому, что прошли они через сердце поэта. Может быть, страна поэта — это и есть его сердце? Так по крайней мере думаешь, читая книгу стихов Олега Беликова «Солнечные встречи» («Современник», 1979 г.).

Поэт, по собственному выражению, «приговорил» себя к дороге. В его стихах действительно немало дорог: здесь и пыльный целинный проселок, и звенящие рельсы новой магистрали в пустыне, и бурунный след, оставленный океанским лайнером, и космические трассы. И есть еще признание в том, что главное назначение человека состоит «в преодолении дорог».

Олег Беликов — потомственный шахтер. Поработав в забое, где когда-то добывал уголь отец, он почувствовал: «И стала ближе мне вдвойне Земля, дарующая чудо прикосновения к глубине». Это умноженное чувство любви к земле ясно прочитывается и в стихах, посвященных родной природе, и в большом цикле «Разноликие континенты», составляющем значительную часть книги. Цикл этот мозаичен: нью-йоркские небоскребы, африканские базары, аргентинские обаньчи... И вдруг среди этого цикла возникает стихотворение «29 октября» — чистое и радостное признание в любви к комсомолу, чей день рождения автор встречает далеко от родной земли. И вместе с ней. Потому что

«Я с Родиной
связан был
нитью
незримой.
Напевную
русскую речь
в эфире повил я,
как голос
любимой.
И не было радостней встреч».

Стихи Олега Беликова в чем-то похожи на айсберг: мысли и чувства спрятаны в глубине. В этом и заложена величайшая сложность простого. Красивые порой лежат на поверхности, поэт же в глубинах души ищет слово обыкновенное, может быть, чем-то похожее на тот невзрачный кусок угля, сила и свет которого спрятаны внутри. «Солнечный камень», как говорится в одноименном стихотворении, «мечтает поделиться теплотой». Делится ею с нами и сам поэт, лауреат премии имени Николая Островского Олег Беликов.

Анатолий БАРАНОВ

ИСКУССТВО

Рассказывает
художник арены

Корней Чуковский пожаловался: «Ох, не легкая это работа — из болота тащить бегемота...» Но не легче, поверьте, и одевать бегемота.

Зачем же, спрашивается, понадобилось одевать бегемота? А вот послушайте. У знаменитого клоуна-дрессировщика Владимира Дурова был бегемот по имени Малыш, который занимал положение премьера зоологической труппы. Однажды в политическом обозрении, разыгрываемом четвероногими артистами, Малышу выпала роль планшатора, весьма подходящая к его «творческому облику». Художник придумал этому «образу» выразительный костюм — тропический шлем, кожаная портупея, огромный револьвер на боку. Однако избалованному успехом корифею наряд пришелся не по вкусу: он упрямо сбрасывал с себя экипировку. И долго пришлось ломать голову над тем, как закрепить ремни на скользкой коже капризной звезды арены...

Об этом и о многом другом вы можете прочитать на страницах книги «Художник в цирке», написанной А. Фальковским. Только пусть читатель не отпугнет немного сухое название. На самом деле содержание книги гораздо шире: она многослойна, речь в ней идет не только о проблемах сугубо профессиональных — оформлении цирковых номеров и спектаклей, но и обо всем искусстве веселых и смелых.

Александр Павлович Фальковский в течение многих лет был главным художником одного цирка, а всех сразу. Он знает арену изнутри, ведь ему пришлось пройти, по собственному его выражению, «цирковые университеты».

Художник тонкого вкуса, наблюдательный и зоркий, Александр Фальковский рассматривает «мир чудодеев и волшебников», по словам Куприна, глазами влюбленного и описывает его с теплотой и достоверностью. Автор приводит вас на репетицию цирковых артистов, с которыми его связывает многолетняя дружба, знакомит с удивительным трудом дрессировщиков и укротителей. Читатели узнают, как Олег Попов собственноручно изготавливает хитроумную бутафорию для своих выступлений, как фокусники-иллюзионисты делают свои чудеса, и о других вещах, малоизвестных или известных лишь узкому кругу людей, например, об устройстве японского цирка.

Фальковский создал небывалое, современное по своей стилистике и по материалам оформление известных аттракционов «Чудеса без чудес», «Человек-невидимка», ревию «Русские забавы», тематической программы «Конный цирк» и многое, многое другое. Знакомство с его книгой «Художник в цирке» — первым трудом на эту тему, появившимся у нас, вводит читателя в заповедный край цирковой арены и, смею думать, расширит их кругозор.

Рудольф СЛАВСКИЙ,
режиссер

НОВАЯ ОБОЗРЕНИЕ

ВСЕ ЛИ ЗОЛОТО, ЧТО БЛЕСТИТ?

Неподалеку от Багдада археологи нашли еще в 1936 году керамический сосуд высотой 28 сантиметров, в котором находились несколько меньших медных цилиндров, а в том, в свою очередь, — изолированный асфальтовой пробкой железный прут. Похожий сосуд, но без металлических частей был позже найден при раскопках у села Селеуде на Тигре. И еще одна находка в том же районе: три больших жбана, один из которых вмещал десять медных цилиндров, второй — десять железных прутьев, а третий — такое же количество асфальтовых пробок. Возраст всех этих предметов — около двух тысяч лет.

Устройство найденного в целостности сосуда позволило археологам высказать гипотезу, что это могла быть гальваническая батарея, некогда применявшаяся древними золотых дел мастерами для золочения различных металлических предметов методом гальванотехники.

И вот совсем недавно с целью проверки этого предположения была выполнена точная копия сосуда, найденного под Багдадом. После наполнения сосуда такими известными в древности жидкостями, как вино и уксус, устройство становилось гальваническим элементом. Измерительные приборы показали, что в зависимости от примененного электролита элемент дает ток силой от 0,5 до 5 миллиампер и напряжением от 0,25 до 0,5 вольта. Соединение этого источника тока с гальванической ванной могло бы дать возможность в течение двух часов покрыть тонким слоем золота какую-нибудь фигурку.

Если все это происходило в действительности, то уже в античные времена позолоченные вещи могли выдаваться за золотые. Это, в свою очередь, наводит на мысль: являются ли золотыми все древние экспонаты, хранящиеся ныне в музеях?

«МЛОДЫ ТЕХНИК», ПОЛЬША

МАРАФОН ПОЛЯРНЫХ СОБАК

Идитарод, поселок в сердце Аляски, когда-то основанный золотоискателями, дал свое имя опасным и изнурительным соревнованиям — «Идитародским бегам», марафону собачьих упряжек. Трасса проходит чуть ли не через всю Аляску по неприступной местности, относящейся к самым пустынным и суровым на нашей планете. Стартовав в Анкоридже, на юго-востоке Аляски, гонка идет вдоль старой тропы золотоискателей по заснеженным горным перевалам, долиной реки Юкон, где дуют ураганные ветры, примерно на половине пути мигует Идитарод, затем поворачивает на север и вдоль замерзшего побережья Берингова моря устремляется к порту Ном — туда, где на финише возвышается пожелтевшая арка из полированного дерева. Всего нужно пройти 1800 километров.

В этом году на старте в Анкоридже выстроились 35 упряжек примерно с 700 собаками. «Водителей» собачьих упряжек — мащеров — к участию в этих исключительно трудных соревнованиях привлекают не только деньги, хотя двадцать участников, пришедших к финишу первыми, получают по две тысячи долларов, а победитель к тому же еще десять тысяч. Но какова цена бронзовой ремешной прижки с выгравированной на ней надписью: «Участник Идитародских соревнований»? «Мало на свете вещей, которые невозможно ни где и ни за какие деньги купить, — заявил один из гордых ее обладателей. — Эта прижка — одна из них»...

Требования, предъявляемые к выносливости и упорству как человека, так и его собак, необыкновенно высокие. Особенно велика опасность, если упряжка сбивается с трассы: в ледовой пустыне собаки и люди могут плутать до тех пор, пока не истратят все силы и не замерзнут. Такая трагедия едва не произошла и в этом году: собаки одного из мащеров, почуввав стадо бизоний, помчались за ними адогонку и бежали по следу пять часов, лишь по счастливой случайности возвратившись потом на трассу... Страшные внезапные потепления: если температура поднимается до нуля, соревнования прерываются, так как собаки могут пасть от перегрева.

Местные общества защиты животных призывают к запрету Идитародских соревнований: нагрузка для многих собак оказывается непосильной. Однако прекращение гонки было бы равнозначно смертному приговору примерно для тысячи полярных собак, выращиваемых исключительно для этих соревнований, — ведь для обычных поездок собачьи упряжки в этом крае уже почти не используются, их заменили аэросани и самолеты...

Победителем марафона стал — уже во второй раз! — опытный мащер Рик Свенсон. Упряжка, которой он правил, преодолела трассу соревнований за 15 дней 9 часов 37 минут. Участник, пришедший последним, отстал на 14 дней!

«ЦО ВАС ЗАЙМА»,
ЧЕХОСЛОВАКИЯ

ШКОЛА «ГОРИЛЛ»

В большом буквальном смысле севернее пляжа Олдслее, на полпути между Гамбургом и Любеком, находится замок Альт-Фрезенбург. С недавних пор здесь появились странные обитатели. В замке обособилась частная «школа экономической защиты» дроссальдорфской фирмы «Дойче Шутц-унд Вахдинст ГМБХ». Эта школа готовит «экспертов по безопасности» — в основном для военной промышленности.

Курсанты в спецшколе набираются в основном из бывших унтер-офицеров бундсвера, а также из бывших служащих пограничной охраны. За год обучения они становятся «экспертами по безопасности», а проще говоря, «гориллами», телохранителями и охранниками военных и промышленных боссов и других мультимиллионеров ФРГ.

Гешефт по подготовке «горилл» поставлен весьма солидно. Руководит им бывший бундсверовский генерал Пауль-Альберт Шерер, которого фирма «Дойче Шутц-унд Вахдинст ГМБХ» взяла на службу после его вынужденной отставки с поста руководителя спецслужбы бундсвера — армейской контрразведки. Отставка последовала после разразившегося в Бонне в 1977 году скандала по поводу противозаконных методов работы Шерера, скандала, грозившего ему не только дисциплинарной, но и уголовной ответственностью.

Новых хозяев отставного генерала не

смущала его подмоченная репутация, куда важнее для них был его богатый опыт. И, надо полагать, экс-генерал Шерер неплохо делает свое дело, ибо каждый из натаканных им головорезов обходится работодателям не менее чем в 1500 западногерманских марок в день. Несмотря на цену, спрос растет. В ФРГ существуют уже более 400 так называемых «организаций безопасности и защиты», созданных монополиями. В них служат около 54000 охранников, что равно рядовому составу пяти натовских дивизий. Некоторые монополии все шире используют «горилл» и за рубежом для охраны своих иностранных филиалов. Это вызывает многочисленные протесты. Во многих странах Азии, Африки, Латинской Америки общественность не мирится с бесчинствами, которые творят подготовленные в ФРГ «эксперты по безопасности».

На снимке: «гориллы» готовятся к операциям.

«НБИ», ГДР

БЛИЗНЕЦЫ ОСТАЮТСЯ БЛИЗНЕЦАМИ

Профессор психологии Миннесотского университета Томас Бушар, просматривая утреннюю прессу, наткнулся на сенсационное известие о встрече в штате Огайо двух братьев-близнецов, которые не виделись двадцать девять лет. Для ученого, который занимается изучением влияния генетических факторов на формирование личности человека, это было настоящей находкой.

...Все началось с того, что в окружной суд города Лима в штате Огайо обратился работник заводской охраны Джеймс Льюис и попросил помочь ему найти брата-близнеца, с которым в силу обстоятельств был разлучен в возрасте нескольких недель. Оба брата были тогда усыновлены двумя не контактировавшими между собой семьями.

После продолжительных поисков удалось выяснить, что братом Джеймса Льюиса является Спрингер, заведующий архивом из города Дайтон, также носящий имя Джеймс (дети получили имена уже в новых семьях). Вскоре произошла встреча обоих братьев. Как сообщил позже журналистам Джеймс Льюис, у него вовсе не было впечатления, что он встречается с чужим человеком. «Когда мы встретились в первый раз, — сказал Льюис, — мы так быстро вошли в близкий контакт, что уже через несколько минут разговора я знал: только я начну развивать какую-нибудь мысль, как брат тут же продолжит и закончит ее».

Присутствовавший при первых встречах братьев профессор Бушар отмечает: «Оба они с точки зрения

генетики совершенно идентичны. Рост обоих — по шесть футов, вес — по сто восемьдесят фунтов. У них одна и та же походка, одна и та же жестикация. Как Льюис, так и Спрингер обладают одинаковыми способностями и интересами, в свободное время они увлекаются плетением ковров по собственным рисункам. По странному стечению обстоятельств каждый из братьев взял себе в жены женщину по имени Линда, но семейная жизнь обоих не удалась».

Профессор Бушар и его сотрудники, продолжая изучать редкий случай, используют при этом факты, полученные в тридцатые годы при наблюдении над двадцатью парами близнецов, которые воспитывались раздельно в разных условиях. Тогда было установлено, что в подавляющем большинстве случаев на физическое развитие доминирующее влияние оказывают генетические факторы, в то время как степень интеллектуального развития оставалась в непосредственной зависимости от влияния среды, в которой росли и воспитывались дети. «Этот факт представляет тем больший интерес, что научная литература в этой области не имеет данных о случае столь долгого периода раздельной жизни близнецов, — говорит профессор Бушар. — Поэтому мы продолжаем тщательное исследование всех обстоятельств жизни двух Джеймсов в период их длительной разлуки».

«ИЛЮСТРОВАННАЯ ПОЛИТИКА»,
ЮГОСЛАВИЯ

Кто рад «воскрешению» Атлантик-сити?

В начале столетия небольшой городок Атлантик-сити в штате Нью-Джерси был цветущим курортом — излюбленным местом отдыха так называемых «сливок общества». Здесь было множество отелей, построенных в только что вошедшем в моду стиле «модерн», а на берегу океана взоры гостей тешила деревянная прогулочная площадка длиной в десять километров с массой магазинчиков и увеселительных аттракционов. Одной из местных достопримечательностей был отель

«Люси», сооруженный в виде слона, голову которого украшала, как корона, смотровая площадка.

Однако конкуренция Флориды, которая в тридцатые годы стала туристским раем Соединенных Штатов, привела к тому, что Атлантик-сити начал хиреть и пустеть. Жители Атлантик-сити невольно шутили: «Пусть тот из нас, кто уйдет последним, не забудет погасить свет».

Но вот помощь подоспела, и причём неизвестно было — радоваться ей или скорбеть? Дело в том, что в Атлантик-сити были разрешены азартные игры, в других городах восточной части США запрещенные. Запрещенные потому, что пуританские традиции колонистов британского происхождения на восточном побережье чрезвычайно сильны и не позволяют устраивать даже самую

невинную потерю. Азартные же игры в карты или кости, не говоря уже о рулетке, неизменно почитались «срудиями дьявола», и скучающим богачам приходилось ездить за сильными ощущениями на запад, в Лас-Вегас, «столицу греха».

Легализация азартных игр, положившая начало возрождению Атлантик-сити, произошла в результате референдума: большая часть населения штата Нью-Джерси превращение хирующего города в восточный Лас-Вегас одобрила. Нравы нравами, а доллары долларами... Город охватила строительная лихорадка; не только американские, но и японские и даже кувейтские земельные спекулянты слетались сюда, как саранча, и начали скупать участки, часто с уже построенными там зданиями. Старые, почтенные отели и сувенир-

ные лавочки были незамедлительно снесены, а на их месте в срочном порядке возведены более доходные игорные дома, казино и парюнки.

Перед городом, торжествовали «отцы» Атлантик-сити, открылись радужные перспективы. Однако нет сомнения, что социальные проблемы безработных негров и пуэрториканцев решены не будут. Богатые станут богаче, а бедные — беднее. Естественным следствием спекуляции земельными участками является повышение квартирной платы, что отнюдь не улучшает условий жизни беднейших слоев населения. Совершенно ясно, что и без того высокая преступность еще более возрастет: новое средоточие казино и игорных залов привлекает повышенный интерес мафии.

ШТЕРН», ФРГ

РЕКОРД ЭКОНОМИЧНОСТИ

Энергетический кризис и связанное с ним постоянное повышение цен на бензин навели голландских студентов из Эйндховена на мысль собственноручно построить автомобиль, двигатель которого потребовал бы минимально возможное количество горючего. Естественно, машину облегчили до крайних пределов. Престраивание на вид устройство на велосипедных колесах может проспать, как показали испытания, на одном литре бензина 732,5 километра со сравнительно приличной скоростью — 15 километров в час.

«СВЕТ В ОБРАЗЕХ»,
ЧЕХОСЛОВАКИЯ

ЧТОБЫ НЕ ИСЧЕЗЛИ САДЫ НА ЯВЕ

Власти округа Серанг (Западная Ява) нашли любопытный способ увеличения площади садов и числа плодовых деревьев. Идано постановление, согласно которому каждая вступающая в брак пара обязана посадить два плодовых дерева. Те, кто желает развестись, должны посадить пять плодовых деревьев, а желающие жениться повторно — три дерева. Похоже, у округа Серанг есть реальные шансы приумножить свои сады и остаться, как и было прежде, основным производителем фруктов в Индонезии.

«РИДЕРС ДАЙДЖЕСТ»,
США

Еще один «Летучий голландец»

Сильное землетрясение, которое произошло вблизи небольшого голландского острова Аай, вызвало гигантские волны, обрушившиеся на побережье. Особенно пострадали рыбацкие поселки: стихия разметала хижины и утащи суденышки рыбаков. По законам предков все жители острова от мала до велика пришли на помощь пострадавшим. Одни собирали на берегу уцелевшие остатки рыболовных снастей, другие восстанавливали разрушенные жилища. Работа была в полном разгаре, когда одна женщина испуганно закричала, указывая в сторону моря. Все посмотрели в ту сторону и застыли от изумления: вдоль берега проплывало старинное судно с поломанными мачтами.

Так как местные жители верят еще в нечистую силу и морских драконов, реакция на появление пришельца из глубины веков нетрудно себе представить: люди разбежались, лица укрыты в джунглях. Неизвестно, чем бы все закончилось, не показись на горизонте катер береговой охраны. Офицер, узнав о случившемся, решил найти загадочное судно. В одной из лагун оно было обнаружено и доставлено к берегу.

Уже предварительный осмотр позволил установить тип судна и время его постройки: оказывается, корабль был спущен на воду еще в XVII веке. Но как он попал в эти места? Специалисты провели детальное обследование судна, изучили морские регистры, относящиеся к тому периоду. Результаты проведенной работы сводятся к следующему: корабль «Лармонт» исчезла при загадочных обстоятельствах в 1712 году. Предполагается, что судно потерпело бедствие во время сильного шторма неподалеку от острова Аай, натолкнувшись на рифы. Там оно пролежало под водой более двух с половиной веков, пока вышеупомянутое землетрясение не вытолкнуло каравеллу из подводного плена. Теперь она не будет бороздить океанские просторы, а станет музейным экспонатом — свидетельством незаурядного мастерства корабелов прошлого.

«МАГАЗИН», РУМЫНИЯ

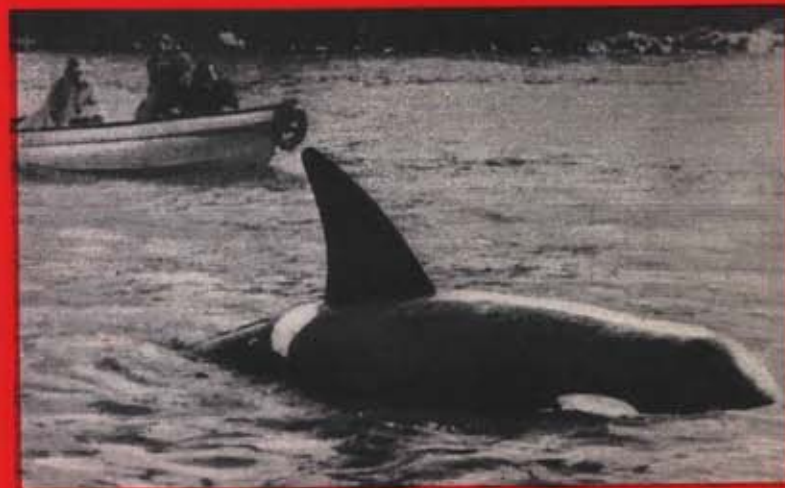
СОВРЕМЕННЫЕ ВАМПИРЫ

Бизнес на человеческой крови, доставляемой из Латинской Америки, стал давно уже обычным делом в Соединенных Штатах. Фирмы США действуют как настоящие вампиры. Они получают ежедневно у латиноамериканских доноров, преимущественно негров и индейцев, около 4000 литров крови. При этом за литр платят от двух до трех долларов, а в Штатах его продают за 100 долларов.

Ежегодно дельши из США и За-

падной Европы выкачивают из жителей Южной и Центральной Америки миллионы литров крови и плазмы, беззащитно наживаясь на этой бесчеловечной торговле. Цены на кровь за последнее время подскочили вдвое. Безработные доноры, часто лишенные иных средств существования, не получили дополнительно ни цента...

«ЮМАНИТЕ-ДИМАНШ»,
ФРАНЦИЯ

ПУГАЛО В МОРЕ

Стада дельфинов, собирающиеся в районах, богатых рыбой, зачастую сводят на нет все усилия японских рыбаков. Для борьбы с ними специалисты из Института рыболовства и рыбоводства в Токио создали необычное пугало — четырехметровую пластмассовую копию хищного вида китообразных — животного, являющегося традиционным врагом дельфинов. Пугало снабжено специальной аппаратурой, которая воспроизводит записанные на маг-

нитофонную ленту звуки, издаваемые хищником и отпугивающие дельфинов. Эксперименты с пластмассовым пугалом, обошедшимся более чем в 150 тысяч долларов, преследуют две цели: во-первых, оно должно защитить рыбаков от нежелательной конкуренции и, во-вторых, помочь охране дельфинов, которых японские рыбаки безжалостно истребляют.

«МАДЬЯР ИФЬЮШАГ»,
ВЕНГРИЯ

Обзор зарубежной печати.
Материалы печатаются в изложении.

Валерий ХРАПОВ

Из записок молодого учителя

ТРУДНАЯ

Неделю назад потребовали план работы с «трудными» подростками. Надвигается очередная проверка. Начинается новая кампания.

Да разве решишь проблему одной-двумя кампаниями? Кто они, эти «трудные»? Сейчас о них много говорят, и не только в школе.

Сколько встретил я их за свою короткую — пятилетнюю — деятельность в школе? Сотня вполне наберется. Хотя помнятся, конечно же, только наиболее яркие личности. В первый год работы в моем 8«Б», куда меня назначили классным руководителем, их было 22 из 36. В только что открывшуюся школу постарались сплавить из других то, «что нам негоже». Тогда-то мы и начали работу с ними. Документацию на каждого заводили. Но возможно ли вести документацию сразу на 22 человека? Ведь еще масса других обязанностей есть у начинающего учителя, к тому же классного руководителя! Завуч успокоила: предложила учитывать лишь тех, кто стоит на учете в инспекции по делам несовершеннолетних.

Но разве только они доставляют нам наибольшие волнения? Одни попались: взрывали гильзы на железной дороге, били стекла в будках телефонов-автоматов, вытряхивали из малышни гривенники. А сколько таких, кто еще не попался? И разве не «трудные» те, кто в восьмом классе забыл или вообще не знает таблицы умножения?! А те, кто поначалу срывал почти каждый мой урок невинной игрой на губной гармошке, изображая крокодила Гену, они не «трудные»? Да они же, хотелось крикнуть мне, вредители самые настоящие! Каждый день вредят и себе и другим.

Но сколько я ни метался, вызывая родителей в школу, вызывая к совести учеников, выставляя, выгоняя наиболее надоевших за дверь, ничто не помогало. Все шло своим путем. И наша школа сплывала в «большую жизнь» злополучный 8 «Б», как за год до этого его сплывали нам.

И все-таки кто же он такой — «трудный»? Ведь и само слово это имеет в русском языке два значения: тот, с кем трудно, тяжело, и тот, для воспитания кого необходимо приложить немало труда. Емкое, короче говоря, слово.

А сколько эмоций скрывают за этим словом! Часто кажется, что характеристика подростка 14—15 лет вся написана на его лице, порой очень открытом и доверчивом. Вследствие детской наивности такие ребята ничего не скрывают и, не желая замечать в себе ни белых, ни черных пятен, готовы раскрыться перед кем угодно. Но есть и другие. Достаточно взглянуть в глаза парня, и ясно: не подступись! А подступаться надо...

Мы говорим: солдатами не рождаются. Но ведь и «трудными» тоже не рождаются. Любимый здоровый ребенок доверчиво тянется к нам, взрослым. А мы? Мы стараемся ответить тем же, помочь еще во многом беспомощному существу. Но как же тогда становятся «трудными»? Откуда они берутся?

Вот об этом мне очень хотелось поговорить с одним из самых «трудных» в нашей школе — Юркой Ростановым, о котором слышана инспекция по делам несовершеннолетних нашего района и у которого только по одному предмету четверка в четверти — по моему...

Он ходил за мной по пятам три дня — то вместе с Жориком, то с Костином — после того, как я однажды как бы невзначай обронил, что хочу поговорить о его житье-бытье. Мне все не хватало времени посидеть и поговорить с ним как следует. К тому же я боялся: а вдруг разговора не получится? Но сегодня он с Костином прождал меня целых 45 минут (у них было пять уроков, а у меня шесть).

И вот после звонка мы расположились в химическом кабинете, где можно было свободно и без помех потолковать по душам. Мне хотелось узнать: когда же он, этот Юрка, стал «трудным», когда он сам осознал себя таковым? В лоб спросить боязно — не поймет. Я начал издали:

— Юра, а что ты помнишь из своего раннего, дошкольного детства? Расскажи первое, что вспомнишь.

(Мне всегда казалось, что именно те, первые события детства, врезавшиеся в юную память, накладывая неизгладимый отпечаток на наш характер.)

— Как из детского сада бегал... — начинает вспоминать Юрка. — Я четыре раза бегал... Однажды воспитательница на мороз выставила. Это она так наказывала тех, кто спать не хотел днем... Выставила меня на крыльцо в пальто и в «чешках» и говорит: «Стой здесь!» — а я закричал: «Пап! Пап!» (Отец у меня в

том же детсаду плотником подрабатывал.) Она пошла посмотреть, где отец, я и драпанул домой! Только «чешки» сверкали! Она — за мной. А дом у нас рядом. Я — в подъезд и прямо на третий этаж, к себе в комнату...

— Как же ты в квартиру попал? — проверяю я рассказчика.

— А мать дома была. Она открыла, и я тут же за дверь спрятался, кричу: «Ма, не открывай!» А воспитательница звонит часто-часто... А потом отец к ней ходил разбираться... Я уже не помню, чем дело кончилось.

— Мы с Гошей тоже бегали, — проявил солидарность Костик. — Воспиталки плохие были. Меня как-то в санаторий отправили, тут недалеко. Хороший санаторий: кормят ничего, гуляешь. А вот воспиталки плохие.

— Я бы вам еще рассказал, — вновь вступает Юрка. — Но не сейчас. Потом как-нибудь. А то этот развонит... — кивает головой на Костика.

Костик явно обижается:

— Я? Да много ты знаешь!

— Ладно, Юр, — вмешиваюсь я, — не хочешь — не рассказывай. Мы же договорились по-честному.

Юрка молчит. Но, может быть, и не стоит молчать, раз уж все по-честному?

— Я тоже в этом санатории был. Так мне однажды воспитательница... — Юрка замялся. — В общем, описался я, а она мне простыню на голову накрутила, как чалму, чтобы я этого не делал больше.

— И со мной то же самое было, — снова подключился Костик.

— Ну, вот вы и связаны одной тайной! — вынужден был улыбнуться я.

«Взрослый человек является для дошкольника постоянным притягательным центром, вокруг которого строится его жизнь. Это порождает у ребенка потребность участвовать в жизни взрослых, действовать по их образцу. При этом ему хочется воспроизводить не только отдельные действия взрослого человека, но подражать всем сложным формам его деятельности, поступкам, взаимоотношениям с другими людьми, всему образу жизни...» — прочитал я недавно в одной педагогической брошюре. Интересно, что бы сказали, прочитав эти строчки, те воспитательницы? И слышали ли они вообще что-нибудь о проблеме «трудных» подростков?

Чего они хотели? Думали ли они, что будет с Юркой, с Костином дальше: не в пять, а в пятнадцать-шестнадцать лет? Вряд ли. Им просто хотелось, чтобы у них в группе был полный порядок. Каждому хочется, чтобы в его работе был полный порядок. И начальству при обходе тоже понравится: все дети спят, простынки у всех чистые. (Хотя насчет чистых простынок я не уверен. Страх может затормозить реакцию ребенка только на время, а потом... потом на почве страха может развиваться хроническое заболевание.)

Я думаю, что воспитательницам просто хотелось добиться «правильного поведения» ребят побыстрее, но добивались они желаемого с позиции силы.

Как часто мы, взрослые, «не ведаем, что творим»... Ведь воздействие на ребенка с позиции силы не лечит, а уродует его душу. Об этом еще 50 лет назад предупреждал выдающийся педагог Януш Корчак: «...какими обычными, невинными кажутся нам наши шлепки, волочения ребенка за руку... Чувство слабости вызывает почтение к силе; каждый, уже не только взрослый, но и ребенок постарше, постыльнее может выразить в грубой форме неудовольствие, подкрепить требование силой, заставить слушаться, может безнаказанно обидеть».

Мы учим на собственном примере пренебрежительно относиться к тому, кто слабее. Плохая наука, мрачное предзнаменование».

Вот это «предзнаменование» уже в пять лет повисло над Юркой и Костином. Уже в пять-шесть лет начали они свой путь «трудных». Их совсем юные, неустойчивые личности, столкнувшись с миром недобрых взрослых; уже тогда начали относиться к этому миру с недоверием.

— Раз уж мы предались воспоминаниям, — продолжил я разговор, — вспомните, в школу вам хотелось идти?

— Еще бы! — хором ответили мои собеседники.

— Меня читать научили в подготовительной группе! — радостно сообщил Костик.

— Как?! До школы еще?! — удивился я, зная, что Еремин читает, может быть, чуть лучше чем по складам. — А я думал, ты этому только в школе научился...

— А я тоже! — не желал отставать от приятеля Юрка. — Сначала мать книжки читала, а потом я сам начал и считать тоже до школы научился.

Эти слова не были для меня неожиданностью. Ростанов много читает самых разных книг, но вот учиться... Это ему не по душе.

— А когда вам учиться надоело?

— Да в первом же классе. — Тема эта для восьмиклассника Ростанова была уже, видно, далеким воспоминанием. — Помню, написал все очень старательно, красиво. Ну, думаю, обязательно должен пятерку получить. А тетрадка чуть запачканная была — учительница и поставила четыре. Вот тогда я и решил больше не стараться. А потом пошло... Вот вы кому двойку скорее поставите: мне — двоечнику или какой-нибудь отличнице? Ее-то, даже если она не выучит урок, вы пожалеете, скажете: «Подучишь». — а Ростанову точно влепите пару. А мне после этого совсем делать ничего не хочется. А тут еще Вадька: «Смотрите — отличником захотел стать!» Ну и бросаешь все...

— А мне учиться в четвертом классе надоело, — вставил Костик.

— Почему?

— Не знаю, до третьего все нормально было, даже по математике четыре, а потом надоело...

Я не могу точно сказать, почему Еремину надоело учиться после третьего класса. Может быть, потому, что в четвертом классе вместо двух учителей стало сразу восемь? А может, потому, что отец начал пить беспорядно? Вообще пятнадцатилетняя жизнь Кости — хрестоматийный пример того, как подросток становится «трудным». Мать развелась с отцом, когда Еремину было два года, а сестре — десять. Но отец до сих пор живет с ними в двухкомнатной квартире. В одной комнате — Костик, мать, сестра с мужем и ребенком, в другой — отец-алкоголик, который часто устраивает скандалы до драк с вмешательством милиции. Какие уж тут уроки! Жизнь Костика типично трудная.

А Юркина? С отцом все в порядке. Ну, может, когда и даст подзатыльник («за дело»). Но Юрка пришел в школу не только подготовленным по математике, но и с ожиданием возможной обиды и насилия со стороны старших.

— Юра, — продолжаю расспрашивать, — а кто такой Вадька?

— Да вы его знаете — Однобоков. Он в прошлом году школу кончил. У нас с Вадькой все было... Про драку между Дядьково и Авиамоторной слышали? Это все с нас началось! Пришли эти, с Авиамоторной, на стройку, сидят на плитах, курят, ругаются — выставляются, в общем. Один что-то сказал. Вадик — к нему, а я сзади подсел. Ну и лихо же этот через меня с панелей летел! А потом... — Юркины глаза загораются, речь становится сбивчивой (есть что вспомнить!), — а потом наши и ихние в овраге встретились. Что было! Мы настоящие сражение устроили. Впереди пацаны — из рогаток гайками стреляют, за ними мы с кирпичами. Тем ребятам здорово досталось! Правда, и одному нашему кирпичом голову проломил... Ну, когда милиция и дружинники приехали, все бросились кто куда, а я, как обычно, в канализацию. Ребята за мной, а за ними милиционер. Я под люк залез, а ребята дальше побежали, и милиционер за ними. А я обратно... Это нас прохождение «заложил», а то бы мы этим, с Авиамоторной, показали!

— А может, они спасли вас? Дело-то чуть до убийства не дошло...

— Может быть, — соглашается Юрка.

— А сколько у тебя приводов в милицию было?

— Три, — спокойно, но не без гордости отвечает Ростанов.

— За что?

— Да ерунда! С Сережкой Львовым картошкой кидались с балкона. Ну, я одной старушке и засветил. Тут какой-то мужик прибежал, в дверь ломиться стал. Я, конечно, закрылся и не пускаю. А он в милицию позвонил...

О подобных своих проделках Юрка рассказывать может долго. Я знал, что они со Львовым однажды пустили «подбитые самолеты» (то есть поджигали бумажных голубей) и... подожгли какую-то рухлядь на балконе второго этажа. Пожар затушили. А Ростанов и Львов «заработали» еще по одному приводу.

Вот так шло становление Юркиной личности. Пусть уродливое, однобокое, но становление. Становление, при котором главным принципом стало: никому и ни в чем не уступать. Стоять на своем. На той самой позиции силы, к которой приучали его еще в детском саду.

ДОБРОТА

Однако так ли одинок Юрка? Да, он любит провести время лихо: картошкой с балкона покататься или яйцами, из духовушки пластилином пострелять тоже может... Но может и книжку почитать. Сколько он перечитал фантастики! Записан в трех библиотеках. Еще ему хочется разнообразной жизни. Романтики хочется. Он потому и записался во все секции, которые существовали в районе: и плаванием занимался, и настольным теннисом, и баскетболом, и дзюдо... Где-то задерживался года по полтора, где-то по два месяца, в одном виде спорта оказался бесперспективным, а из другого сам ушел... А что же школа?

— Слушайте, а что вам не нравится в школе? — Скучно, — отвечает первым Ростанов. — И учителя придираются. Да вот хоть трудовик наш — Владимир Иванович, ох, и вредный мужик. Гвоздик вот такуський в верстак забьешь — уж раскричится!.. А потом еще и на родительском собрании скажет, что ты десять гвоздей забил! Или станок... Забудешься, переключишь на скорости, так он такой крик поднимет! А сам станет работать и тоже на скорости переключает. Я ему сказал как-то об этом, а он: «Это я с тобой замучился — вот и забылся!» Ему, значит, можно забыть, а мне нельзя...

— Или французенка, — вставил свое слово Костик. — Ее у нас в классе никто не любит. Несправедливая... Вон Гоша один раз выпил, — тут Костик лжет: Гоша выпивал уже не один раз, — так она такого наплела родителям на собрании. Даже братьев Липкиных приплела, а они вообще не пьют. И ребята отличные. Скажете, нет?

Я согласен, что братья Липкины — отличные ребята. Это сейчас. А совсем недавно тоже ходили в разряде «трудных». Но однажды в овраге, недалеко от школы, я случайно увидел настоящее средневековое сражение, разыгранное по всем правилам военного искусства. На вооружении у игрушечных войск были и мечи, и копыя, и щиты, и даже латы! А на возвышении стояли арбитры и определяли, кто убит, а кто ранен. Эта игра почти ничем не отличалась от маневров. Потом я узнал от ребят, что «сражения» идут уже лет пять, а придумали их братья Липкины. Они сами изготовили из пластилина отряды бойцов: от русских воинов Петра I до красноармейцев, а еще наполеоновских драгун, итальянских гренадеров, немецких кирасир, маленькие пушки разных калибров. Многие мальчишки в Дядькове теперь серьезно увлеклись военной историей... А «трудные» Липкины с тройками в свидетельстве покинули школу после восьмого класса.

Но вернемся к монологу Костика.

— Французенка наша, что ни случись, обязательно все матери расскажет и ославит по всему Дядькову! Ее не только моя мать, а и Глотова, и Волкова, и все другие ненавидят. И на собрания к ней идти не хотят, потому что она про всех только одни гадости рассказывает.

— Зачем взрослые так делают?! — пытается с моей помощью решить мучительный для себя вопрос Юрка.

«А может, вы преувеличиваете?» — хотел в ответ спросить я. Но не спросил. Мне важнее узнать их субъективное восприятие нашего взрослого мира, на который они реагируют тоже субъективно.

Я знаю «трудника» и «французенку». Это опытные учителя со стажем лет по двадцать пять каждый. Мастерские Владимира Ивановича считаются образцовыми в нашем районе, и он ими заслуженно гордится. У Инны Павловны в классе постоянно 10—12 «хорошистов». Ее часто ставят в пример другим, и она старается. Да и «процент качества успеваемости» по французскому у нас в школе гораздо выше, чем по другим предметам. Наверняка оба педагога стремятся к тому, чтобы «все было хорошо».

И все же обиду ребят я не могу отмести с порога. Здесь есть крохотка истины. Не могу отмести, как не могу отмести «воспиталку» из детского сада.

— А зачем они родителей доводят?! — Юрка идет в атаку дальше. — Видят, что мать чуть не плачет, а все наговаривают и наговаривают! Мать домой придет — и сразу на диван плакать. А отец за ремень! И пошло-поехало...

Юрка живет во вполне благополучной и обеспеченной семье. Мать, проработав медсестрой в рентгенкабинете, ушла в сорок пять на пенсию. Старший брат с отцом, работающим еще и по совместительству, вполне обеспечивают семью. Их дом — полная чаша. И мне иногда хочется спросить: «Чего вам не хватает?!» Но догадываюсь, чего.

Я помню напряженные глаза матери, когда она,

вызванная в очередной раз в школу, подошла ко мне, вернее, ее подвел Юрка. Он ждал похвалы от меня и дождался. Он действительно стал гораздо лучше заниматься по моему предмету. Может, я стал меньше обращать внимания на его шутки и комментарии? А может, Юрка получил немножечко доброты и внимания? Не случайно же он подарил мне книжку — не к празднику, а просто так, подошел и подарил. Мне кажется, на доброту ему тоже захотелось ответить добротой.

— Слушайте, друзья, ну а хоть что-то вам нравится в школе? — надеясь на мажорное завершение нашего разговора, спрашиваю я.

— На уроках? — уточняет Костик.

— На уроках, и не только...

— У нас учительница математики была — Нина Васильевна, — помните? Так она на контрольной музыке включала. А больше ничего хорошего, — со вздохом говорит Костик.

— Так уж и ничего? — не унимаюсь я.

— Почему? — поддерживает мои устремления Юрка. — У Анны Владимировны интересно на уроке литературы: мы прочитанные книжки обсуждаем, спорим потом...

— Да, Анна Владимировна это умеет, — соглашаюсь я. — Но не на каждом уроке это возможно — программа ведь... Все надо пройти от А до Я, а если еще проболешь недели две, так вообще в цейтноте окажешься...

— Это верно, — соглашается Юрка.

— Ну, хорошо. А еще что-нибудь интересно вам в школе?

— Театр.

— Какой театр?

— А помните, Анна Владимировна с нами «Корчагина» ставила? Мы еще в жэке выступали...

— Во, точно. Театр — это здорово, — подтверждает Костик.

Я, конечно, тоже помню ту инсценировку. Но теперь я понимаю, что в ней, в этой инсценировке, тайлось нечто более важное, нежели просто игра «в театр».

У Анны Владимировны один сын — семиклассник, домашних забот не так уж и много, и она вдохновенно работает для Юрки, для Костика и для таких, как они, ребят. Она стала для них пусть небольшой, но опорой в мире взрослых.

Мажорный аккорд, которого я ждал, все же прозвучал.

Мы еще долго говорили. Я спросил их о будущем. Оказалось, они мечтают, и даже серьезно. Ростанов хочет стать водителем-испытателем или работать шофером в «Совавтотрансе». Костик — электриком в поезде дальнего следования. «Мир посмотреть хочется!» — признался он.

Вот тогда-то и я не обошелся без нравоучений. Спросил прямо: что они вынесут из школы? Ведь уроки они перестали готовить еще три года назад, знаний систематических ни по физике, ни по математике у них нет... Но Костик, вздохнув, сказал: «И все-таки... В детском саду в школу, хотелось, а в школе из школы хочется...»

Но сегодня им из школы не хотелось. И мы продолжили наш разговор, только теперь они чаще спрашивали меня — о международном положении, о неопознанных летающих объектах, о моих прогнозах к матчу на первенство мира по шахматам... Нет, их многое интересует и волнует...

В окна школы смотрели ранние зимние сумерки. Пора было расходиться.

— А у вас свободный день есть? — неожиданно спросил Костик.

— Сейчас нет, а раньше был... — сказал я, не понимая внутреннего смысла вопроса.

— Жаль, — вздохнул Костик, переглянувшись с Юркой.

— Мы вас в кино пригласить хотели, — пояснил Юрка.

— Ну, в кино мы с вами обязательно сходим, выберем время...

Вечером я, как всегда, спешил домой. Пробовал читать в переполненном автобусе. Но из головы не выходили Юрка и Костик и люди, которые оставили след в их тринадцатилетней жизни: «воспиталки» и Владимир Иванович с Инной Павловной, Анна Владимировна с ее театром. Сколько нас, званых и незваных воспитателей, прошло через формирующуюся предстательство ребят о мире, и каждый из нас внес свой негативный или позитивный вклад в становление их характеров, мышления, взглядов на жизнь. Только одного, по моему, не хватало всегда этим ребятам от нас, взрослых, — доброты.

Доброта не прихоть. Она не может быть доведением к душевному воспитанию. Нет и не может быть доброты на пять минут, доброты похода, доброты без перспективы.

Мы, взрослые, очень часто торопимся, спешим. Нам, вольным и невольным педагогам, с дипломом и без него, хочется видеть результаты своих воспитательских усилий, причем видеть немедленно. Мы даже пытаемся оценить их в цифрах «охваченных», в процентах качества и успеваемости. Именно вот такая наша куцая педагогика, куцая доброта оборачивается зачастую против нас самих — Юркам и Костикам хочется просто бежать от нас.

Что-то, конечно, можно объяснить, что-то можно понять. Да, мы устаем, мы перегружены, ведь мы, педагоги, тоже люди — не боги... Вспоминается лекция в учительской аудитории. Лектор рассказывал о блестящем эксперименте, проведенном в одной из школ Ленинграда. В нее собрали со всего района одних «трудных». Успеваемость в конце первой четверти была около двадцати процентов, а к концу года — 86! «Правда, в классах там было, — лектор выдержал паузу, — по двенадцать человек». По залу прокатился гул. В нем было все: и радость, и удивление, и насмешки: «Так мы все можем». Лектор вновь выдержал паузу. А затем стал говорить о необходимости выделения дополнительных средств на строительство школ. Но его уже никто не слушал. Только когда лектор вновь начал говорить о цифровых показателях, зал снова возгудел: «Откуда добыть такие цифры? И вообще возможно ли измерять успехи педагогов цифрами?»

Потом, в кулуарах, учителя говорили об индивидуальной работе со школьниками, и все единодушно сошлись на том, что девиз «дойти до каждого» — один из главных девизов сегодняшней школы. Были, правда, и недоумения: как «дойти до каждого», если в классе 35—40 учеников, а педагог, как показывают исследования, способен удержать в поле своего зрения и внимания не более 17?! Как «дойти до каждого», если за неделю мимо тебя проходит 200—350 юных душ, самостоятельных миров?! Вспомнили при этом, что, по подсчетам новосибирских ученых, школьный учитель в течение учебного года выполняет 258 видов работ (можно ли хотя бы запомнить все?!).

Тогда я был на стороне зала. Да и сейчас поддерживаю его. И добавлю, что задача школьной педагогики в том, чтобы развивать у ребят способности к самовоспитанию. То есть делать все, чтобы быстрее прорастали те зерна, которые мы, взрослые, начиная с родителей, давным-давно посеяли в них. Только вот после разговора с Юркой и Костиком мне все чаще и чаще стали вспоминаться врезавшиеся в память еще в школе слова Л. Н. Толстого о том, что лучше не делать ничего, чем делать плохо, делать во зло.

Мы, учителя (да и не только учителя), замотаны, задерганы, устали. Мы все время спешим. А ведь педагогика — та область, где эффективность и качество не определяются скоростью обработки «детали». «Испорченная заготовка» — подросток — такой и шагает в большую жизнь и уже сама формирует новые «заготовки».

Спеша побыстрее увидеть плоды своей педагогической деятельности, мы забываем, что растить-то мы призваны друзей своих, а не врагов. «Борьба, война способны разрушить, но созидать можно лишь в мире» — прописная истина. Подтверждаем ли мы эту истину делами своими?

Вспоминаются слова Василия Александровича Сухомлинского: «Путь к сердцу ребенка пролегает не через чистую, ровную тропинку, на которой заботливая рука педагога только то и делает, что искореняет сорняки-пороки, а через тучное поле, на котором развиваются ростки моральных достоинств... Пороки искореняются сами и по себе, уходят незаметно для ребенка, и уничтожение их не сопровождается никакими болезненными явлениями, если их вытесняет бурная поросль достоинств».

Что же это такое — «тучное поле»? И как готовим мы его к жатве?

Наверное, это такая обстановка в семье, в школе, на производстве, где наши Юрки могут разносторонне проявить себя, поверить в свои силы. Наши уроки и наши кружки, секции и мастерские, ребята же самоуправление нужны как раз для того, чтобы этот огонек всемогущества зажегся в подрастающем человеке и никогда не угасал.

И особенно в том, в воспитании которого есть пока существенный пробел, у которого с такими трудностями происходит становление личности.

ЧЕРНАЯ КОЖАНКА

ПОВЕСТЬ

Инизеро КРЕМАСКИ

20

Перевод с итальянского
Екатерины БОЧАРНИКОВОЙ

Следующая операция сыскной полиции: притон Франко Питталуги в шикарном небоскребе деловой части города был окружен патрулем под командованием лейтенанта Патта, затем агенты полиции проникли внутрь. Газета описывает события очень сдержанно. Читаю статью вслух, слушают Андже́ла и Стефано:

— «Азартные игры процветают. После вторжения полиции в игорные дома на окраине Милана теперь раскрываются притоны и в центре города. Вчера вечером четырнадцать человек были задержаны в квартире на корсо Эуропа, где они предавались азартным играм. Время было еще не позднее, можно сказать — даже раннее, 19 часов 30 минут, когда лейтенант Патта со своими людьми проник в квартиру».

— Что я тебе говорил? — прерывает меня Стефано.

— «Преодолев в холле сопротивление гоприлла, пытавшегося дать сигнал тревоги, агенты охраны порядка ворвались в помещение, где шла игра в «трант-э-карант»¹. Вскоре на место прибыли чиновники, полицейские, которые и отвезли задержанных в полицию. Владелец помещения — Инноченце Орио, содержателем тайного игорного притона фигурирует Франческо Питталуга, шестидесяти лет, родственник Орио. Задержан и крупье по имени Бенедетто Ди Козимо, двадцати двух лет».

— Кто он такой, этот Ди Козимо? — спрашивает Стефано. — Я его не знаю.

— Не мешай, дай дочитать, — обрываю его. — «Всем задержанным будет предъявлено обвинение в недозволенных азартных играх, а владельцу квартиры в пособничестве. Изъято семь миллионов деньгами и девять с половиной миллионов фишек. Полиция передаст список игроков налоговой инспекции».

— Осталось еще два игорных зала, — информирует нас Стефано. — Речь идет, конечно, о крупных, а мелких великое множество, ими и заниматься не стоит.

Стефано смеется, спрашивает, сколько денег забрали в квартире Орио.

— Семь и девять с половиной фишками — почти семнадцать миллионов.

— И один из них мой, черт возьми. Вернее сказать, наш, мой и моих помощников.

— А с заведением Питталуги что теперь будет?

Стефано спрашивает, не считаю ли я его провидцем. Прошу его хоть один раз ответить на мой вопрос, я уверен, что ему все известно. Охотно отвечает, что и заведение Питталуги будет заглочено Паоло Риккой.

Я даже подсакиваю на стуле. Стефано кладет мне руку на плечо:

— Не будь таким наивным, Камилло. Добряк Себастьяно — приспешник Рикки, только и всего. И работает на него сдельно.

— Как покойный Джулиано на тебя, лишь в более крупном масштабе?

— Более или менее.

— Как же ты можешь спокойно купаться и загорать, когда такое творится?

Напрасный вопрос, все и так ясно: правосудие удовлетворено колоссальным штрафом. Деньги всем затыкают рот. Стефано читает мои мысли:

— Ты ошибаешься, Камилло. С самого начала ты пошел по неправильному пути. Насколько мне известно, Андже́ла предупреждала тебя.

Возлюбленная Джулиано, перешедшая к Стефану, кивает головой, убежденная, что предупреждала меня, хотя я и отрицаю, не помню, не понял как следует, не умею читать таинственные письма, не тешу себя иллюзиями, что смогу расшифровать бледность Андже́лы, ее страхи и вероломство.

— Камилло, — говорит она, наливая мне еще в бокал пиво, словно нежная мать молоко ребенку, — я объясняла тебе, что азартные игры лишь подсобные предприятия и что с этим скоро будет покончено. Это так и есть — игорные дома кончают свое существование.

— Быть, чтобы стать, — замечаю я, в наступившем молчании мне грустно, но Стефано улавливает иронию.

— Нечто подобное. Для Рикки и остальных игорных дома всего лишь нечто вроде быстрой добычи денег на мелкие расходы, целенаправленный грабеж для повседневных надобностей. Они решили в течение года создать капиталец, с помощью которого можно распустить паруса и плыть дальше. Скажем так: игорные дома лишь поставляют первоначальные средства для гораздо более смелых и далеко идущих начинаний.

— Каких именно?

— Кому что надо: промышленность, коммерция, порнографические издания, наркотики в международном масштабе или всего лишь приобретение еще одной более роскошной виллы.

— И ты этим занимаешься?

— Я потерял на этом деле все, что у меня было. Признаюсь тебе, что и я надеялся собрать кой-какую мелочишку, скажем, миллионов пятьдесят. Надежда эта появилась, когда я уже увяз по шее, почти не желая этого.

Поперхнувшись вином, кашляю, затем спрашиваю:

— А к чему было начинать, если ты сначала не думал о больших заработках?

Отвечает, что может показать смешным. Напоминаю ему, что после всех моих промахов ему нечего бояться, самое большее — мы сравняем счет, и никто ни над кем не станет смеяться. Да и к чему? Ведь это мужской разговор. Стефано хлопает меня по колену, я ему симпатичен, мне он тоже нравится — этакий художочный гангстер.

— Расскажи мне.

— Я вошел в карусель в качестве, скажем так, защитника.

— Ты это серьезно?

— Вполне. До смерти Сабини игорные дома могли рассчитывать на меня и на моих людей. Я усовершенствовал систему радиопередач на близкое расстояние, благодаря чему игроки и крупье имели возможность вовремя скрыться или спрятать все компрометирующее, сидеть и попивать грашу, словно старые боевые товарищи.

— А после смерти Сабини?

— Я хотел порвать с ними. Это было нелегко. С каждым днем риск шантажа увеличивался.

— А ты, в свою очередь, шантажировал Джулиано.

— Неправда.

— Я узнал об этом от его матери.

— Одни и те же люди могли шантажировать меня и его. Мы были с ним в одном деле, и тебе это хорошо известно.

— И в конечном счете?

Стефано показывает Андже́ле на море, надвигающееся в солнечном блеске на пляж — начался прилив.

— Тебе покажется очень смешной причина, толкнувшая меня в их компанию, — я влюбился.

Я не смеюсь, но хочу знать имя женщины, из-за которой он втянулся в запретную игру, мне это кажется романтическим.

— Я знал, что ты сразу уловишь мелодраматический момент, — отвечает Стефано, нахмурившись, — но это уже не имеет значения, смейся, сколько хочешь. Знаю, что ты не любитель сентиментальных романов. Но ты удивишься, что это не повесть для молодых девушек, когда узнаешь, в кого я был влюблен и что потом с ней случилось.

— Сабина?

Да, Сабина. Порочный круг снова привел ее на авансцену. Забываю о ней, но она опять и опять появляется в главной роли. Жаль, что я не знал ее.

Живая, она была, очевидно, фурией. Именно такой она предстает в рассказах всех, кто о ней мне говорил.

— Пора ужинать, — прерывает мои размышления Андже́ла. — Если Стефано не возражает, приглашаю тебя к нашему столу.

Принимаю приглашение, но ем машинально, не чувствуя вкуса жаркого, словно это не мясо, а папье-маше, проливаю вино мимо стакана на скатерть, путаю ножи и вилки, разложенные в идеальном порядке около тарелок. Исповедуюсь и прошу у них прощения.

— Теперь ешь! — говорит Стефано.

— Я преследовал убийцу по ложному следу. Надо было искать истину там, в кабаре, в дозволенной деятельности ночного заведения, протекающей на глазах у всех.

Казалось бы, что с крахом игорных притонов работа моя близится к концу, а она еще и не начиналась. Андже́ла советует мне вернуться в Милан, Стефано с ней полностью согласен.

— Но почему?

— Брось все это.

После ужина звоню в Милан, спрашиваю Миччике. Сонный голос информирует меня, что он выехал, спрашивает, что ему передать. Продолжаю настаивать, и наконец меня с ним соединяют.

— Вы узнали что-нибудь о машине ядовитозеленого цвета, доктор?

— Ее нашли часа два тому назад в разбитом виде у стены монастыря.

— Кому она принадлежит?

— Себастьяно Босси. О тех, кто был в машине и кто стрелял в витрину «Белого гусара», ничего не известно.

— Босси все еще в полиции?

— Переведен в следственную тюрьму. Обвинение в двойном убийстве, преднамеренном и при отягчающих вину обстоятельствах. При допросах он путался, противоречил сам себе, не смог доказать, что вечером, когда были совершены преступления, он рано лег спать. Свидетели, на которых он ссылался, не подтвердили его показаний, отрицают, что видели его.

— Мне стало известно, что Босси нечто вроде адъютанта Паоло Рикки. Может быть, стоит проверить алиби инженера?

— Уже проверили. Его алиби каменное, не может быть и тени сомнения, что он находился в течение месяца во Франции. Это подтверждено функционером французской полиции, у которого гостил Рикка.

— А в качестве вдохновителя преступления его нельзя обвинить?

— На каком основании? Рикка — делец, коммерсант, а если он и посещает ночные заведения, то это не может быть причиной, чтоб задержать его.

— Насколько я знаю, у Рикки тоже имеются кабаре.

— Все проверено и установлено. Но эти кабаре — его частная собственность, у нас это не является преступлением.

— А если Босси действовал от имени Паоло Рикки?

Мне кажется, что я вижу его, как он качает маленькой лысой головой, двигает губами, растягивающимися в лукавой улыбке, отрицая мои версии.

Прощаюсь с ним, в холле наталкиваюсь на Стефано, элегантно, в голубой «водолазке» и белых брюках. На Андже́ле вечерняя мини-юбка, прическа «подхваченное ветром облако», она проходит танцующим шагом под ярким светом, словно под рефлекторами на сцене.

— Мы собираемся заглянуть в самый шикарный дансинг Градо. Пойдешь с нами?

Стефано вешает ключ на доску. Глаза Андже́лы сверкают из-под удлинённых ресниц, и я снова вижу в них страх.

21

Прогуливаемся по аллее среди молодежи в ярких рубашках и блузках, останавливаемся у витрин, Андже́ла посередине. Стефано предлагает зайти в художественную галерею, взглянуть на выставленные картины, потом пойти потанцевать, послушать, как играет ансамбль «Шумный бэби», который должен был выступить через месяц в «Белом гусаре».

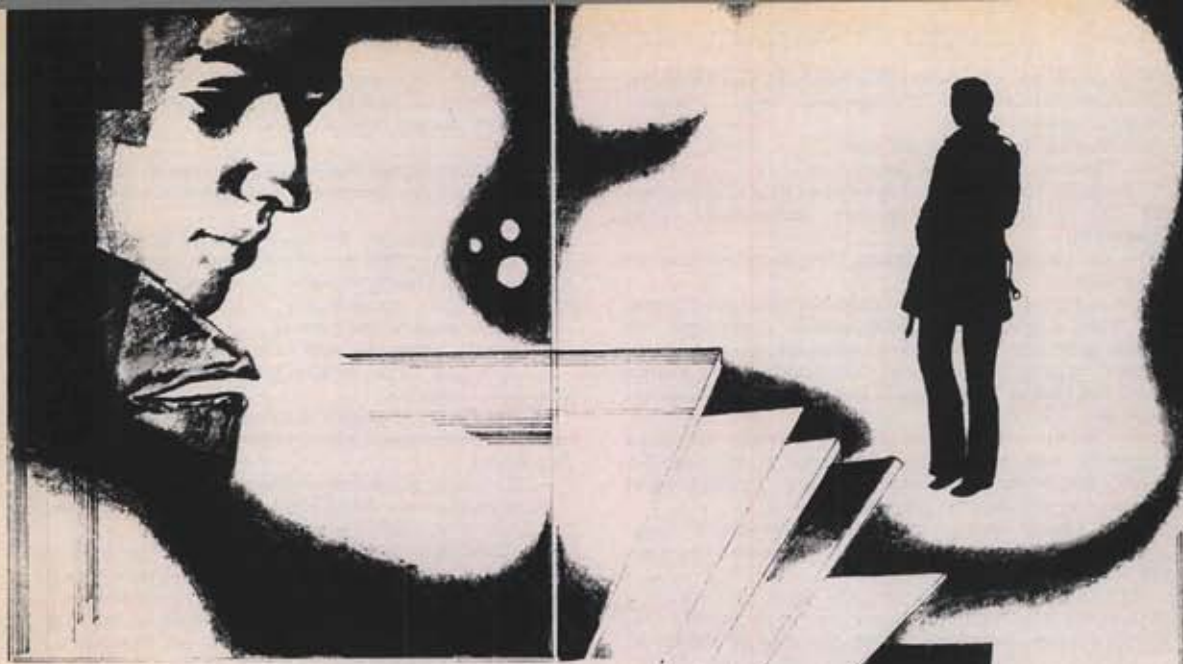
Неохотно вхожу в лабиринт ярких красок — выставлены картины пяти художников, одна из картин меня заинтересовала, спрашиваю мнение Стефано, манера письма ему нравится, но можно было бы ожидать чего-то лучшего, пейзаж вспаханных полей слишком обычен, традиционен.

— А если кто-то пишет в необычной манере, может умереть с голоду.

Мы в галерее единственные посетители, потом

Окончание. Начало в №№ 18—21.

¹ Тридцать и сорок (франц.).

входят иностранные туристы, шесть человек, а вместе с ними парень в черной фуфайке, останавливается у входа, рассматривает скульптуру, бросает взгляд вокруг и направляется, куда указывает стрелка с надписью «Туалет».

Анджела извиняется, покидает нас, идет туда же. Стефано с увлечением рассказывает мне о художниках-авангардистах. Мне не удается дослушать его до конца: за стеной кричит Анджела, в ее воплях ярость и страх, мужской голос что-то приказывает ей, слышны шаги и звон бьющегося стекла.

Бросаемся туда, Анджела, растерзанная, лежит на полу, вокруг нее все содержимое «косметички», некоторые флаконы разбиты. Владелец галереи помогает ей подняться, черная тень, выделяясь на белой стене, скользит к выходу.

— Кто это?

Анджела не отвечает, предоставляю ее заботам Стефано и бросаюсь за знакомцем, быстро удаляющимся по платановой аллее. Он сворачивает за угол и исчезает. Устремляюсь вперед, как в беге на сто метров, только не по долгу службы, не по приказу начальства — это мое личное, частное дело. В одно мгновение настигаю его, благодарю в душе того, кто выдумал соломённые подметки для летней обуви, — беглец обнаруживает, что его преследуют, когда я уже рядом, бросается к машине марки «бентли», ядовито-зеленого цвета, секунду колеблется, что ему делать — открыть дверцу машины или бежать дальше, мне этого достаточно, чтоб схватить его со спины рукою за шею, а он орет благим матом, что какой-то сумасшедший хочет его убить.

Нас окружает толпа официантов, рыбаков и туристов. Он пытается ударить меня ногой, я уклоняюсь и, не отпуская его, выпимаю служебное удостоверение. В толпе, как всегда, случается желанный сравнить фотографию на удостоверении со мной, отдаю ему удостоверение, теперь руки у меня свободны, я вынуждаю его встать на колени.

Толпа перестает волноваться, я прошу, чтобы кто-нибудь позвал полицейских, карабинеров, но ради бога поскорее.

Внезапно засовываю руку под фуфайку знакомого, он не ожидал этого, пытается ударить меня кулаком в лицо, отклоняюсь, и удар приходится по горлу. Слабею от боли, но удерживаю крик, и мы оба падаем на землю. Два рыбака разъединяют нас. Благодаря им, так как получаю свободу действий.

— Что тебе от меня надо? — задыхаясь, спрашивает незнакомец.

— Документы.

— Катись к черту. И меня отпусти. Я тебя не знаю, никогда не видел.

Рыбак сообщает мне, что казарма карабинеров совсем рядом. Иду туда и тащу за собой парня, который пытается привести в порядок порванную рубашку. На полпути встречаем фельдфебеля карабинеров, не задавая вопросов, он уводит нас в казарму.

Сажусь на скамейку, облегченно вздыхаю. Прошу фельдфебеля обыскать пойманного, объясняю, что он прячет что-то важное, связанное с убийствами, совершенными несколько дней назад в Милане.

— Я уверен, что вы об этом знаете, — говорю ему.

— Слышал и читал. Но прежде всего прошу вас обоим предъявить документы.

Фельдфебель с отвращением рассматривает мое удостоверение, и я вынужден извиниться.

— Оно мокрое, уронил сегодня в море, с каждым может случиться.

Фельдфебель соглашается, что такое может случиться с любым, возвращает удостоверение и берет

Рисунок Вениамина КОСТИЦИНА

паспорт у незнакомца, читает вслух фамилию и имя, спрашивает, знаю ли я его.

— Данте Ферретти? — повторяю я. — Никогда раньше не видел. Меня интересует то, что он прячет под рубашкой. Я определил, что там у него бумага и он отнял ее у одной девушки.

— Когда?

— Пять минут тому назад.

— Личный обыск? — Фельдфебель чешет седые волосы. — Дело не простое. Не имею права обыскивать, если нет на то разрешения.

— Это сделаю я под свою ответственность.

Данте Ферретти захвачен врасплох. Хватаю его за ворот, ссыплются пуговицы, толкаю его на угол письменного стола, он разевает рот, но не кричит, а хватается за поясницу. Из-под разорванной рубашки выскальзывают три конверта. Быстро нагибаюсь, хватаю их, поднимаюсь, отпрыгивая в сторону, Ферретти не успевает перехватить мою руку. Конверты светло-желтого цвета топорчатся от множества бумаг.

— Послушай, мальчик, — говорит мне фельдфебель, — надеюсь, ты знаешь, что делаешь?

— Знаю.

Два карабинера держат Ферретти за локти, мне известен этот прием, которым руки выворачиваются назад, как крылышки цыпленка. Надрываю край конвертов, высыпаю их содержимое на стол. Ферретти снова пытается помешать мне, но ему это не удается. Быстро просматриваю бумаги, штампы на бланках и фирмы. Передо мной официальные документы на гербовой бумаге за печатями и подписями, договоры о коммерческих сделках, судебные постановления о привилегированных и непривилегированных кредиторах, письма, водительские права. И везде фигурирует одно и то же имя.

Разглядываю нотариальные акты о приобретении ночных заведений: тридцать тысяч швейцарских франков за кабаре в Женеве, полмиллиона лир за два заведения в Лигурии.

— Пустяки, — говорю я. — Вот как богатеют некоторые, достаточно покупать у тех, кто на краю банкротства.

— Что это?

— Четыре миллиона за ночное заведение, которое стоит сорок миллионов. За эти бумаги заплачено кровью, они принадлежат человеку, который должен ответить за два убийства, совершенных им самим или через наемников.

— Кто, Данте Ферретти?

— Простите, фельдфебель, разве я вам не показал имя? — Кладу перед ним несколько документов, указываю на подпись. — Ферретти — наемник, маленькая горилла, которому поручено выкрасть эти документы.

— А ты заплатишься за это, негодяй! Ох, как заплатишься! — осыпает меня ругательствами Ферретти.

— Кстати сказать, откуда тебе стало известно, что документы находятся в «косметичке» у Анджелы?

— Так я тебе и скажу!

— Смотрите, — обращаюсь я снова к фельдфебелю, — имя — Паоло Рикка. Вы никогда не встречали это имя в газетах?

— Что-то не помню.

— Скоро вы о нем прочитаете.

У фельдфебеля нет достаточных оснований задерживать Данте Ферретти. Советую ему не терять времени на доклад начальству, а передать Ферретти в полицейский участок, если он есть в Градо. Говорит, что есть. Очень хорошо.

Операция доведена до конца, документы переданы полиции, нашел я и машину марки «бентли», которая почему-то была отпущена уголовной полицией, об этом стоит подумать, но сейчас я не могу терять времени на решение таких проблем.

— Фельдфебель, я простой агент уголовной полиции. Здесь я в отпуске. Мои обязанности на этом кончаются.

— Ты и в отпуске не теряешь времени, молодец.

Он хлопает меня по плечу, чувствую боль — падая, я, должно быть, ударился ключицей. Рука его тяжела, но хлопок дружеский, меня охватывает чувство глубокого удовлетворения. Капрал записывает в протокол данные о Ферретти, жму ему руку, потом прощаюсь с фельдфебелем, бросаю взгляд на наемника Рикки, уныло сидящего на скамейке.

Улица пустынна, мостовая отражает свет фонарей, а я иду в противоположном от Градо направлении. Услышав треск цикады в камышах, останавливаюсь, смотрю на луну и на ее отражение в море. Какая-то упущенная деталь мещает мне сосредоточиться, но остановиться меня заставляет не вид лагуны: мысленно вижу в документах имя, которого там быть не должно. Но ведь в суматохе и волнении я мог ошибиться.

Поворачиваю назад, бегом возвращаюсь в казарму карабинеров. Фельдфебель соглашается дать мне просмотреть документы еще раз. Сажусь и раскладываю их перед собой в хронологическом порядке. Оказывается, ночные заведения были куплены посторонним человеком и через несколько дней перепроданы Паоло Рикке за ту же цену.

Фельдфебель вместе со мной проверяет даты и цифры.

— Какие-то странные коммерческие сделки, — говорит он. — Какой безумец станет продавать, не заработав на этом ни копейки?

— Кто-то, получающий плату за услуги, ведь это вполне очевидно.

— Подставное лицо?

И вот я снова иду по дороге к гостинице. На улочках Градо пахнет мороженым, на встречу мне попадаются редкие полуночники и парочки. Среди них не вижу Анджелы со Стефано.

Возвращаюсь к «бентли», записываю номер, может пригодиться. Внутри машины все в порядке, да и снаружи не видно следов недавних повреждений.

22

— Хочешь, я тебе все объясню?

Я не могу сохранять с ней суровый вид. Задеваю ее локтем и тут же отодвигаюсь. Мы сидим с ней за столиком в ожидании завтрака. Анджела сама придвигается ко мне поближе.

— У нас есть десять минут времени, пока Стефано бредет. Предпочитаю говорить без него, ему об этом неизвестно.

Я не верю ей, но могу притвориться. Мне не хочется неосторожным словом нарушить атмосферу перемирья. Анджела бледна, около рта небольшая припухлость, след удара кулаком, полученного от Ферретти, и говорит она каким-то загробным голосом.

— Меня могли убить. Я была осторожна, не отходила ни на шаг от Стефано. Вот уже несколько

дней за мной следили, ждали подходящего момента.

— Для чего?

— Чтоб отнять у меня документы. Я тебе объясню, но надо вернуться к Сабине.

— Вернемся к Сабине. Тебе известно, кто ее убил?

— Нет. Кто угодно, кроме Стефано и супругов Виери.

— Снова начинается карусель из «нет» и «не знаю». Говори же, черт возьми!

— Сабина первая поняла, чем занимается Паоло Рикка, и решила его шантажировать. Она вымогала у него деньги, увеличивая суммы, некоторое время ей это удавалось. Она знала все: о растратах, коррупции, мошенничестве, а под конец и об игорных домах. Вообще же об азартных играх знали все мы, все были в них замешаны. Сабина располагала свободой действий, не участвовала ни в чем противозаконном. Поэтому она и могла терроризировать любого обладателя капиталов и имущества. У Паоло она вымогала небольшие суммы, в течение года он ей передал около десяти миллионов.

— Хорошенькая сумма!

— Но Сабине было этого мало. Может быть, я тебе уже говорила, что она была любовницей Паоло... Продолжалось это недолго, они расстались без ссор и упреков, друзьями. Так казалось.

— Почему они расстались?

— Это не имеет значения. Важно другое: Сабина некоторое время была хозяйкой в доме у Паоло, ей удалось подобрать ключи ко всем ящикам и сейфам и завладеть частью документов.

— Чтобы получить за них огромную сумму.

— Она потребовала сто миллионов. Сумма действительно огромная, но Сабина лавировала, согласилась бы на восемьдесят или даже на шестьдесят миллионов. В один из вечеров, когда меня не было дома, Паоло послал кого-то к Сабине вытребовать у нее документы. Может быть, это был тот самый, что вчера напал на меня.

— А мы дали ему возможность бежать!

— Слушай дальше. Ему не удалось найти документы ни в ящиках у Сабины, ни в моих. Он искал их везде в тот вечер. Прежде чем позвать тебя, мы с Джулиано достаточно поработали, чтоб привести все в порядок.

— А документы где были?

— В соседней квартире под грудой кирпича. Вернувшись в Милан, я их взяла. Держала все время при себе. До этого я наблюдала за Сабинкой, знала, где она, однажды, когда она уезжала за границу, я открыла конверты, подержав их над паром, потом заклеила и положила обратно.

— Джулиано знал об этом?

— Да.

— После смерти Сабины ты взяла документы. Что ты хотела с ними сделать?

— То, что не удалось Сабине.

— Рикка знал об этом?

— Мне не удавалось остаться с ним наедине. Единственный раз, когда это случилось в «Белом гусаре», я испугалась. Он спросил, знаю ли я что-нибудь о трех конвертах, которые были у Сабины, я сказала ему, что ничего не знаю. Но заметила, что он мне не верит, и испугалась еще больше. Тогда я и придумала эту «косметичку». Конверты были у меня в сумочке, а все обращали внимание на «косметичку». Понимаешь?

— Что случилось и со мной.

— Я всюду таскала за собой чемоданчик, никогда с ним не расставаясь. Ждала, что ты потребуешь открыть его.

— Разыграла меня, как идиота.

— То же самое случилось и с Паоло. Однажды он попросил меня показать, как сделана косметичка внутри, сказал, что собирается выпускать такие. Я отказала ему, он стал просить, не применяя силы, а убедительно и любезно. Сделала вид, что уступаю. Увидев, что ничего, кроме косметики, там нет, он так же любезно поблагодарил меня.

— Не поверил и убедился, что документами завладела ты. А может быть, решил проверить и поручил Ферретти напасть на тебя?

— Вчера вечером я хотела оставить конверты в номере. Этот парень все время крутился вокруг меня. Я боялась и снова взяла с собой конверты.

— В сумочке?

— Нет, в «косметичке». Ферретти вырвал у меня сумочку, потом швырнул меня на пол и распотрошил «косметичку».

Поднимаю голову, но смотрю не за окно, где сирокко треплет кроны деревьев, а на настенные часы. Думаю, что терю зря время, надо позвонить Миччике, объяснить ему, что алиби Паоло Рикки при всей его убедительности липовое. Анджела еще больше понижает голос:

— Скорей всего я довольна, что все кончено. Теперь я спокойна, хотя меня все еще могут убить.

— Скажи мне честно: у тебя хватило бы храбрости шантажировать Паоло Рикку?

— Думала, что хватит, но теперь вижу, что это мне не удалось бы. Я взяла конверты, и у меня не

было возможности снова положить их под кирпичи. Полиция наблюдала за зданием днем и ночью, видела сквозь стены.

— Могла бы отдать их мне.

— Прости. Тебе я не доверяла.

Стефано, массируя после бритья щеки, спускается по лестнице и слышит последние слова Анджелы.

— Не огорчайся, Камилло, Анджела никому не доверяет.

Не могу разделить хорошего настроения Стефано. Мне кажется несправедливым оставлять его непричастным ко всей этой истории, бесчувственным к страху и отчаянию, которые за эти десять дней пережила Анджела. В двух словах рассказываю ему обо всем.

— Теперь все против Паоло Рикки, включая стрельбу, как еще одно доказательство его намерений. Задержанная полицией машина принадлежит Босси, но это ничего не значит.

— У Паоло тоже есть ядовито-зеленый «бенгли», — информирует Стефано. — Он купил его вместе с Себастьяно.

Ну что за люди! Знают множество подробностей и скрывают их, словно секрет атомной бомбы. Но могут часами говорить о том, что ели за ужином.

Стефано некоторое время молчит, надкусывает булочку, говорит:

— Ну их к черту. До сих пор я боялся, что может случиться с Анджелой. Но теперь она, хоть и не по своей воле, освободилась от конвертов, могу и я вздохнуть свободно.

— Анджела по-прежнему в опасности, — отвечаю ему, напуская на себя спокойствие, которого отнюдь не испытываю, — я так считаю. До сих пор Рикка лишь подозревал, теперь он знает, что Анджела в курсе его дел.

— А ты откуда знал, что конверты у меня? — спрашивает Анджело у Стефано.

— Я не слепой.

— Но ты и пальцем не пошевелил, — говорю я.

Вот уже месяц, как Стефано знал, что документы спрятаны у девушки. Сабина уронила авоську с зеленью, из-под салата выскользнули конверты, Стефано узнал почерк Рикки. Об остальном было легко догадаться.

— Но ты и пальцем не двинул, — повторяю я.

— Для того, чтоб засунуть пальцы в пасть Рикки, — пожимает плечами Стефано, — нужно легкомыслие Анджелы или самоуверенность Сабины.

— Не бог же он всемогущий.

— Он все забрал в свои руки. Игорные дома принадлежали ему. Остальные были управляющими, но весь риск ложился на их плечи. Кто мог бы связать игорные дома с Паоло?

— Сабине удалось прижать его к стене.

— Сабина была его женой, любовницей и администратором.

— Ну да...

Нам больше нечего сказать, каждый обдумывает только что услышанное. Официантка приносит нам оранжад. Анджела стряхивает с себя задумчивость.

— Я не уверена, что на основании этих документов можно упечь человека на каторгу.

До какой-то степени она права, все зависит от того, откуда взялось богатство Рикки. Объясняя, что купил-продажи сами по себе не преступления, иное дело система принуждения, пущенная в ход Риккой.

— За каждым нотариальным актом кроется вынужденное банкротство, созданное насилием. Достаточно вспомнить стрельбу в витрину «Белого гусара».

Стефано рассматривает синяк на лице Анджелы, я иду номер телефона в своем блокноте. Заказываю междугородный разговор и в ожидании листаю еженедельник, рекламирующий принцев и миллиардеров, прославляющий любой вид успеха. Газетная хроника уже забыла Джулиано, нахожу лишь крошечную фотографию в отделе городской хроники Милана.

Меня зовут, иду в телефонную кабину. В голосе Бианки чувствуется нервная дрожь. Называю себя, и на меня обрушивается поток непристойной ругани. Этого и разговором не назовешь. Опасаясь, что она может положить трубку, стараюсь взять над ней верх. Сеньора Виери не сматывается, даже когда поздравляю ее и супруга, что им удалось задержать банкротство.

— Это наши дела.

Соглашаюсь с ней и говорю, что вовсе не собираюсь в них вмешиваться. Хочу только знать, собираются ли они продать кабаре Паоло Рикке.

— Я вам не сообщила, с кем мы ведем переговоры.

— Скажите мне это теперь, сеньора.

— Почему бы вам не заняться собственными делами?

— Потому что возможного покупателя могут обвинить в двойном убийстве.

— Не вижу связи.

— Достаточно, что я вижу связь. А теперь прошу вас ответить на мои вопросы: переговоры ведутся с одним из ваших кредиторов?

— Да.

— С привилегированным кредитором, насколько я понимаю. Я не прошу вас назвать его, ответьте, да или нет.

— Да. Но это вас не касается, сеньор сыщик.

Ее сарказм оставляет меня равнодушным. Благодарю ее за информацию и советую побыстрее договориться с инженером.

— А то можете не успеть.

— Паоло здесь ни при чем.

— Двойная игра может оказаться для вас фатальной, сеньора.

Бианка кладет трубку, а я еще некоторое время из кабины наблюдаю, как Стефано смазывает синяк Анджелы.

— Вот она, женская логика, — говорит он.

Сажусь рядом с Анджелой. Она тут же спрашивает, кому я звонил. Отвечаю:

— Твоей бывшей работодательнице. Мне пришло в голову, что очаровательная Каприче может быть в сговоре с Риккой против Эрнесто. Это, конечно, их дела, согласен, акционерное общество не преступная шайка, если, помимо акций, не занимается, например, убийствами.

Стефано и Анджела не высказывают своих мнений по этому поводу, они больше не связаны с «Белым гусаром», чувствуют себя свободными.

— Хотите вернуться со мной в Милан?

— У нас другие планы, если полиция нами не займется.

— Думаю, что займется.

Анджела грустит, ей хочется забыть Милан со всей его грязью.

23

Заместитель прокурора не возражает и подписывает мне особое разрешение. Кладу бумагу в карман, выслушивая похвалы Миччике на свой счет.

— Твоя заслуга, что нам удалось поймать Босси. Через него доберемся до истоков.

А убийца все еще на свободе, гуляет себе по улицам Милана, Марселя или Нью-Йорка. Обвинение Босси в убийстве оказалось несостоятельным.

— Инженер Паоло Рикка, — подсказываю ему.

— Да, инженер, — задумчиво повторяет Миччике. — Друг Босси, а дальше что?

— У него одинаковая с Себастьяно машина, он организовал стрельбу.

— Нет основания.

— Он владыка ночных заведений.

— Хочешь сказать — владелец?

— Питталуга и Босси управляющие, хозяин он.

— Доказать это будет нелегко.

Мне все-таки удалось заинтересовать его. Миччике поудобнее устраивается в кресле, просит рассказать, включает магнитофон. Говорю в микрофон, рассказываю все, что знаю и что подозреваю, без всякого порядка, путаясь, борясь со сном. Закончив, благодарю и встаю с места. Миччике вовсе не обязан выслушивать мою болтовню.

— Ну и нагородил ты!

Жмет мне руку, собираюсь уходить, но еще раз настаиваю:

— Его надо найти, пока он не удрал за границу.

— Не беспокойся, мы уже разослали циркуляры и фотографии пограничникам.

— Он может спрятаться и в Италии.

— Мы уже известили повсеместно карабинеров.

Мне не нравится его флегматичность, граничащая с равнодушием. Может быть, я сам виноват, что мне не удалось убедить его.

...Меня будит уличный шум. Мой отпуск еще не кончился, я мог бы снова поехать к морю или забраться в горы, пойти в кино или позвонить знакомой девушке, может быть, среди моих знакомых и найдется одна, настолько ко мне расположенная, что ее не испугает мое плохое настроение.

Ничего этого я не делаю. Сажусь в машину, еду в центр города, остаюсь перед «Белым гусаром», все еще закрытым, даже входная дверь заколочена крест-накрест досками. Дежурный бригадир проверяет особое разрешение, указывает на маленькую дверь. Вхожу, спускаюсь в кабаре.

Свет потушен, пробираюсь в полутьме к освещенному служебному помещению, из двери которого кто-то выходит. Показываю официальную бумагу.

— Второй агент уголовной полиции здесь ни к чему, — говорит он, но позволяет мне остаться.

Ренато Кастелли встает из-за письменного стола:

— Рад тебя видеть. Познакомься, адвокат Мардзилло, спец по банкротствам.

Оставляю их за работой, брожу по залу, зажигаю лампу на одном из столиков. Достаточно было бы сорвать штэфные обои, чтобы ночное заведение показало свое истинное лицо подвала, приюта мокриц, крыс и пауков.

Сажусь за столик в углу, вокруг которого собрались друзья. Сажу на диванчике у стены, на том самом, где меня по приказу Бианки целовала Лаура, где Джулиано пытался поймать за хвост фортуна. Пытаюсь представить в этих стенах, украшенных с назойливой роскошью, Сабину, мне это не удается — я никогда не видел ее при жизни, а жалкая фигурка под мокрыми кустами плохо сочетается с бархатом и убранством.

Бухгалтер и куратор выходят из служебного помещения, надевают пиджаки. На сегодня их работа закончена. Обращаюсь к Ренато Каstellи:

— Приглашаю тебя поужинать со мной.

— Благодарю за любезность, но сегодня вечером я занят. Договоримся на завтра?

Выходим втроем на улицу. Нет, завтра будет поздно, прочитанная в газете фраза не выходит у меня из головы: «Мы живем в ожидании следующего убийства завтра ночью». Ренато открывает ключом машину, останавливаю его:

— Боюсь, что кое в чем ты не отдаешь себе отчета.

— Так объясни мне.

Адвокат хочет проститься с нами, приглашаю и его, охотно соглашается: жена его отдыхает на море.

— Я должен поговорить с тобой, по возможности в присутствии свидетеля. — Каstellи даже в лице не изменился.

— Если дело настолько серьезно, я согласен, — отвечает он так спокойно и даже благожелательно, как будто я сватаю ему хорошенькую подружку.

В ресторане мы занимаем отдельный кабинет, где и располагаемся, как трое старых друзей. Ренато снимает пиджак, ему идет летняя рубашка с короткими рукавами. Я и Мардзилло, несмотря на жару, остаемся в наших мундирах: мой — защитного цвета, его — цвета лондонского тумана.

— Итак? — спрашивает Ренато.

— Мне известно, что ты собираешься купить кабре.

— И не делаю из этого секрета. Куратор знает об этом.

— Но адвокат, конечно, не знает, что состоится двойная продажа. Ренато Каstellи тут же уступит «Белый гусар» Паоло Рикке, и за ту же цену.

Ренато молчит, не опровергает, не защищается. Я ускоряю темпы:

— Через несколько часов документы Рикки будут получены следственными органами.

Адвокат Мардзилло слушает внимательно, слегка кривя рот. По-видимому, он оскорблен в своих лучших чувствах, и это его заставляет страдать.

— Почему бы тебе не позвонить инженеру? — спрашиваю у Ренато. — Можешь предупредить его об опасности.

— Контракты в полном порядке.

— В слишком полном. Пока арестован один лишь Босси, но полиция известна, что действительный владелец всех притонов, в том числе и игорных, — Рикка.

Адвокат спрашивает, уверен ли я в том, что утверждаю. Рассказываю о преследовании по улицам Градо и о трех конвертах.

— Я обнаружил нить, которая поможет размотать весь клубок, а теперь пусть полиция поднимается со ступеньки на ступеньку: кабре, стрельба, игорные дома, как вспомогательная деятельность, чтобы собрать капитал, вплоть до двойного убийства.

— Хотите сказать, что вам известна побудительная причина преступления?

— Безусловно. Сабина завладела документами и шантажировала Паоло Рикку. Требовала от него сто миллионов. Сабину столкнули с лестничной площадки последнего этажа здания, строительство которого еще не закончено, на площадке нет перил. Сделать это было очень просто.

— Сабина упала, — вмешивается Ренато. — Это был несчастный случай... — И внезапно замолкает, уже раскаиваясь, что заговорил.

— Никакого несчастного случая. Иначе зачем было переносить убитую так далеко от дома, где она жила, подальше от документов Рикки, спрятанных в том же доме?

Мардзилло слушает меня с широко открытыми глазами, Ренато трясется от ярости, а я заключаю, утверждая, что Сабину устранили, потому что она была полна решимости довести свой капитал до трехсот миллионов.

— Сто или триста миллионов? — спрашивает адвокат.

— Триста миллионов были для нее вершиной пирамиды, трамплином для еще более прибыльных предприятий. К несчастью, характер у нее был решительный, ей всегда удавалось осуществить задуманное. Паоло Рикка хорошо знал ее, они жили вместе, их связь длилась несколько месяцев.

— Тебе все известно, — со злой иронией говорит Ренато, — больше чем мне, хотя я и лично знал Сабину.

— Нет, не все. Остальное расскажешь ты. И не мне, а начальнику сыскной полиции. Он и определит, какое участие ты принимал в убийстве.

— Хочешь свалить на меня убийство?

— В данный момент ты наемник Рикки.

— В этом есть что-то незаконное, адвокат? Ужин только еще начался, но нам уже не до него, Мардзилло признается, что у него голова идет кругом от сказанного мною.

— Это надо довести до сведения компетентных лиц, — говорит он. — Я тут ни при чем.

— Вы свидетель нашего разговора.

Ренато поднимается с места, в руках у него телефонный жетон, я иду за ним до кабины. Он собирается набрать номер, но я кладу руку на рычаг.

— Слишком поздно.

Заставляю его вернуться к столу.

— Говори! Ты должен сказать мне, кто убил Сабину и Джулиано.

Он растерянно оглядывается, официант вышел, в зале никого.

— Ты с ума сошел. Откуда я могу это знать?

— Число подозреваемых становится все меньше. Давай посчитаем вместе. Сначала я подозревал Бианку Виери с мужем или без него.

— Какой повод могла бы иметь синьора Виери? — спрашивает адвокат.

— Интерес, проявляемый Эрнесто Виери к Сабине. Бианка могла бояться, что молодая и умная девушка займет ее место.

— А дальше?

— Потом мое внимание переключилось на Анджелу. Ей принадлежал револьвер, из которого был убит Джулиано, прежде чем его сбросили с лестницы.

— Глупые выдумки.

— Пошли дальше. Подозревал я и Стефано Платани, одного или вместе с Анджелой. Кто-то украл у нее револьвер.

Я замолкаю. Может быть, именно Сабина и взяла оружие из ящика Анджелы? Но это лишь подозрение. Адвокат Мардзилло не видит причины, почему она это сделала. Мне же это кажется ясным: взяла для самозащиты, когда убийца пришел в квартиру с намерением заставить Сабину уменьшить претензии либо отказаться от них и вернуть документы. Сабина не пошла на это, и он ее убил.

— Вполне возможно, — говорит адвокат.

— Я проверил, как реагирует каждый подозреваемый на высказанное ему обвинение. Я не мог, конечно, проследить за поведением каждого в ближайшие после убийства дни. Думаю, что полиция пришлось потрудиться для получения полной картины действий подозреваемых.

— А теперь, — перебивает меня Ренато, — ты претендуешь на то, что знаешь больше полиции?

— Ничуть. Полиция разгрызет этот орешек. Они действуют методом исключения, им нужно больше времени. Принимают в расчет всех и каждого. Я же доверился инстинкту и чувству.

Произнес последнее слово, я пожалел о нем, уверенный, что возбудил любопытство Мардзилло. И он действительно тут же спрашивает:

— Чувство — к кому?

— Хорошо, признаюсь. К глазам Анджелы. Я следил за ней, она не имела никакого отношения к убийствам, но была замешана в интригу.

— Так ты и шел по тропинке чувства, — комментирует Ренато.

Пропускаю мимо ушей замечание. Продолжаю:

— Виновку Франко Питалуги, которого я никогда не видел, исключается, он паралитик. Следующим был Себастьяно Босси, содержатель игорного дома. Но он слишком толст, чтобы совершить преступление, требующее акробатической ловкости. Постепенно на первый план выдвигался Паоло Рикка, но я никогда не предполагал, чтобы миллионер сделал это своими руками. Убийца был им подослан, был его креатурой.

— И ты подумал обо мне.

— Тогда еще нет, бухгалтер Каstellи. Вокруг Рикки вращается много пешек. Например, Данте Ферретти.

— Не знаю такого, — говорит Ренато.

— Слишком много имен, — комментирует адвокат.

— У меня тоже от всех этих имен кружилась голова. Но это было вначале, потом я разбил их на семейства, как в зоологии. Мне посоветовал это глава сыскной полиции доктор Франки, я последовал его совету. Аналогии делали картину более ясной.

— Не хватает последнего сценического эффекта, — шипит Ренато.

Протягиваю руку к бутылке с вином, делаю вид, что хочу наполнить бокалы, но хватаю рукав

рубашки Ренато, вздергиваю его вверх. Бухгалтер откидывается назад, но я уже видел след укуса под рукавом рубашки.

— Что ты делаешь? Ты вылил мне вино на брюки, — бормочет Ренато, с трудом выдавливая слова.

— Брюки не беда! — кричу я ему. Встаю с места и снова задираю край рукава: — Как ты объяснишь вот это?

Ренато хватается за кисть руки, выпускаю его, но кусок рукава остается у меня в руке. У самого плеча еще виден след двух рядов маленьких острых зубов.

— Зубы Сабиньи! Она укусила тебя прежде, чем ты ее сбросил с лестницы!

Мардзилло поражен, от волнения опрокидывает бутылку, тянется к Ренато, хочет поближе увидеть след укуса, извиняется, ссылаясь на близорукость.

Я хорошо знаком с техникой заламывания рук, Ренато падает лицом на стол. Официант пытается нас разнять, прибегают посетители ресторана, обслуживающий персонал, Мардзилло в двух словах объясняет, в чем дело, все уходит.

— Позвоните немедленно в сыскную полицию, — говорю хозяину ресторана. — Пусть не теряют времени.

Ренато пытается вырваться, брыкается, приподнимает от стола голову, но я держу крепко.

— Я здесь ни при чем! — кричит он. — Никаких доказательств нет.

Склонившись над ним, всей тяжестью прижимаю его к столу. Его мускулы напряжены, и совсем близко перед глазами вижу, как краснеет след от укуса.

— Нелегко было убить Сабину.

— Смогу защититься!

— Можешь сказать, что ты убил ее, обороняясь. Сабина первая выхватила револьвер?

— Я ничего не знаю.

Он тяжело дышит. Мне становится все труднее вот так держать его и ждать.

— Второе убийство было преднамеренным, от этого тебе не отвертеться. Все было рассчитано, чтобы навсегда заткнуть рот Джулиано.

Восстановить случившееся нетрудно: Джулиано поднимается по лестнице пустого здания, слышит наверху возбужденные голоса и шаги, останавливается, прислушивается, пытается понять. Идет дальше и видит лицо человека, бросающего Сабину с лестницы. Джулиано пытается задержать его, может быть, кричит, называет по имени, когда Сабина уже летит вниз. Убийца спускается бегом по лестнице, выскакивает под душ.

А через два дня он притаился в темном подъезде и ждал Джулиано: выстрел на расстоянии не более одного метра, толчок, и тело убитого падает вниз. Сделать это было очень просто, и убийца был уверен в своей безнаказанности.

— Ты знал, что пистолет калибра 6,35 принадлежал Анджеле?

— Я ничего не знаю.

Лицо у Ренато уже почти лилового цвета.

— В «Белом гусаре» все знали, что это был подарок Стефано. Убивая Джулиано из этого пистолета, ты хотел, чтоб подозрение пало на Анджелу.

— Ты с ума сошел.

Я замолкаю.

Вот, наконец, и патруль. Передаю запыхавшемуся лейтенанту свою добычу, с трудом отрываюсь от нее. Я пропитан потом и отчаянием Каstellи. Шевело занемевшими пальцами. Возвращается острая боль в правом плече, воскресает в памяти улочки Градо, преследование Данте Ферретти, документы Паоло Рикки, лиловая «косметичка» Анджелы.

Убеждаю себя, что лучше мне все это забыть. Бокал вина несколько успокаивает меня. Прощаюсь с адвокатом Мардзилло, благодарю его: он уже уплатил по счету за неоконченный ужин.

Веду одной рукой мой старый «фольксваген». По дороге покупаю свежую газету с коротким сообщением о задержании еще одного из шайки: полиция ворвалась в квартиру Паоло Рикки, когда он сидел в ванне и старая домоправительница терла ему спину. Ему еще было неизвестно, что три конверта лежат на столе доктора Антеноре Франки. Предъявленный ордер на арест поразил его.

Газета не успела опубликовать отчет об аресте Каstellи.

Ложусь в постель, тушу свет. Обвинения против Рикки несерьезны: недозволенные игорные притоны, стрельба без раненых, шантаж и жульничество. Несколько месяцев тюрьмы, и он снова начнет свою преступную деятельность.

Со злостью думаю, что Каstellи объявят заблудшей овечкой, и с не меньшей злостью о том, что в этом ужасном, бесконечном тире, где после каждого крика жертвы слышится звон монет, я могу оказаться следующей мишенью.

Думаю об этом даже без страха.

ВОДА ИСЧЕЗВАЮЩАЯ В ПУСТОТЫ

Это было двенадцать лет назад, я работал в молодежной газете Свердловска, в отделе искусства. Приятель фотокор соблазнил меня написать о канатоходцах Магомедовых — цирк был не мой профиль, я им совершенно не интересовался, но почему-то согласился. В отличие от других канатоходцев Магомедовы работали в «сфере» воздушных гимнастов — под самым куполом цирка, на громадной высоте, причем изобретенная ими аппаратура позволяла менять угол наклона каната прямо по ходу выступления.

Днем я встретился с Магомедом и Лолитой в гостинице, взял, как говорится на журналистском жаргоне, материал — побеседовал с ними, а вечером пошел в цирк посмотреть их номер. Номер был действительно впечатляющим. Что ни говори, а есть разница между кульбитом на канате в двух метрах от пола манежа и кульбитом на канате под куполом цирка.

Выступление уже завершалось, уже одна площадка опустилась, другая поднялась, образовался новый наклон каната, уже Магомед со стоящей у него на голове Лолитой двинулся по канату наверх, чтобы, пройдя эти последние десять ли, пятнадцать ли метров, исчезнуть вместе с партнершей в клубящемся мраке подкуполья, когда в наставшей вокруг тишине вдруг раздался тихий металлический щелчок и следом шелковистый свист. И снова тишина, головы зрителей все так же вздрогнули вверх, и Магомед ни на миг не остановил своего ровного, медленного шага, но сидевший в директорской ложе поодаль от меня старый горбоносый канатоходец, с которым Магомед работал еще в 50-е годы, дернулся и замер, будто одеревенел, и горбоносый профиль его приобрел неподвижность барельефа. «Слава богу», — выдохнул он, когда верхняя площадка была достигнута Магомедовыми, и отбросился на спинку кресла. Я отнес это напряжение и это «слава богу» к слишком преувеличенному — «артистическому» — переживанию и не придал ему никакого другого значения.

Но другое значение было, я понял это, войдя к Магомедовым в артистическую уборную. С Лолитой была истерика, она плакала и хохотала, горбоносый мой недавний сосед поил ее водой, а Магомед, потрясая руками, кричал: «Ну, и наплевать тебе на какую-то дуру, ну и наплевать, ты понимаешь, нет, что могло быть?!»

Щелчок и свист — это, оказывается, были звуки отстегнутой лонжи. На высоте двенадцати метров, стоя на голове Магомеда, Лолита отстегнула от пояса этот страховочный тонкий трос, и жизнь ее осталась наедине только с ее ловкостью, только с ее мастерством, только с ее выдержкой. Впрочем, нет, и Магомеда. Но Магомед, если бы вдруг что-то случилось, падая, ухватился бы за канат, ей же канат не помог бы — она-то находилась на голове у Магомеда и, падая, пролетела бы мимо каната.

«Что ты сделала, ой, что ты сделала!» — приговаривал, держа возле ее губ стакан с водой, старый канатоходец, а она, стуча зубами о его край, вся в слезах, в потеках размазавшейся туши с ресниц, приговаривала вслед ему: «А чтоб она знала, да, чтоб знала, вот чтобы видела — зря я получаю деньги или нет...»

В статье о канатоходцах Магомедовых, которую я дня через три сдал в секретариат, об отстегнутой лонже ничего не говорилось. Эта лонжа никак не укладывалась в рассказ об их номере, Драматический, но случайный эпизод, который не имел никакого значения для читателя.

И коль он не нужен был читателю, по всем законам профессиональной психологии должен был забыть его и я.

Но вышло по-иному — я не забыл. Наоборот: прошел год, другой, третий, а его присутствие в памяти становилось все правомочней как бы, все необходимей... Я не мог понять, почему. Я еще не

знал, что, став свидетелем этого эпизода, я оказался пленником цирка; не любителем, не поклонником — нет, а именно пленником — в профессиональном, литературском смысле слова: так входят в твою жизнь те или иные события, те или иные люди — и ты в этой своей жизни уже не волен отделаться от мыслей о них, и настает миг, когда уже не ты управляешь ими, а они тобой, то есть ты должен, обязан — не знаю кому, не знаю перед кем, но должен написать об этом.

Ведь на что она шла, эта маленькая, хрупкая, изящная женщина, отстегивая от себя на головокружительной высоте спасительный тросик, если вдруг совершится ошибка? На риск? О, если бы просто на риск! Разве можно назвать риском границу между светом и тьмой, жизнью и небытием, а она преступила ее. Именно преступила, потому что была профессионалом и прекрасно знала, что в каждой работе бывают ошибки, бывают сбои — без них не обойтись, они минуют тебя и год, и два, и десять лет, но все-таки достигнут на каком-нибудь одиннадцатом году, и как знать, когда это произойдет? Да и что ей действительно было до какой-то там змеи, какие случаются везде и во всяком деле, до ее злобы и яда? Нет, не ей она доказывала — себе. Но если еще точнее и глубже, то не просто себе — Лолите Магомедовой, выпускнице вокального факультета училища имени Гнесиных, а той в себе, которая принадлежала не только ей, была не только ею, а клеткой, частью, атомом того многосложного, многосложного организма, название которого — цирк. А цирк — это... О, разве мы ходим в цирк только для того, чтобы подивиться чужой ловкости, смелости, силе? Подивиться — и забыть? Пожалуй, мы сами не знаем, зачем мы ходим в цирк. «За что только деньги получают, — ворчит, выходя после представления, уподобляясь той самой недоброедательнице Лолиты Магомедовой, обыватель. — Подумаешь, ногами барабан повертел...» Но что же заставляет его, этого нашего условного, привидимого нами, так сказать, за единицу измерения, обывателя, идти в цирк на новую программу — через год ли, через пять ли лет, снова и снова?

Юлиус лил из кувшина воду, и она, длинной витой струей просверкав в воздухе, исчезала в пустоте. То есть исчезала она не в пустоте, а в свернутой только что на наших глазах трубе из газеты, но труба-то была сквозная, никакого дна, и по всем законам физики эта струя воды должна была, исчезнув в трубе, вновь появляться на ее выходе, продолжить свое сверкающее падение и разбиваться о землю, разливаясь лужицей.

— Ну, хватит? — спросил Юлиус, подсек струю быстрым, эффектным движением кувшина, двинулся к верстаку и поставил кувшин на него, освободив руку. — Есть здесь вода? — показал он на трубу.

Ясно, что ее там не должно было быть — иначе зачем весь фокус, да и не могло ее там быть, потому что не могла же она висеть в пустоте, но, с другой стороны, мы с женой собственными глазами видели, как он лил туда воду, в полутора, не больше, метра от нас, и если она была не там, то где?

— Ну-у... — протянули мы, — ну-у, в общем... — Нам было стыдно перед самими собой сказать, что она там, внутри газеты. Цивилизованные люди материалистического двадцатого века, мы не верили ни в черную, ни в белую магию, но куда же, куда ее мог спрятать Юлиус буквально на наших глазах, с совершенно открытыми руками, более того — вообще без всякой рубашки, без майки даже — такое нешадное стояло над Краснодаром июльское солнце?

— Не знаем, — нашлись мы наконец, признавшись в своем аналитическом бессилии.

Но трехлетний наш сын был еще не оравлен ядом искушенности.

— Есть, — с серьезным видом сказал он.

— Правильно, — подхватил Юлиус. — Есть. А где ж ей еще быть? Устами младенца глаголет истина. — И, подошедши к нам, стал разворачивать газету, развернул — она была действительно суха. — Но ты прав, — сказал он Егору, сложил газету, вновь свернул из нее трубу, взял с верстака кувшин, и из газеты полилась в кувшин, будто прямо из воздуха взявшись, живая, блестящая струя.

А до этого еще он лил воду в газетный кулек — и было то же самое; мы загадывали карты в колоде, тасовали — и он их находил...

И было ясно, что все это ловкость рук: ну, та же вода, скажем, могла вливаться в какой-нибудь умело спрятанный сосудик, но что же это за виртуозная ловкость — ведь мы следили за его руками с расстояния в полтора метра! Да и воды вылилось из кувшина добрых пол-литра, если не больше, — как спрячешь в ладони пол-литровую банку?

В самой этой ловкости, в самой этой виртуозности уже была тайна, нечто невозможное для воссоздания нашими руками, нашим опытом — так, не будучи краснодеревщиками, мы восхищаемся непостижимо как сработанной — ведь руками же! — изящнейшей мебелью, так, не будучи инженерами, мы изумляемся гигантским безупречным сводам крытых стадионов...

Но вместе с тем стол ли, стадион ли — это то, что можно увидеть глазом, даже, наконец, пощупать, фокус же, его изнаночную сторону, суть его не увидеть, не пощупать, и оттого все-таки его тайна — обжигающей, пронзительной, таинственной. Будто ты прикоснулся к чему-то запределному, существующему вне, за границей нашего обычного, повседневного мира, и вот оказывается, этот мир

МИЛОЙ, ДОБРОЙ
СКАЗКОЙ ПРИХОДИТ
ЦИРК К ДЕТЯМ,
ПРЕКРАСНОЙ
ПОЭМОЙ О КРАСОТЕ
ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ТЕЛА,
О ЕГО СИЛЕ
И ЛОВКОСТИ —
К ВЗРОСЛЫМ.
ТВОРЦЫ ЖЕ ЭТИХ
ПРОИЗВЕДЕНИЙ ЖИВУТ
ОТНУДЬ
НЕ В ВОЛШЕБНОМ МИРЕ —
ТЯЖЕЛЫМ
И ВДОХНОВЕННЫМ
ТРУДОМ ДОСТАЮТСЯ ИМ
ВЕРШИНЫ ИСКУССТВА.
НО КОГДА
РАЗНОЦВЕТНЫЕ ОГНИ
ПРАЗДНИЧНО
РАЗРИСОВЫВАЮТ АРЕНУ —
ОНИ ВЫХОДЯТ К НАМ, ЗРИТЕЛЯМ,
СО СКАЗКОЙ, С ПОЭМОЙ:

Фото Владимира ЧЕЙШВИЛИ

освоаем, приручаем — достигаем нашими возможностями.

Семь нарочных с докладом о положении дел в Забайкалье было послано Постышевским через занятую белыми войсками Сибирь в Москву. Не дошел ни один. Восьмой, семнадцатилетний парнишка Оська Захаренко, он же цирковой артист Юлиус, дошел, принеся под заплатами своей нателной рубахи этот самый доклад. Почему дошел он, а не другие? Конечно, везение. Конечно, количество: в том смысле, что был он не первым, а восьмым, количество же, как известно, способно переходить в качество. Но, может быть, везения было бы меньше, но, может быть, количество не перешло бы в качество именно на нем, если бы в семилетнем возрасте, взлезши на крышу шاپито, он не свалился бы оттуда прямо в руки рыжему клоуну и благодаря этому стал цирковым мальчишкой, научился работать на трапе, как называют в цирке трапецию, научился эквилибру, манипуляциям... И это о везении и о количестве, переходящем в качество, и в буквальном смысле слова, потому что шел, ехал он через всю Сибирь, а потом через добрую половину России как бродячий циркач, давая представления на вокзальных площадях, в базарной толкучке, но и не только в буквальном. Артист драмы, выходя на сцену, живет чужой, придуманной жизнью: любит не своею любовью, ненавидит не своею ненавистью — он лишь вживляет свое тело и свои эмоции в бесплотные тела выдуманных героев; артист же цирка, выходя на манеж, чтобы лететь под куполом, танцевать на проволоке, делать сальто-мортале на моноцикле, живет по-другому, в состоянии экстремального напряжения, с собранной в единый жгучий комок волей, он живет своею собственной жизнью. Она его естество, его неотрывная суть, и если он не в состоянии ежедневно проходить через муку подобного напряжения, значит, судьба рано ли, поздно ли из цирка его уберет. Осип Захаренко, он же Юлиус, провалившись тогда семилетним мальчишкой сквозь крышу шاپито, без цирка себя больше не представлял. А чтобы дойти от Иркутска до Москвы, нужно лишь было собрать себя, собрать свое тело и душу в один целенаправленный комок не на десять минут, как при исполнении своего номера в цирке, а на два месяца. Всего лишь. Вся разница.

В нынешнем году ему исполнилось семьдесят семь. Два года назад у него был инфаркт, прошедшей весной сломал ногу... В семьдесят семь на манеже не выступают. Ведь в всей-то цирковой жизни срок — двадцать лет. Если тебе сейчас тридцать два, а начал выступать в двенадцать — можно оформлять пенсию. Большинство, правда, в таком возрасте на пенсию не уходят, но семьдесят семь в любом случае — годы не для манежа. Юлиус выступает и сейчас. Выступает не каждый день, а раз, много — два раза в неделю в парке культуры, в детском саду, в санатории, ему тяжело ходить из-за медленно выздоравливающей ноги, инфаркт принес с собой мучительную одышку, но не выступить эти раз или два в неделю он не в состоянии. Судорожная мука напряжения всех нервов, всех мышц, всего тела, всей воли — это ему так же необходимо, как необходимо каждому человеку есть и пить, как иному — двухкилометровая пробежка по утренней поро...

— Старый стал, — горестно вздыхая, сказал Юлиус, садясь на скамейку рядом со мной. Газета, только что служившая «орудием производства», в своем обычном газетном облике невинно лежала на краю стола. — Но пока я выступаю — я живу, — произнес он через паузу, без всякого восклицания, без всякой патетики, и фраза его перекликнулась во мне со спокойно-философичным латинским: «Я мыслю — следовательно, существую».

А дети, цирковые дети, или иначе — дети цирковых, как зовут себя в своей среде артисты цирка, вы знаете, что это за дети? Их родители кочуют из города в город, два месяца там, два месяца там — в общем, ровно столько, сколько идет составленная Союзгосцирком программа, возят с собой по цирковым гостиницам маленькие холодильники типа «Морозко», набор кастрюль, тарелок и прочей кухонно-столовой утвари, переносной маленький телевизор... Вместе с ними кочуют и дети. Гостиничные номера — их дом, гостиничные коридоры — место их встреч, гостиничные дворы — место их игр. И как они играют, эти дети, что за игры у них! Не законченные строениями, без крыш, лишь с положенной на балки обрешеткой, с прочным металлическим каркасом беседки превращаются ими в гимнастические снаряды. Представление ли то идет, соревнование ли, тренировка ли — господа,

какие немыслимые трюки проделывают они: обрываются и падают, зацепившись за обрешетку ногами, повисая вниз головой, спиралью, на одной руке спускаются по столбу сверху вниз, перелетают с одного конца беседки на другой, будто за плечами у них на короткий миг вспыхивают невидимые крыльшки... Месяц мы жили в краснодарской гостинице — и месяц по десять раз на день гостиничный двор являл нам эту картину. Двое из этих детей — мальчик и девочка — были детьми акробата Николая Малинковича, мы с ним то и дело сталкивались на кухне как специалисты в своих семьях по приготовлению гречневой каши.

— Вы занимаетесь с ними? — спросил я его про детей.

— Так, немного, — ответил он. — Даю начальный импульс. По-настоящему еще рано. У них сейчас идет привыкание.

А по коридору его сын и дочь бегали с собачками. С теми неизвестной лично мне породы собачками, что в цирковых представлениях удивляют нас чуть ли не человеческой сообразительностью и своим чуть ли не человеческим поведением, — и это тоже была не просто так любимая детьми, но скоро им наскучиваемая из-за своей бесцельности возня с собакой, а привыкание. И в той радости, с которой они привыкали, угадывалась уже та — их родителей, друзей их родителей — совершенно взрослая преданность делу, идее его, когда вне этого дела уже нет и самой жизни.

Во дворе, у тех «гимнастических» беседок, мы как-то разговаривали с другим акробатом — его десятилетняя дочь в это время вместе с дочерью Николая как раз проделывала на обрешетке крыши свои немыслимые упражнения. Несколько дней назад выступления их труппы закончились, цирк закрылся на каникулы — ремонтировался, готовиться к встрече следующей труппы, а они должны были не сегодня-завтра выезжать в Кисловодск, на новые гастроли.

— Иногда, конечно, такая вдруг тоска подкатывает... — глядя на дочку, покачал головой наш собеседник. Он был уже «пенсионного» возраста, около сорока, и лицо его отражало набранные годы, но если глядеть со спины, по его литой, с мощно развернутыми плечами фигуре никак ему не дать было больше двадцати пяти. — Такая вдруг тоска... — Он перевел взгляд с дочери на нас. — Хочется прийти после представления — и увидеть свое, домашнее: свои обои, свой диван, свой стол... лечь спать в свою постель. Переезды, переезды... это утомляет. Как бы хороша ни была гостиница, а все-таки...

А все-таки, даже устав от этой своей жизни, они — все без исключения! — готовят к ней своих детей. Почему же? У них нет никаких баснословных ставок и гонимых, о которых так любят порой распространяться наш гипотетический обыватель, заработок их — обыкновенный среднестатистический заработок советского человека, у них нет никаких материально-бытовых привилегий — скорее наоборот. Так почему же?

Да потому, что цирк с его необходимостью каждодневного сжигания себя на огне жесточайшего напряжения дает такую полноту жизни, освещает ее таким ярким светом смысла, что, если ты сумел жить этой жизнью — и познал счастье ее, то невозможно не пожелать этого же своим детям.

Отсюда и цирковые династии. Гимнастов, акробатов, дрессировщиков, велофигуристов... Велофигуристов Польди, кстати. Я открываю вышедшее второе издание энциклопедии «Цирк» и читаю: «...Александр Александрович Польди (р. 30. VIII. 1912) — велофигурист. Ученик и воспитанник Михаила Иосифовича и Елены Мефодиевны Польди. Выступает с 12 лет; с 1937 — руководитель группового номера. Его жена Ирина Михайловна Польди (р. 12. III. 1919) — велофигуристка, дрессировщица, засл. работник культуры РСФСР (1978), с 1961 директор Краснодарского цирка... Валентина Александровна Польди (р. 30. VIII. 1941) — велофигуристка. Дочь Александра Александровича П., в номере — с 1952».

Имени Елены Польди в энциклопедии нет. Но Елена Польди, цирковая артистка, уже есть. Ей четырнадцать, она ходит в школу, как и все ее сверстницы (разница лишь в том, что школы меняются с такою же частотой, с какой родители переезжают из города в город, но у нее уже есть артистическая книжка, в которой сделана запись, что она такое из себя, как называется ее номер, а также и выписка из приказа по Союзгосцирку, где ей определяется ее артистическая ставка...

— Год назад она вдруг заявила, что будет парикмахером. И работа — из города в город не таскаться,

и всегда на шоколадные конфеты будет... — Ирина Михайловна, та самая, «велофигуристка, дрессировщица, засл. работник культуры», смеется, чиркает спичкой и закурирует. Характер у нее от природы властный, и оттого все ее движения, как у всех властных людей, экономно точны и законченны. — Очень это, знаете, было «приятно» слышать.

Сейчас, спустя шестнадцать лет со времени назначения (в энциклопедии ошибка, не с 1961-го, а с 1964-го), Ирина Михайловна все так же директор цирка, единственно, что, когда она получила назначение, в Краснодаре было шاپито, а теперь стационарный, как водится нынче — из стекла и бетона, этакая громадная «летающая тарелка». Она показывает мне фотографии прежних лет: группа из пяти человек на одном велосипеде, который ведет брат Александра Александровича — Николай Александрович, сама Ирина — впереди, на руле, ни за что не держась, с ослепительной улыбкой, с фигурой балерины, с вытянутыми вперед ногами «скамеечкой»; пятиметровый перш — металлический шест, закрепленный на раме несущегося по кругу велосипеда, а на самом верш его, в стойке на руках — она, Ирина... Сейчас, естественно, она уже так не делает. Время. Годы. (Впрочем, шестидесяти ее лет Ирине Михайловне никак не дашь, и ее серые холодновато-твердые глаза — глаза молодой женщины.)

— Ну вот, а сейчас все-таки выступает, — говорит она, подавая мне новую фотографию — Елены в украшенном блесками костюме, балансирующей на моноцикле, и в голосе ее ясно слышны и любовь и довольство. — Не каждый еще день смотрят ее, но главное не в этом — выступает, захотела. Да и не могло быть иначе. Не сейчас, так позднее захотела бы. Ведь она с пеленок в цирке.

Ирина Михайловна умоляет и протягивает мне очередную фотографию, а на лице у нее так и остается и долго не сходит это выражение любви и довольства. А ведь было, кстати, что и падала с этого самого пятиметрового перша — вдруг во время номера обломился руль, держась за который делала стойку (вот он, между прочим, тот самый сбой, тот случай), вся правая рука осталась исполосованной шрамами; было однажды во время репетиции, когда «сходила» на моноцикле по лестнице, отвлеклась на что-то буквально на доли секунды, и запнулась, и полетела, и выбила зубы... Но все равно: «А сейчас все-таки выступает».

Вот именно: выступает. И коль на чала, то уже все, так и будет выступать, не бросит. Хотя, быть может, иной раз и вспомнит потом о своей «хрустальной» мечте — стать парикмахером — с некоторым сожалением: было бы на шоколадные конфеты... Но не бросит, нет. Цирк не бросают. Какие бы зигзаги ни выделывала судьба, как бы далеко ни относил от манежа, как бы ни препятствовала возвращению на него. Вернулся вот Юлиус, хотя после ранения под Волочаевкой в 1922 году четыре года провалялся по госпиталю и вышел из них инвалидом. Инвалидом! Но вернулся — и был еще силовым акробатом, держал на себе «колонну» из восьми человек, показывал номер «шагающие лестницы» — становился на нижние ступеньки двух стремянок, на каждую из которых «навешивалось» по три человека, а сверху становился еще один, и с этими-то стремянками не просто ходил, а еще и поднимался вместе с ними на помост полутораметровой высоты. Цирк не бросают, даже если настал уже пенсионный возраст. А если сделалось трудно «работать» номер, то переключаются на какой-то более легкий (в физическом смысле) жанр, вот как та же Ирина Михайловна, ушедшая в свою пору из велофигуристок в дрессировщицы. А если уж становится тяжело работать и в другом жанре, то уходят в преподаватели, в инспектора манежа, в администраторы, но всегда в цирке! Уходят, случается, и в директора.

С того двенадцатилетней давности случая, с которого начал эти заметки, я больше не встречался с Магомедовыми. Но слухи, как радиоволны, доходят куда угодно. И по этим слухам, Лолита прошла через отлучение от цирка — из-за тяжелой травмы, закрывшей ей, если можно так выразиться, дорогу на канат, — и тоже вернулась в него, только уже в ином качестве — иллюзионисткой.

Так зачем же мы все-таки ходим в цирк? Водим детей? Действительно, так ярко и празднично в цирке от нарядных детских платьев и звонкого шума их голосов — особенно на дневных представлениях. Но на вечерних-то? Если там и есть дети, то далеко не того возраста, когда происходит первое, романтическое познание мира, и цирк — это мощный толчок фантазии по истолкованию и пониманию

нию его. Так отчего же? Посмотреть на демонстрацию, как пишут часто в различных специальных работах о цирке, силы, ловкости, смелости и т. п.? Чужой силы, чужой ловкости, чужой смелости? Но одно дело спорт, даже если ты сам и не занимаешься им: там момент соперничества, момент борьбы — драматическая коллизия, конфликт, в результате чего иного болельщика может хватить даже инфаркт от переживания, но что в цирке-то? Ведь человеческая наша психология такова, что мы остаемся холодны и равнодушны — лишь любопытны бываем! — ко всякому событию, факту и т. п., если мы не чувствуем его близким себе, если мы не переживаем его. Так, значит, что-то близко в цирке, в явлении цирка душе каждого из нас, есть какая-то внутренняя связь между разворачивающимся на его манеже и под его куполом действием и нами, зрителями, людьми в большинстве своем обычными — обычной жизни, обычных норм ее, обычных радостей и тревог — обывателями то есть в исконном, обычном, первоначальном смысле этого слова?

Есть, да. В этом и состоит феномен цирка, искусства его, казалось бы, не обращающегося к нашей душе, а на деле — не в меньшей степени, чем искусство драматическое. Это лишь на таких глубинах нашего сознания, что чаще всего мы просто не в состоянии осознать причину. Просто, увидев афишу, а на ней — летящих в воздухе гимнастов, дрессировщика, лежащего среди львов, мы чувствуем в груди некий непонятный зуд, какой-то укол: надо сходить. И вот как-нибудь собираемся и идем.

А идем мы не просто дивиться, не просто восторгаться, идем мы за тем большим, что, собственно, в конечном своем итоге и дает нам искусство, — постижением себя. Мы не умеем, мы никогда в жизни не пробовали и не попробуем, раскачавшись на трапеции, лететь так по воздуху, мы никогда в жизни не бывали с хищником так рядом и не знаем, как вести себя с ним, не будучи отгороженными прутьями клетки, а эта ловкость фокусника — немисливо, неужели человек может такое?!

Мы говорим себе: немисливо, — но знаем при этом, что мыслимо. Ведь мы же видели, убедились. Как многое мы с л и м о, как многое возможно, и все это в пределах сил человека, такого же, как все мы, с двумя руками, двумя ногами...

Мы ходим в цирк — заглянуть в себя иных, возможных; мы ходим увидеть человека, такого же, как мы, в состоянии экстремального использования своих обычных — человеческих! — сил и понять, что это возможно. Мы ходим учиться. Учиться возможностям нашего человеческого тела и духа. Мы складываем в себя полученные знания, от поры до поры обновляя их, и, как всякое знание, оно лежит в нас до времени не востребуемым, но настаивает миг...

Ясное дело, что в этот свой миг мы не вспомним о цирке и не приложим к себе мерку какого-либо виденного нами когда-то номера. Как не вспомним чего-то и другого, другого знания — прочитанной ли книги, встреченного ли на нашем жизненном пути человека, — но все это вкупе определит наше поведение, наши поступки.

Наверное, в своем будущем цирк будет как-то меняться, трансформироваться, одни жанры будут вытесняться, другие, сейчас забытые, вдруг обретут новую жизнь, развитие техники может привести в цирк вообще что-то совершенно непредугадываемое — что говорить, трудно заглядывать вперед. Но в одном цирк, несомненно, останется неизменным: в нравственной своей сути.

Ходите в цирк! Даже если вы его не любите, все равно ходите. Потому что это неправда, что вы его не любите, вам это кажется, не любить его невозможно. Вы не любите халтурщиков, какие случаются в любом деле, это они вас раздражают. Но бог с ними, с халтурщиками, можно ведь их и не заметить. Можно. Как проходим мы в картинной галерее мимо полотна конъюнктурщика, привораживаем громкость радиоприемника на дрянной песне. И тогда для наших слуха и зрения останутся лишь мастера. И произойдет прикосновение к тайне, к Фантастичному, а это так нам нужно в нашей обыкновенной, обдденной жизни.

У Л. Арагона есть такая вещь: «Агри Матисс. Роман». Так вот она странно называется. То есть как бы его, Л. Арагона, внутренний, духовный роман с этим прекрасным художником.

Вот я написал то немногое, что накопилось во мне за двенадцать лет моего внезапно возникшего романа с цирком. Но закончился ли он на этом? Не знаю. Какие он еще сплетет сюжеты? А я — хочу того или не хочу — его пленник...

«КАМА» И МИШКИ НАХОДЯТ ХОЗЯЕВ

БОРИС ЛАГУТИН ВРУЧАЕТ ИРЕНЕ ИКАУНИЕК ВЕЛОСИПЕД «КАМА»: «ВЫБИРАЙТЕ — КАКОЙ ЦВЕТ ВАМ ПРАВИТСЯ? КРАСНЫЙ, ЖЕЛТЫЙ, ЗЕЛЕНый...»

МИХАИЛ БУРЦЕВ ПОЗДРАВЛЯЕТ ПЕНСИОНЕРКУ ИЗ БАРНАУЛА ВАЛЕНТИНУ ИВАНОВНУ ДЕМИНУ С ПРИСУЖДЕНИЕМ ВТОРОГО ПРИЗА — ОЛИМПЕЙСКОГО МИШКИ.

Последним турниром Олимпиады-80 назвал один из журналов «Олимпийский турнир знатоков» — читательский конкурс, организованный редакцией журнала «Смена». Все время, что длилось это заочное состязание любителей спорта, в редакции хранились призы для победителей: три дорожных складных велосипеда марки «Кама» и десять симпатичных мишек, точных копий официального талисмана Игр XXII Олимпиады в Москве. И вот в один из дней на исходе сентября в редакции собрались лауреаты нашего конкурса, специально для этого приглашенные в Москву.

На встречу с победителями «Олимпийского турнира знатоков» пришли почетные гости: двукратный олимпийский чемпион по боксу, председатель Федерации бокса СССР Борис Лагутин, олимпийская чемпионка 1976 года по плаванию Марина Юрченя, участница четырех Олимпиад, серебряный призер Московских Игр по бегу Людмила Маслакова, чемпион Олимпиады-80 в командном зачете и серебряный призер в личном зачете по фехтованию на саблях Михаил Бурцев. Среди участников торжественной церемонии вручения призов были и те, чьими усилиями в большой мере были изготовлены и безвозмездно переданы редакции конкурсные награды: заместитель директора производственного объединения «Роспромгрушка» — Петр Кириллович Подлинов и заместитель главного инженера московского завода пластмассовых игрушек «Огонек» — Наталья Михайловна Шацева.

Итак, двенадцать победителей, освещаемые яркими лампами бригады телевизионных операторов, собрались в редакционном зале. Тринадцатый приехать не сумел, и прежде чем рассказать о тех, кому вручали в тот день призы и почетные дипломы журнала «Смена», стоит процитировать телеграмму, присланную в Москву тринадцатым чемпионом.

«С БОЛЬШОЙ РАДОСТЬЮ УЗНАЛ О ПРИСУЖДЕНИИ МНЕ ПРИЗА ЗА УЧАСТИЕ В ОЛИМПЕЙСКОМ ТУРНИРЕ ЗНАТOKОВ ОТ ДУШИ БЛАГОДАРИЮ РЕДКОЛЛЕГИЮ ЖЮРИ И ОРГАНИЗАТОРОВ КОНКУРСА ЗА ДОСТАВЛЕННУЮ РА-

ДОСТЬ ПОЗДРАВЛЕНИЯ ПРИГЛАШЕНИЕ ПРИЕХАТЬ МОСКВУ ОЧЕНЬ ОЧЕНЬ СОЖАЛЕЮ ЧТО ОБСТОЯТЕЛЬСТВА НЕ ПОЗВОЛИЛИ МНЕ ПРИЕХАТЬ МОСКВУ СТАТЬ ВАШИМ ГОСТЕМ ЖЕЛАЮ КОЛЛЕКТИВУ ЛЮБИМОГО ЖУРНАЛА СМЕНА ВСЕМ ГОСТЯМ ТОРЖЕСТВА БОЛЬШИХ УСПЕХОВ ЗДОРОВЬЯ СЧАСТЬЯ ЖДУ НОВЫХ КОНКУРСОВ БУДУ НАДЕЯТЬСЯ НА НОВЫЕ ПОБЕДЫ И ВСТРЕЧУ РЕДАКЦИЕЙ ВСЕГДА БУДУ ВЕРЕН ОЛИМПЕЙСКИМ ИДЕАЛАМ ЛЮБИТЬ И ПРОПАГАНДИРОВАТЬ СПОРТ ЕЩЕ РАЗ ОГРОМНОЕ СПАСИБО ОГРОМНЫМ ПРИВЕТОМ С ЮЖНОЙ ГРАНИЦЫ КАПИТАН ЕФИМОВ»

А кто же те двенадцать, с которыми мы встретились? Первые призы — велосипеды — присуждены Давиду ДАВЫДЯНЦУ из Ставрополя, Ирене ИКАУНИЕК из Латвии, Ольге ГРАЧЕВОЙ из Орска, имена остальных победителей названы в «Смене» № 21.

Давиду 28 лет, он окончил Ставропольский политехнический институт и работает инженером-электриком. Увлекается спортом, постоянно выписывает «Смену» и «Спортивную жизнь России». На победу в конкурсе никак не рассчитывал, а рассуждал по олимпийскому принципу: «Главное — не победа, а участие».

Ирена Икаунiek, инженер-математик, имеет некоторый опыт участия в конкурсах. К вопросам и заданиям она относится с научной серьезностью и обстоятельностью. Цель свою видела в том, чтобы благодаря «Олимпийскому турниру» узнать побольше о спорте и олимпийском движении. Но этим ее интерес к спорту не ограничивается. 29-летняя Ирена регулярно ходит на лыжах и совершает пробежки, а раньше имела 2-й разряд по легкой атлетике.

Ольга Грачева, 14-летняя восьмиклассница, честно призналась, что на некоторые вопросы ей помогал отвечать ее отец Александр Петрович Грачев, инженер Орского механического завода. Также вместе отец и дочь ходят на соревнования по хоккею и футболу, на мотогонок на льду, популярные в их городе.

Привязаны к спорту и остальные победители конкурса. Глядя на этих людей, можно было с полным основанием сказать, что спорту и вправду все возрасты покорны: возрастной диапазон наших призеров — от 14 до 66 лет. Весьма широка и география «Олимпийского турнира»: от Якутска до Смоленска, от Архангельска до Турмениястана. Разнообразен и социальный состав: рабочий-фрезеровщик и главный агроном колхоза, сотрудник милиции и студентка, преподаватель физкультуры и пенсионерка...

На прощание лауреаты получили особое задание редакции. Задание, которое прямо вытекало из их же пожеланий. В будущем году «Смена» предполагает организовать новые конкурсы, в том числе, естественно, и спортивный. Но каким быть этому новому турниру? Мы обратились к победителям с просьбой подумать на эту тему и прислать до конца ноября этого года свои вопросы, задания, предложения, по возможности конкретные и не слишком обычные. Когда будут опубликованы задания конкурса, мы обязательно укажем их авторов.

Дорогие читатели! Редакция обращается с аналогичным пожеланием не только к победителям прежнего конкурса, но и ко всем, кто хотел бы принять участие в конкурсе будущем. Присылайте нам свои вопросы и задания, выскажите свое мнение о том, как должно быть организовано новое спортивное заочное состязание знатоков и любителей физической культуры!

**К 100-летию
со дня рождения
А. А. Блока**

Владимир ЕНИШЕРЛОВ

Фото Светланы САФОНОВОЙ

Приятель Александра Александровича Блока, поэт В. А. Зоргенфрей вспоминал, как вскоре после Февральской революции, весной 1917 года, он слушал Блока в Тенишевском зале в Петрограде. «Не один я,— писал Зоргенфрей,— поражен был... подбором стихов, исключительно зловещих, и тоном голоса, сумрачным до гневности. «О России, о России!»— кричали ему из публики после стихов из цикла «Пляски смерти». «Это все—о России»,— почти гневно отвечал он».

Чтобы понять логику пути Блока от мистической замкнутости к народу, к Революции, недостаточно анализировать лишь его лирику, как это чаще всего делали современные поэту критики. Только рассматривая совокупно Блока—поэта, прозаика, драматурга, публициста, обращаясь к его переписке и заметкам в дневниках и записных книжках, погружаясь в истоки его творчества,— можно по крупицам собрать воедино глубинное, диалектическое, социальное мировоззрение поэта, понять его жизнь. И станут ясны слова, написанные Блоком в ответ на возмущенное послание З. Гиппиус, вызванное поэмой «Двенадцать»: «Во мне

не изменилось ничего... но только рядом с второстепенным проснулось главное». Быть может, в этих словах ключ к разгадке тайны Блока, они объясняют неожиданное для многих появление «Двенадцати», «Скифов», статей 1918—1920 годов, да и всю общественно-культурную деятельность поэта в послереволюционный период. Действительно, то, что Блок считал «второстепенным» в себе, с чем мучительно боролся, стремясь «выздороветь», вырваться («...ненавижу свое декадентство и бичую его в окружающих, которые менее в нем повинны, чем я»), было многим его современникам если не понятно, то известно. «Главного» же большинство в нем не подозревали и не ожидали. А когда увидели, не захотели поверить в органичность, оправданность всем прошлым опытом появления тех же «Двенадцати».

«Господа, вы никогда не знали России и никогда ее не любили»,— писал Блок в связи с возгласами негодования, вызванными статьей «Народ и интеллигенция». Сам он много и напряженно размышлял о судьбах России и точно сказал о своей судьбе в письме К. С. Станиславскому: «...Стоит передо мной моя тема, тема о России... Этой теме я сознательно и бесповоротно посвящаю жизнь. Все ярче сознаю, что это—первейший вопрос, самый жизненный, самый реальный. К нему-то я подхожу давно, с

ЕКАТЕРИНА БЛОК—ПРАПРАБАБКА ПОЭТА.

Миниатюра середины XVIII века.

АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ БЛОК—ПРАДЕД ПОЭТА.

Акварель Петра Соколова, 1829 г.

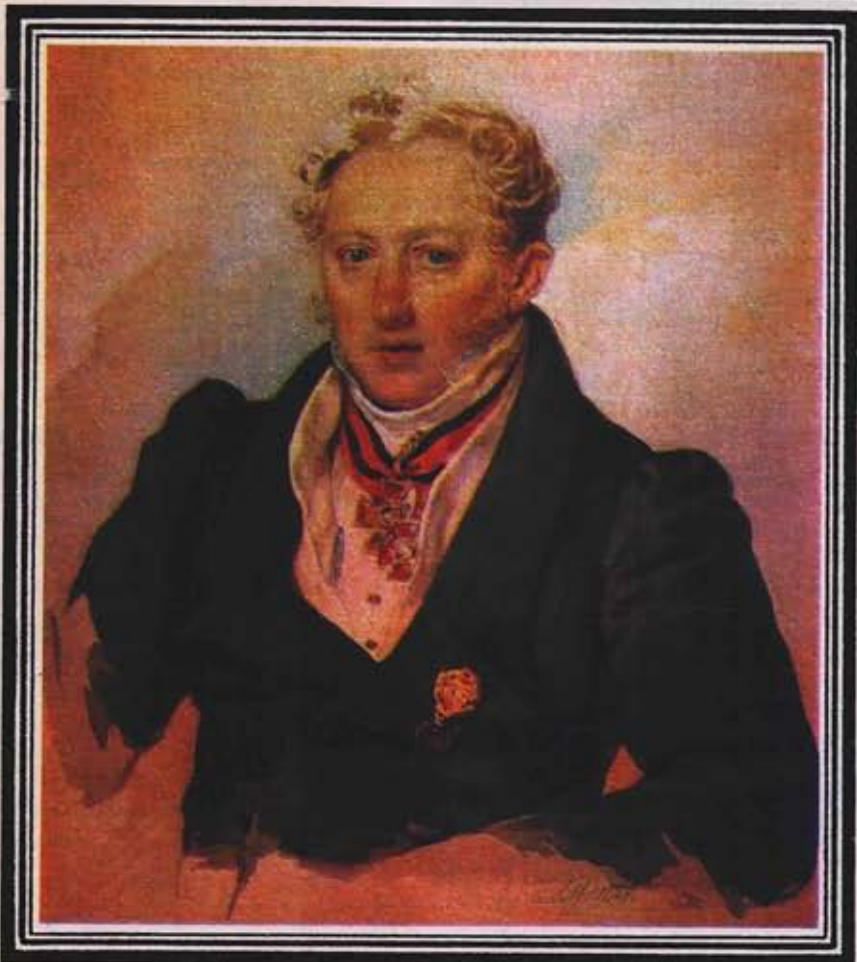
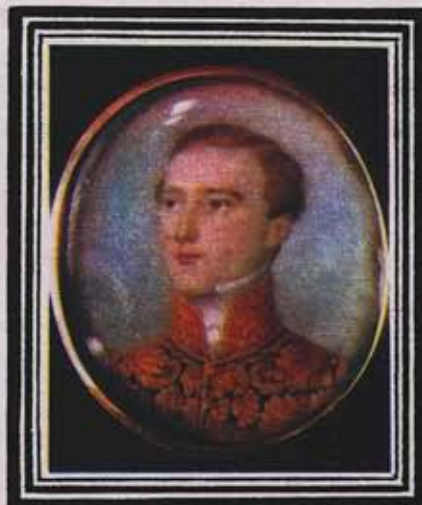

Рисунок Геннадия НОВОЖИЛОВА

«ЭТО ВСЕ-О»

ЛЕВ АЛЕКСАНДРОВИЧ БЛОК—ДЕД ПОЭТА.

Миниатюра начала 40-х годов XIX века.

ПУБЛИКУЮТСЯ ВПЕРВЫЕ.

РОССИИ»

отличающимися, к стати заметить, прекрасным литературным языком, писал романы, рассказы, стихи, хорошо рисовал. Общественный темперамент, артистичность, детская чистота характера привлекли к Андрею Николаевичу самых разных людей. Девизом его деятельности было: «Дать русскому народу света, больше света», и этой благородной задаче он отдавал все свои силы. Время ректорства А. Н. Бекетова считается самым ярким в истории Петербургского университета.

Блок отчетливо сознавал, где искать истоки, корни, питавшие его творчество. Конечно, не случайно в написанной в 1915 году автобиографии так много внимания уделяет он семье Бекетовых: «Здесь именно любили и понимали слово: в семье господствовали,

ТОПОЛЬ СЕРЕБРИСТЫЙ ПОМНИТ БЛОКА.

В ОКРЕСТНОСТЯХ ШАХМАТОВА.

Карелина, первая приняла на руки родившегося Александра Блока, она же научила его читать.

В восемнадцать лет ее любимая внучка, Александра Андреевна Бекетова, живая, впечатлительная девушка, в чьем характере веселость и шаловливость неожиданно сменялись приступами беспричинной тоски, вышла замуж за молодого блестящего юриста Александра Львовича Блока. Происхождения отец поэта — полунемецкого. Его мать — урожденная Черкасова, дочь известного псковского губернатора, много сделавшего для развития древнего русского города. Отец Александра Львовича — потомок Иоганна Фридриха Блока, медика из Мекленбург-Шверина, вступившего в 1755 году в русскую службу.

Александр Львович Блок, человек одаренный, оставил довольно скромное, но своеобразное научное наследие. В первой своей книге «Государственная власть в европейском обществе» А. Л. Блок восстает против государственности и исповедует революционный анархизм.

начала своей сознательной жизни, и знаю, что путь мой в основном своем устремлении — как стрела, прямой, как стрела — действительный. Может быть, только не отточена моя стрела. Несмотря на все мои уклонения, падения, сомнения, покаяния, — я иду... Недаром, может быть, только внешне наивно, внешне бессвязно произношу я имя: Россия. Ведь здесь — жизнь или смерть, счастье или погибель».

Александр Блок родился 16(28) ноября 1880 года в Петербурге. Его мать — младшая дочь ректора Петербургского университета А. Н. Бекетова, знаменитого профессора ботаники, просветителя, одного из организаторов высшего женского образования в России. В молодости Андрей Николаевич увлекался идеями Фурье и Сен-Симона, был далеко не чужд литературе и наряду с научными работами,

ПЕТЕРБУРГСКАЯ КВАРТИРА А. И. БЛОКА. 30-Е ГОДЫ XIX ВЕКА.

в общем, старинные понятия о литературных ценностях и идеалах... Первым вдохновителем моим был Жуковский. С раннего детства я помню постоянно набегавшие на меня лирические волны... «Сочинять» я стал чуть ли не с пяти лет».

Женат А. Н. Бекетов был на Е. Г. Карелиной, дочери выдающегося русского путешественника, исследователя Средней Азии Григория Силыча Карелина.

Из-за смелой шутки в адрес всеильного Аракчеева был прапорщик Карелин сослан в Оренбург, где его блестящие способности и образование обратили на опального офицера внимание оренбургских военных губернаторов. Из Оренбурга совершил прадед Блока путешествие, сделавшее эпоху в изучении Средней Азии. Г. С. Карелин женился на оренбургской уроженке Сашеньке Семеновой, красавице и умнице, получившей образование в Петербургском пансионе Е. Шредер, где преподавал, в частности, друг Пушкина — Плетнев. Прабабушке Блока посвящал стихи Дельвинг, она хранила автографы Пушкина, встречалась с декабристами. Именно она, Александра Николаевна

В 1880 году цензура присудила эту книгу к сожжению. Лишь ценой больших усилий труд удалось спасти. Вторая книга — «Политическая литература в России и о России» — представляет собой интересное сочетание науки и публицистики, памфлета и социальной утопии. Автор едко обличает буржуазную Европу и противопоставляет ей русское «мужичье царство». Это своеобразное славянофильство удивительно перекликается с позднейшими идеями его сына, выраженными в публицистике и в стихотворении «Скифы».

Последние двадцать лет жизни профессор Варшавского университета А. Л. Блок трудился над сочинением, посвященным классификации наук. И здесь его научные идеи вошли в противоречие с артистическим темпераментом. Сын писал об отце: «Судьба его исполнена сложных противоречий, довольно необычна и мрачна... Знаток изящной литературы и тонкий стилист, отец мой считал себя учеником Флобера. Последнее и было главной

причиной того, что он написал так мало и не завершил главного труда жизни, свои непрестанно развивающиеся идеи он не сумел вместить в те сжатые формы, которых искал; в этом искании сжатых форм было что-то судорожное и страшное...

Все знавшие Александра Львовича отмечают, что в молодости он был необыкновенно красив. Черноволосый, с бледным удлинённым лицом, серо-зелеными глазами, тонкими чертами, порывистый и легкий, он сразу привлекал внимание.

*Его отмечены черты
Печатью не совсем обычной.
Раз (он гостинию проходил)
Его заметил Достоевский.
«Кто сей красавец?» —*

*он спросил
Негромко, наклонившись
к Вревской:
— «Похож на Байрона».— Слово
Крылатое все подхватили,
И все на новое лицо
Свое внимание обратили.
На сей раз милостив был свет,
Обыкновенно — столь упрямый;
«Красив, умен» — твердили дамы,
Мужчины морщились: «поэт»...*

Блок не погрешил против истины, рисуя в «Возмездии» эту сцену. Действительно, Александр Львович на одном из вечеров у известной общественной деятельницы А. П. Философовой, где бывал и Достоевский, привлек внимание великого писателя. Говорили, что тот хотел сделать его даже героем одного из романов.

Выход своим лирическим порывам Александр Львович находил лишь в музыке. По воспоминаниям он был талантливейший пианист. «И когда — нередко среди глубокой ночи — он садился за рояль, то раздавались звуки, свидетельствующие, что музыка была для него не просто техникою, алгеброю тонов, а живым, почти мистическим общением с гармонией, если не действительно, то возможно, космоса. Гармония стиха или мелодии нередко совершенно отвлекала его от суровой прозаической действительности, а также связанных с нею практических дел и увлекала в мир грез». Это вспоминает ученик и биограф отца Блока, автор книги о нем, профессор Е. В. Спекторский.

Конечно, стихия музыки, утонченная внутренняя музыкальность в Блоке от отца. От отца в поэте и другое наследие — ирония. Александр Львович, утверждавший, что в «гармоническом сочетании реализма и идеализма заключается высший смысл русской поэзии, литературы и жизни», сам был раздвоен между идеализмом и реализмом. «Ирония, — замечал Спекторский, — властно толкала его мысль на путь критики всякого рода иллюзий, и притом критики, дающей отрицательные, более или менее безотрадные плоды, рассеивающей воздушные замки и ничего не оставляющей, кроме действительности во всей ее печальной наготе. Но вместе с тем она сопровождалась какой-то грустью, какой-то тоской по иллюзии, каким-то желанием все-таки не расстаться окончательно с мечтою и верить в нее».

Многие черты великого сына видим мы уже в характере отца, судьбой своей подтвердившего слова поэта: «Сны отражены в отцах...» Действительно, та же музыкальная стихия и ирония, обостренная тревога и трагическое восприятие мира.

Но Сашура Блок рос, не зная отца, с которым жизнь матери не сложилась, окруженный заботами всей семьи. В доме Бекетовых установился настоящий культ ребенка. Вспоминая много позже детство, Блок постоянно подчеркивал «золотое детство», называя себя баловнем судеб. И при всем этом: «Жизненных опытов не было долго,

сознательной жизни еще дольше. Смутно помню я большие петербургские квартиры с массой людей, с няней, игрушками, елками, баловством — и благоуханную глушь маленькой дворянской усадьбы с. Шахматово, Московской губернии Клинского уезда», — писал Блок.

Это затерянное среди холмов, полей и лесов Подмосквы место средней России сыграло огромную роль в судьбе поэта. Маленького Сашу впервые привезли туда, когда ему едва исполнилось полгода. С тех пор Шахматово вошло в жизнь Блока. Каждое лето в течение тридцати лет приезжал он в этот старый, стоявший на высоком холме над полноводной тогда речкой Лутосней, уютный дом. Он любил Шахматово. Первая книга стихов, впервые пробудившая любовь к родной земле — все это родилось в «благоуханной тиши» деловской усадьбы. Поэту были досконально знакомы ее окрестности. Пешком, а чаще на высоком белом коне он прошел и проехал дремучие леса, поднимался на кручи, пересекал реки и овраги. Вся эта земля — родина поэзии Блока. Шахматово стало для него символом России, здесь рождалась неповторимая мелодия блоковских стихов. Не раз говорил он, что хотел бы жить и умереть именно в Шахматове, а незадолго перед смертью записал в дневнике, что снилось Шахматово, и вспомнил его в стихах:

*...Леса, поляны,
И проселки, и шоссе,
Наша русская дорога,
Наша русские туманы,
Наша шелесты в овсе...*

Анна Ивановна Менделеева, мать жены Блока, писала: «Лето Бекетовы проводили в своем маленьком подмосковном имении Шахматово, верст 7 от Боблова, имения Дмитрия Ивановича Менделеева, по совету которого они купили свое. Трудно представить себе другой более мирный, поэтический и уютный уголок. Старинный дом с балконом, выходящим в сад, совсем как на картинах Борисова-Мусатова, Сомова. Перед балконом старая развешенная липа, под которой большой стол с вечным самоваром: тут варились варенье, собирались поболтать, полакомиться пенками с вареньем — словом, это было любимым местом. Вся усадьба стояла на возвышенности, и с балкона открывалась чисто русская даль. Из парка через маленькую калитку шла тропинка под гору к пруду и оврагу, заросшему старыми деревьями, кустарниками и хмелем, и дно оврага и пруд покрывались роскошными незабудками и «зеленью», дальше шел большой лес, место постоянных прогулок маленького Сашу с дедушкой». Шахматово вошло во многие стихи Блока, но особенно зримо оно в отрывке из незаконченной второй главы «Возмездия»:

*И дверь звенящая балкона
Открылась в липы и в сирень,
И в синий купол небосклона,
И в лень окрестных деревень.
Туда, где вьется пестрым лугом
Дороги узкой колея,
Где обвелась...
Усадьба чья-то и ничья.
Где по холмам и по ложбинам,
Меж полосами светлой ржи
Бегут, сбегаятся к овинам
Темно-зеленые межи...*

Первыми товарищами детских игр Блока были двоюродные братья Андрей и Феликс Кублицкие. Они зимой жили в Петербурге, а лето проводили в Шахматове. Именно с двоюродными братьями, а также с другими родственниками — Недзвецкими и Лозинскими, при участии матери, бабушки и некоторых знакомых четырнадцатилетний Блок начал издавать рукописный

журнал «Вестник», выходявший три года по одному экземпляру в месяц. Блок писал в журнал стихи, рассказы, иллюстрировал журнал своими рисунками. Особенно удавались ему в то время юмористические шуточные стихи. К «Вестнику» Блок относился крайне серьезно. Сохранились некоторые его письма «сотрудникам» журнала, подписанные — редактор Александр Блок». «Тогда уже меня поразила и пленила в нем любовь к технике литературного дела и особенная актуальность, — вспоминал С. М. Соловьев. — Тетради журнала имели образцовый вид, на страницах были приклеены иллюстрации, вырезанные из «Нивы» и других журналов. Он подарил мне несколько таких картинок. Когда я дал ему в «Вестник» рассказ, он прислал мне коробку шоколадных сардин, написав, что это — в подарок, а не в виде гонорара, который будет выслан после».

Неподалеку от Шахматова, на высоком, господствующем над всей окрестностью холме, в старом, дремучем парке построил свой дом великий русский ученый Дмитрий Иванович Менделеев. Летом 1898 года окончивший гимназию Блок появился в менделеевском Боблове, чтобы договориться о любительских спектаклях. Здесь он впервые встретил свою Прекрасную Даму — Любовь Дмитриевну, дочь Менделеева. И полились стихи, которые позже составили один из замечательных лирических циклов, — знаменитые «Стихи о Прекрасной Даме».

В них поэт раскрыл тайну своей жизни, тайну родившейся в юности любви, которую пронес через десятилетия, несмотря ни на что:

*Я и молод, и свеж, и влюблен,
Я в тревоге, в тоске и в мольбе,
Зеленеет таинственный клен,
Неизменно склоненный к тебе,
Теплый ветер пройдет*

*по листьям —
Задрожат от молитвы стволы,
На лице, обращенном к звездам,
Ароматные слезы хвалы.
Ты придешь под широкий шатер
В эти бледные сонные дни
Заглядывая на мильный убор,
Размечтаться в зеленой тени.
Ты одна, влюблена и со мной,
Нашепчу я таинственный сон,
И до ночи — с тоскою, с тобой,
Я с тобой, зеленеющий клен.*

В предисловии к «Стихам о Прекрасной Даме» Блок замечал: «Эта книга написана в одиночестве; здесь деревенское преобладает над городским: все внимание направлено на знаки, которые природа щедро дарила слушающим с верой... Четвертая глава (1901 год) имеет первенствующее значение: она впервые освещает смутные искания трех вступительных глав; она же есть тот «магический кристалл», сквозь который я различаю впервые, хотя и «неясно», всю «даль свободного романа».

Ко времени выхода «Стихов о Прекрасной Даме» (осенью 1904 года) поэзия петербургского студента Александра Блока завоевала некоторое признание. В Москве восторженно приняли его стихи студент-естественник Б. Н. Бугаев (Андрей Белый), Сергей Соловьев, племянник философа, и еще небольшой круг молодых людей, которые, как вспоминал Белый, «жили в романтической атмосфере «зари», были людьми нового мироощущения. Символической «школы» еще не существовало: в Москве и в Петербурге было лишь несколько «чудаков», которые «что-то» видели и «чего-то» ждали».

Именно стихи Блока выразили для Белого и Сергея Соловьева ту непередаваемую музыку, которой жил мир на заре века. «Казалось, — вспоминает Белый, — что Блок написал только то

что сознанию выговаривал воздух: розово-золотистую и напряженную атмосферу эпохи действительно осадил он словами».

...А в мире уже слышались звуки близящихся катастроф. И чуткая душа поэта обостренно улавливала изменения, которыми была насыщена жизнь в России в преддверии первой русской революции.

Ощущение исторических перемен, которых с таким нетерпением ждал Блок, породило в его творчестве новые темы. В его поэзии послышался язык улицы, мелодия городских окраин, зашумела жизнь повседневная. Романтическая мелодия стихов о Прекрасной Даме обрела более конкретное звучание в темах стихов второго сборника — «Нечаянная радость». «Прилив сил, освященное чувство природы, детски чистое ощущение целостности мироздания дал Блоку пятый год. Летом он увидел болотного попка, бога тварей, что было большой дерзостью тогда», — писал Сергей Городецкий о Блоке периода первой русской революции. Не случайно один из разделов сборника «Нечаянная радость» Блок так и назвал: «1905 год».

Выход из лирической уединенности Блок искал и в искусстве театра. Он в юности любил театр, одно время мечтал даже о профессиональной сцене, а с годами стал обостренно сознавать, что именно театр изобличает бесплотность формулы «искусство для искусства». «Ибо театр — это самая плоть искусства — та высокая область, в которой «слово становится плотью». Вот почему почти все, без различия направлений, сходятся на том, что высшее проявление творчества есть творчество драматическое». Так сказал Блок в замечательной статье «О театре». Именно этот взгляд на театральное искусство позволил Блоку в форме драматических сцен поставить многие мучившие его вопросы бытия.

На этом пути поэт создает знаменитый «Балаганчик», премьеры которого в постановке В. Мейерхольда состоялась в театре В. Ф. Комиссаржевской в последний день 1906 года.

Спектакль сблизил Блока с актерами и актрисами театра. Лучшая постановка Мейерхольда стала рубежом и в судьбе автора пьесы. В театре Блок познакомился с актрисой Натальей Николаевной Волховой:

*Вот являлась. Заслонила
Всех нарядных, всех подруг,
И душа моя вступила
В предназначенный ей круг.*

В снежную, вьюжную зиму 1907 года создавалась пленительная «Снежная маска», обращенная к Волховой: «Посвящая эти стихи Тебе, высокая женщина в черном, с глазами крылатыми и влюбленными в огни и мглу моего снежного города».

*И под знойным снежным стоном
Расцвели черты твои.
Только тройка мчит со звоном
В снежно-белом забытии.
Ты взмахнула бубенцами,
Увлекла меня в поля...
Душишь черными шелками,
Распахнула соболь...
И о той ли вольной воле
Ветер плачет вдоль реки,
И звенят, и гаснут в поле
Бубенцы и огоньки?*

То был напряженнейший период в жизни поэта. Недаром много позже сравнил он его со временем создания поэмы «Двенадцать». Вихри снежной метели не занесли, а обнажили в нем катастрофическое ощущение эпохи. В лирических темах третьего сборника Блока — «Земля в снегу», куда разделом вошла «Снежная маска», явственно слышен трагический мотив его судьбы. «Стихи о Прекрасной Даме» — ранняя утренняя заря, — писал

Блок — «Нечаянная Радость» — первые жгучие и горестные встречи, первые страницы книги бытия. И вот «Земля в снегу». Плод горестных восторгов, чаша горького вина... Я знаю сам страны света, звуки сердца, лесные тропинки, глухие ураги, огни в избах моей родины, яркие очи моей спутницы... В конце пути, исполненного падений, противоречий, горестных восторгов и ненужной тоски, расстилается одна вечная и бескрайняя равнина — изначальная родина, может быть, сама Россия... И снега, застилающие землю — перед весной. Пока же снег слепит очи, и холод, сковывая душу, заграждает пути, издали доносится одинокая песня Коробейника: победно-грустный, призывный напев, разносимый выюгой:

Ой, полна, полна коробушка...

Так в лирических образах блоковской прозы прочерчивается линия его стихов к основной теме России. В повестях снежной российской выюги слышит поэт стоны «Куликова поля».

В январе 1908 года Блок пишет Брюсову: «Все мои литературные занятия заслонились пока большой пьесой, над которой я мучаюсь вот уже год». В драме «Песня Судьбы» поэт явственно ощущает связь времен, видит себя конкретным участником исторических событий. Особенно отчетливо это проявляется в монологе Германа — центрального героя пьесы, в котором легко узнается сам Блок: «Все, что было, все, что будет, — обступило меня: точно эти дни живу я жизнью всех времен, живу муками моей Родины...»

События исторического прошлого привлечены Блоком для решения актуальнейшей проблемы — отношения народа и интеллигенции. «Есть между двумя станами — между народом и интеллигенцией — некая черта, на которой сходятся и стовариваются те и другие. Такой соединительной черты не было между двумя станами, явно враждебными...» — писал Блок в статье «Народ и интеллигенция». Пытаясь аналитически проследить эту связь, диалектическую преемственность исторических судеб, Блок утверждает, что именно на некоей «согласительной черте» вырастают значительные явления культуры, и для подтверждения этих слов обращается к имени Горького, «здоровая кровь» которого рождает своих героев. И появляется в заключении статьи ключевой для Блока образ-символ — гоголевская тройка. Здесь провидение неминуемого грядущего взрыва, постановка вопроса об объективно трагическом обострении современных противоречий в форме коллизии «народа» (социальных низов) и «интеллигенции» (социальных верхов).

Статья «Народ и интеллигенция», прочитанная вначале как доклад в Литературном обществе, вызвала оживленную полемику.

В газете «Слово» сообщалось: «В свой доклад А. А. Блок внес столько искреннего и глубокого волнения, что невольно откликнулись чуткие, хотя и несозвучные струны в душах слушателей, и вокруг больного — для многих — вопроса о пропасти между народом и интеллигенцией возник на редкость живой и яркий спор». Впечатление от дискуссии Блок передавал матери в письме: «Всего милее были мне: речь Короленко, огненная ругань Столпнера, защита Мережковского и очаровательное отношение ко мне стариков из «Русского богатства» (Н. Ф. Анненского, Г. К. Градовского, Венгерова и др.). Они кормили меня конфетами, аплодировали и относились как к любимому внуку, с какой-то кристальной чистотой и любезностью». Пафос, родивший идеи Блока

с народнической идеологией, видимо, был близок «старикам» из «Русского богатства», пережившим «хождение в народ» и его крах. Поэтому мысль об отдаленности «народа» от «интеллигенции» была понятна им, но зато она была резко воспринята многими, совершенно не знавшими народа представителями символизма.

Однажды Блок сказал, что «писал стихи, потом пьесу, потом статью — на одну тему». «Песня Судьбы», публицистические размышления о народе и интеллигенции, стихи о Куликовом поле — яркий пример, подтверждающий эти слова.

«На поле Куликовом» — маленькая поэма, в которой Блок достиг вершины, поднявшись над всеми современными школами и направлениями, выразив себя как русский национальный поэт, стоящий в одном ряду с титанами — Пушкиным, Лермонтовым, Тютчевым. Во время создания цикла, посвященного Куликовской битве, оглядываясь в прошлое, Блок гениально привидел будущее России, кровавые испытания и победы, которые ожидают его Родину.

Как спокойно, плавно, эпически начинается первое стихотворение цикла:

Река раскинулась. Течет, грустит лениво

И моет берега.

Над скудной глиной желтого обрыва

В степи грустят стога.

Типично русский пейзаж. Такой мог видеть поэт в любимом Шахматове или из окна вагона, проезжая по России. Но уже в следующих строках нагнетается острейший драматизм:

О, Русь моя! Жена моя! До боли Нам ясен долгий путь!

Стихия степного ветра, мглы, багряного заката, безудержного лета копей — все это душа России, выстоявшей в жесточайшем бою. Лирические темы тревоги, тоски, трагедии разлиты в замечательном цикле. «Не может сердце жить покоем...» — его итог.

«Чем больше чувствуешь связь с Родиной, — писал Блок, — тем реальнее и охотнее представляешь ее себе как живой организм». Это утверждение поэтически выражено в знаменитом стихотворении «Россия» — в страстном признании в любви к прекрасной, забытой Родине:

Россия, нищая Россия, Мне избы серые твои, Твои мне песни ветровые, — Как слезы первые любви!

Или в таком истинном лирическом шедевре, как стихотворение «Осенний день»:

Идем по живью, не спеша, С тобою, друг мой скромный, И изливается душа, Как в сельской церкви темной.

Осень, стелется дым над овином, и слышен в небе клик журавлей:

Летят, летят косым углом, Возжак звенит и плачет... О чем звенит, о чем, о чем? Что плач осенний значит?..

И звучит в заключительной строфе голос поэта, обращенный к России:

О, нищая моя страна, Что ты для сердца значишь? О, бедная моя жена, О чем так горько плачешь?

Все стихи, все произведения зрелого Блока написаны от лица сына «страшных лет России», обладающего отчетливой исторической памятью и обостренным предчувствием «неслы-

шанных перемен» и «невиданных мятелей» грядущего.

И когда в 1912 году Блок начал сочинять либретто для балета «из рыцарских времен», которое затем переросло в его лучшее драматическое произведение «Роза и Крест», он думал о судьбе современной России. «Почему же я остановился именно на XIII веке? — спрашивал Блок в записной книжке. — Время — между двух огней, вроде времени от 1906 по 1914 год». В образе героя «Розы и Креста» — Вертрана Блок стремился раскрыть драму современного человека — трагедию разлада между высокой романтической мечтой и грубой действительностью. «Герои и персонажи «Розы и Креста» «современные» люди, — указывал Блок, — их трагедия — наша трагедия».

Характерно, что в разгар империалистической войны, в 1915 году, Блок издает сборник «Стихи о России», куда вошли «На поле Куликовом», «Коршун» и другие стихи о Родине, отмеченные знаком грядущих перемен. «Все — не заказное», — с гордостью писал поэт матери, посылая сборник. Книга эта, как вспоминал поэт Вс. Рождественский, «долго лежала у Горького на рабочем столе, и он не раз открывал ее, чтобы процитировать ту или иную строфу».

Творческая работа Блока прервалась в июне 1916 года, когда он выехал в действующую армию в качестве табельщика инженерно-строительной дружины Союза земств и городов, расквартированной в Белоруссии в районе Пинских болот.

Здесь застала Блока Февральская революция. В. А. Зоренфрей вспоминал: «В военной форме, с узкими погонами «земсоюза», свежий, простой и изящный, как всегда, сидел Блок у меня за столом весною 1917 года; в Петербург он вернулся при первой возможности... О жизни в тылу позиций вспоминал урывками, неохотно; «война — глупость, дрянность...» — формулировал он в конце концов свои впечатления».

Крах императорской власти воспринял Блок как пробуждение к жизни, как начало новой эпохи. «Произошло то, — писал Блок матери в день возвращения с фронта, — чего никто еще оценить не может, ибо таких масштабов история еще не знала. Не произошло не могло, случиться могло только в России... Для меня мыслима и приемлема будущая Россия как великая демократия».

Для того, чтобы понять глубину отношения Блока к Октябрьской революции, необходимо сказать о своеобразном, «музыкальном» восприятии Блоком мира. Он считал, что внешняя сущность окружающего скрывает глубокую внутреннюю музыкальную стихию, немеркнущее, вечно бушующее пламя, которое в разные исторические эпохи то вырывалось наружу, освещая благородным заревом мир, то глубоко скрывалось в недрах, оставаясь уделом лишь бесконечно малого числа избранных. Блок ненавидел времена затухания музыкального пламени. Революцию он приветствовал как новый разлив безудержной музыкальной стихии: «На арену истории выступают «массы», народ, бессознательный носитель духа музыки».

Тема революции вылилась в творчестве поэта в самую значительную и вдохновенную его поэму «Двенадцать». В поэме Блок ощущает революцию сквозь порывистую захлестывающую выюгу, порхающий снег, морозную темную ночь. Герои поэмы резкими черными силуэтами проходят на фоне огромных снежных сугробов. Все произведение выдержано в двух контрастных, борющихся цветах: белом и черном, что создает неожиданную смену ритма, напряженное, тревожное настроение:

*Черный вечер.
Белый снег.
Ветер, ветер!
На ногах не стоит человек.
Ветер, ветер —
На всем божьем свете!*

Из снега, из темного провала улиц появляются герои поэмы. Они очерчены очень общо, чрезвычайно условно. Их действие заключается лишь в том, что они «идут», но они именно идут, идут твердо и уверенно «державным шагом», как все примечающий дозор:

*Кругом — огни, огни, огни...
Оплечь — ружейные ремни...*

*Революционный держите шаг!
Неугомонный не дремлет враг!*

Это представители нового мира, сейчас они вершат судьбы истории. Блок сердцем с ними. Он распаковывает свою душу навстречу очистительному студенному ветру, навстречу революционной выюге, сметающей все на своем пути. За силуэтами красногвардейцев поэт видит новый мир, и это не туманная «очарованная даль», а конкретный мир, преображенный революцией. Этот мир придет на смену уничтожающему остатку старого общества пламени, а пока:

*Мы на горе всем буржуям
Мировой пожар раздуем,
Мировой пожар в крови —
Господи, благослови!*

Жертва во имя нового мира — для Блока святая жертва.

«Двенадцать» стала естественным развитием прошлого творчества поэта. И не только творчества. Ведь есть сведения, что в 1905 году Блок нес красное знамя во время рабочей демонстрации. Однако не следует преувеличивать его революционность. «Никогда я не стану ни революционером, ни строителем жизни» и не потому, чтобы не видел в том или другом смысле, а просто, по природе, качеству и теме душевных переживаний... — писал он отцу еще в 1905 году. Но «не стану» сам не значит «не приму» в других. И вот знаменательная запись в «Дневнике» в марте 1918 года: «Революция — это: я — не один, а мы».

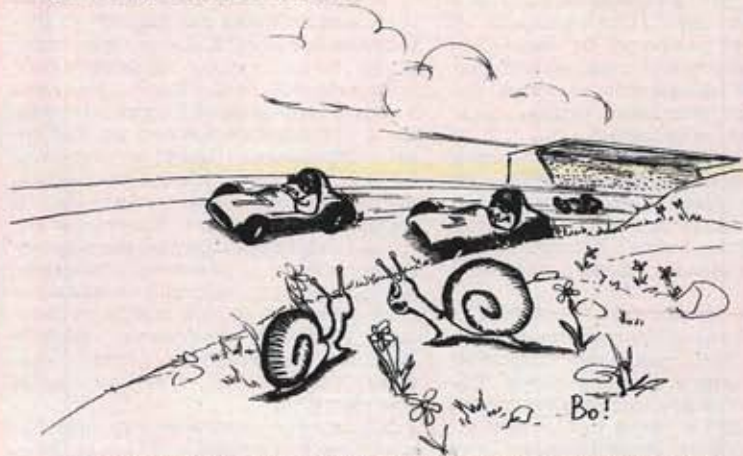
В «Двенадцати», как, может быть, ни в каком другом произведении Блока, слились гармонично его внутренняя «тема душевных переживаний» — тревожность, стихийность, рок, любовь и внешняя тема, всем его современникам понятная и всех волнующая, — крушение старого мира. В этом сила «Двенадцати», в этом ее своеобразие. С. Городецкий пронзительно определил появление поэмы, как слияние старой пушкинской культуры и новой, пролетарской. «Блок, — писал он, — спаял золотой язык прошлого века с языком нашей улицы».

Сам Блок в 1920 году заметил двоюродному брату: «Двенадцать» — как бы они ни были — это лучшее, что я написал, потому что тогда я жил современностью».

Вся логика развития личности и творчества Блока привела его к принятию революции, к страстным словам, сказанным в 1918 году, об обязанности интеллигенции работать с большевиками. Создание новой жизни, новой культуры в послереволюционные годы Блок тесно связывал с участием художника в политической деятельности. И если в былые годы он старался отмежеваться от политики, то теперь записывает в дневнике: «Мы не можем быть «вне политики», потому что мы предадим этим музыку, которую можно услышать только тогда, когда мы перестанем прятаться от чего бы то ни было».

Рисунок Петра ВОСКРЕСЕНКОГО

— Учись хорошо, и ты тоже станешь такой же быстрый!

Рисунок Льва ГУЛИНА
и Александра СОЙФЕРА

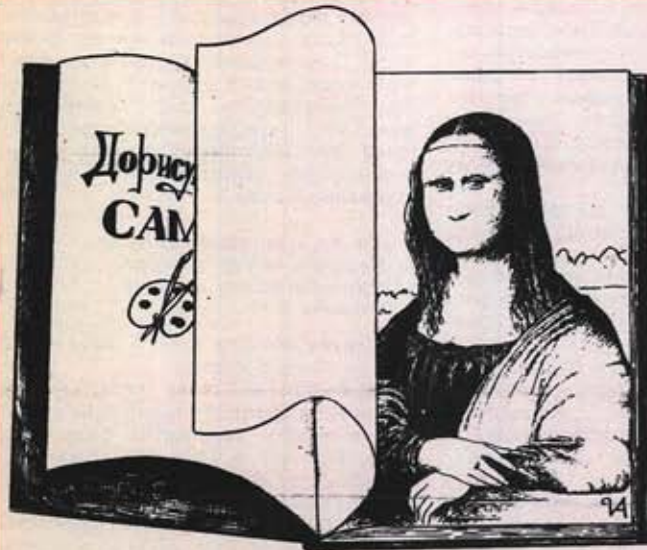

Рисунок Ивана АНЧУКОВА

Рисунок Игоря СУРОВЦЕВА

Рисунок Олега БРИКА

ШАХМАТЫ ШАХМАТЫ

Под редакцией заслуженного тренера РСФСР
Виктора ЛЮБЛИНСКОГО

ШАХМАТЫ ШАХМАТЫ

ЛЮБИТЕЛИ
ШАХМАТ
НА
СТАРТ!

КОНКУРС
«СМЕНА-80»

(Продолжение.
Начало см. в №12—21
журнала).

ОДИНАДЦАТЫЙ ТУР

XIX

Каким образом белые быстрее
всего дадут мат черному королю?
(3 очка).

XX

Ход черных. Как вы оцените
шансы сторон в этой позиции? (4
очка).

XXI

Ход черных. Могут ли они до-
биться ничьей? (5 очков).

Напомним, что на каждой из
трех открыток, которую участник
пошлет в нашу редакцию с ответами
на задания одиннадцатого,
предпоследнего тура, ему нужно
обязательно проставить свой
учетный конкурсный номер. Пись-
ма на этот тур вы должны отпра-
вить в период с 10 по 31 января
1981 года.

ПОБЕДИЛ
МОЛОДОЙ ЧЕЛЯБИНЕЦ

К числу наиболее памятных со-
бытий шахматной жизни уходяще-
го года, несомненно, относится
международный турнир в Сочи,
посвященный памяти выдающего-
ся русского шахматиста М. И. Чи-
горина (1850—1906 гг.). Это соревно-
вание ознаменовалось блестящим
достижением молодого инженера
из Челябинска, чемпиона РСФСР
1979 года Александра Панченко. В
15 сыгранных им турнирных парти-
ях он набрал 10,5 очка, пройдя
нелегкие испытания без единого
поражения. Он уверенно финиши-
ровал первым, оставив за собой
всех соперников, в том числе 13 (!)
международных гроссмейстеров, и
завоевал право на присвоение ему
гроссмейстерского титула.

В шахматном искусстве А. Пан-
ченко можно убедиться, изучив
его партию на чигоринском мемо-
риале с популярным филиппинским
гроссмейстером Эугенио Торре.

Перед вами позиция, сложивша-
я после 15-го хода черных, кото-
рыми играл филиппинец. Смелой и

дальновидной жертвой качества
белые овладевают инициативой и
начинают активные действия на
королевском фланге.

16. f2—f3! Ch4:e1 17. Fd1:e1
Ke4—g5 18. Kb1—c3! Kc6—b4 19.
Fe1—d2 Kg5:h3+ 20. Kpg1—g2
c7—c5.

Стремясь получить контршан-
сы, черные решили отдать коня.
Однако план этот не приносит им
удачи.

21. Kpg2:h3 c5—c4 22. a2—a3
Kb4—d3 23. Cb3—c2 Fd8—d7 24.
f3—f4 h7—h5 25. Cc2:d3 Cg6:d3
26. Fd2—g2!

Точный маневр. Именно по вер-
тикали «g» белые развернут реша-
ющее наступление на неприятель-
ские бастионы.

26. ... Lf8—d8 27. Kph3—g3
a6—a5 28. g4:h5 La8—a6 29.
Kpg3—f2 Cd3—f5 30. La1—g1
g7—g6 31. Fg2—g5 Kpg8—h7 32.
Kh2—f3 b5—b4 33. Lg1—h1!

Очевидно, что угрозы королю
черных неотразимы. Здесь уже
они могли со спокойной совестью
«опустить занавес».

33. ... Kph7—g7 34. Kc3—a4
b4:a3 35. b2:a3 Ld8—b8 36.
Ka4—c5 Lb8—b2+ 37. Kpf2—g3
Fd7—c8 38. Kc5:a6 Fc8:a6 39.
h5—h6+ Kpg7—h7 40. Fg5—e7!, и
черные в безнадёжной ситуации
просрочили время.

ЧЕМПИОН
СРЕДИ «КАДЕТОВ»

Порадовал на личном первен-
стве мира среди «кадетов» — юно-
шей до 17 лет — ленинградский
школьник, воспитанник очно-заоч-
ной шахматной школы гроссмей-
стера В. Смыслова Валерий Салов.
На турнире в Гавре (Франция)

он опередил 49 (!) соперников из
разных стран и завоевал золотую
чемпионскую медаль.

К такому положению после 17-
го хода черных пришел В. Салов (у
него были белые фигуры) и бразиль-
ский шахматист А. Милош. Белье
отбрасывают назад неприятельского
коня и быстро завершают мобилиза-
цию сил, что позволяет им пешечным
прорывом в центре создать опасное
давление.

18. h2—h3 Cg7—h6 19. Ke2—f4
Kg4—f6.

Встречный выпад центральной
пешкой черных не проходит, так
как в случае 19. ... e5 20. de они не
успели взять пешку конем из-за
того, что под «боем» оказывалась
их ферзь.

20. Cg1—e3 a7—a5 21. Lh1—f1
Cc8—a6 22. d4—d5! Fb6—c7 23.
d5:c6 La8—d8 24. Fd2—c1 Ca6:d3
25. c2:d3 Ld8—d6 26. Kb3—d4
Ld6:d4?

В трудном положении черные
предпринимают внешне заманчи-
вую, но некорректную комбинацию
и терпят материальный урон.

27. Ce3:d4 e7—e5 28. Fc1—c2!
e5:d4 29. Kf4—e2! Ch6—g7 30.
Fc2:a4, и белые легко реализова-
ли лишнюю пешку и качество.

Наш адрес: 101457, ГСП, Москва, Бумажный
проезд, 14. Телефон для справок: 212-15-07.
Рукописи, фото и рисунки не возвращаются.

Сдано в набор 03.10.80. Подписано к печати 17.10.80. А 06680. Формат 70×108¹/₂. Глубокая печать.
Усл. печ. л. 5,60. Уч.-изд. л. 11,55. Тираж 1130000 экз. Изд. № 2541. Заказ № 3180.
Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

ЕДИНСТВЕННАЯ В МИРЕ

Музыка Галины ВОЛГИНОЙ
Стихи Николая ДАМДИНОВА

Не ведал я, взгляды бросая беспечно
На девушек наших весенней порой,
Что в жизни бывает у каждого встреча,
Которую мы называем судьбой.

Свободный и юный, я шел на рассвете
От нежных объятий сквозь ветер, сквозь снег...
На этой стремящейся к воле планете
Оковы любви не разбил человек.

Сегодня я только тебя называю
Единственной в мире. О, как ты светла!
И утро далекое не забываю,
Когда ты ко мне, улыбаясь, вошла.

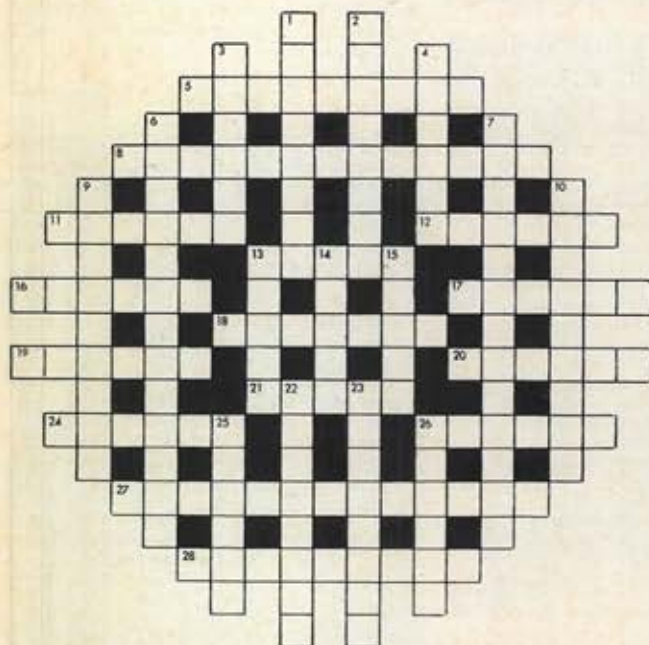
Вошла, как цветы луговые весной,
Расцветшая — прямо в объятия мои,
И в это мгновенье во мне, надо мною
Светло прозвенели оковы любви!

С тех пор побродил я немало по свету,
Другие улыбки встречаю везде,
Но верен остался чудесному лету
И выбранной нами заветной звезде!

Тобой, лишь тобою одной в целом свете
Я полон. К тебе лишь привязан навек.
На этой стремящейся к воле планете
Оковы любви не разбил человек!

КРОССВОРД

Составил Н. МЫРИКОВ,
Рубцовск

По горизонтали:

5. Комплект типографских шрифтов одного рисунка. 8. Действующий вулкан в Мексике. 11. Государство в Южной Европе. 12. Итальянский живописец эпохи Возрождения. 13. Народность, живущая на юге Хабаровского края. 16. Охотничья собака. 17. Отпечаток текста, графического изображения. 18. Народный художник СССР, график, лауреат Ленинской премии. 19. Рассказ А. П. Чехова. 20. Стихотворение в прозе И. С. Тургенева. 21. Измерительный инструмент для контроля наружных размеров деталей машин. 24. Духовой деревянный инструмент. 26. Город-герой. 27. Отрасль искусствования. 28. Слово или фраза, одинаково читающиеся слева направо и обратно.

По вертикали:

1. Пятигранник. 2. Советский электротехник, академик, участник составления плана ГОЭЛРО. 3. Старинный танец, исполнявшийся в Испании, Франции. 4. Порт на северо-востоке Италии. 6. Пианист и композитор, народный артист СССР. 7. Прием художественного изображения. 9. Певучее исполнение музыкальной пьесы, мелодии. 10. Дикая свинья, обитающая на Малайском архипелаге. 13. Разновидность агата. 14. Естественный, замкнутый в берегах водоем. 15. Приток Невы. 22. Центр воеводства в Польше. 23. Персонаж оперы Н. А. Римского-Корсакова «Снегурочка». 25. Французский режиссер, актер, теоретик. 26. Спутник планеты Уран.

ОТВЕТЫ
НА КРОССВОРД
НАПЕЧАТАННЫЙ
В № 21

По горизонтали:

7. Ковалло. 8. Европий. 10. Кржижановский. 11. Класс. 13. Франс. 15. Груша. 17. Ресифи. 18. Кречет. 19. «Обвал». 21. «Энергия». 22. Прага. 23. Тауда. 24. Стилист. 25. «Колос». 29. Нарвик. 30. Корвет. 31. Агава. 32. Орлец. 34. Триод. 35. Вискозиметрия. 36. «Детство». 37. Сварщик.

По вертикали:

1. Короленко. 2. Флокс. 3. Волжский. 4. Геркулес. 5. Дрейф. 6. Лимонница. 9. Индустриализация. 12. Соревнование. 14. Ретранслятор. 15. Гимнастика. 16. Активистка. 20. «Луна». 22. Парк. 23. Тимирязев. 26. Субботник. 27. Автостоп. 28. «Прогресс». 33. «Цветы». 34. Тягач.

ДА БУДЕТ КИСТЬ ЛЕГКА

Произведения любого художника — это не только мастерство, помноженное на труд, это и его мироощущение и отчасти его биография. Всегда интересно знакомиться с работами нового художника, видеть ставшее уже привычным, обыденным его глазами, и тогда неожиданно мир может повернуться к вам одной из неизвестных еще граней.

Ольга Крестовская. Чем этот молодой московский художник тронет наше сердце, что нового открывает для нас в многообразии жизни?

— Когда я пишу, постоянно испытываю волнение. Я счастлива от работы с красками, от чистого холста, от воплощения замысла, который иногда вынашивается долго и трудно, а иногда вспыхивает вдруг и требует немедленной работы, — говорила нам Ольга, когда в редакции открывалась ее выставка.

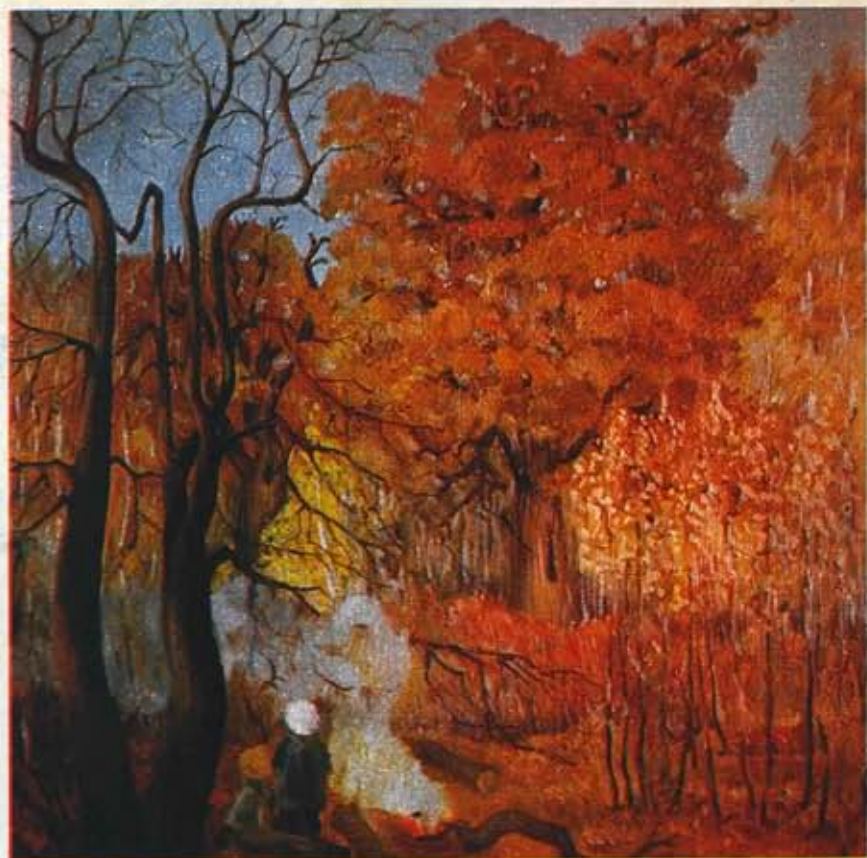
И, видно, не зря она любит повторять во время работы строчки: «Да будет кисть божественно легка, когда коснусь тугого полотна, и запоет в душе нежнейшая из песен о том, что мир прекрасен и чудесен...»

Истоки понимания этого прекрасного и чудесного мира закладывались в детстве. Ольга считает, что ей в жизни очень повезло: с раннего детства перед ней распахнулся огромный мир творчества, который увлек ее, достижение которого стало смыслом всей жизни. Видеть и чувствовать этот мир научил отец. Он вселил в юную душу веру в добро и справедливость, научил любить людей...

Не оттуда ли, из далекого теперь детства, пришла к Ольге любовь к человеческому лицу — портрету, особенно детскому. Дети предстают перед нами красивыми, непосредственными, веселыми, лукавыми, озорными и всегда искренними.

Сочетание внешней легкости и лирической мягкости придает работам Крестовской выразительность и самобытность. Ольга любит писать, как она говорит, «все живое» — будь то деревья, цветы, люди и даже солнечный свет, мягко струящийся из окна.

Ее пейзажи — это всегда прекрасные путешествия, оставляющие в душе богатство закатов, мягкость и прозрачность туманов, терпкий запах прелой листвы... Много и с удовольствием пишет художница деревья. Вот осенние липы — их зеленые стволы с обнаженными ветвями графичны, угловаты; а

ОСЕНЬ В ЛЕСУ.

АВТОПОРТРЕТ

НАТЮРМОРТ С АПЕЛЬСИНАМИ.

весенние липы — это уже растворенные в небе ветки, розоватые от солнечных лучей. Деревья, стоящие в воде, радуются первому теплу, а деревья на фоне холодного зимнего солнца, кажется, потрескивают от мороза. Цветущий сад шагнул на полотно из наших снов — такой он празднично нарядный, легкий, торжественно светлый...

Особый разговор о портретах. Портреты очень разных людей, но все объединены одним — пластичностью, мягкостью, истинно русским пониманием образа. Цветовая гамма, композиция, настроение модели — все это определяет индивидуальный характер каждой работы, сам характер модели диктует художнику способ изображения. Раскрыть человека, познать его внутренний мир, почувствовать его сильные и слабые стороны, а потом выделить основное, глубоко и взволнованно передать это на полотне — вот что Ольга Крестовская считает своей основной задачей.

Глядя на работы Ольги Крестовской, понимаешь, что перед нами сформировавшийся художник лирического склада, плодотворно живущий вместе с героями своих произведений жизнью нашего огромного и прекрасного мира, мира человека, мира для человека.

Геннадий СТЕПАШЕНКО

ВЕСНА. РУЧЕЙ.

ЗАКАТ.

СЫН.